Конан

КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО

Annotation

Противостояние Духов Камня набирает обороты. Все большее количество людей вовлекается в смертельную игру. Помимо Конана и его команды пиратов втянутыми оказываются местные маги, называющие себя Хозяевами Побережья, некая неведомая сила в лице так называемого «отца духов», а также древнее сообщество фанатиков.

Северо-Запад, 2006 г. Том 115 "Конан и Красное братство"
Брэнт Йенсен. Хозяева побережья (роман), 171-438

- Брэнт Йенсен
  - Глава 1.
  - Глава 2.
  - Глава 3.
  - Глава 4.
  - Глава 5.
  - Глава 6.
  - Глава 7.
  - Глава 8.
  - Глава 9.
  - Глава 10.
  - Глава 11.

Брэнт Йенсен
Хозяева Побережья
(Цикл “Пленники Камня” – часть 2)
Северо-Запад, 2006 г. Том 115 "Конан и Красное братство"

Глава 1.
«О тайных обществах»

Небольшое поместье Бильнас считалось самым удобным перевалочным пунктом на дороге из Сартоса в Кеми. Уставшие караванщики могли найти приют на одном из трех постоялых дворов, сменить лошадей на верблюдов, подлатать в кузне прохудившуюся кольчугу.

Хотя совсем недавно Бильнас был той еще дырой. Путешественника в его окрестностях могли запросто ограбить, убить, а в случае крайнего невезения, еще и изнасиловать. Но случилось однажды проехать мимо Бильнаса одному башковитому купцу-кофийцу. Он оценил превосходное месторасположение поместья и, прибыв в Сартос, немедля выкупил права на эту землю у местных Хозяев.

Для начала купец нанял три десятка отчаянных головорезов из пиратов, что швартовались в Сартосе, и очистил окрестности Бильнаса от лихих людей. Весь следующий год кофиец занимался строительными работами. Снес стену вокруг замка, венчавшего собой центр поместья. Сам замок немного подчистил, обустроил и превратил в некое подобие местной управы, из которой человек, назначенный кофийцем, руководил всей жизнедеятельностью Бильнаса.

За несколько лет поместье полностью преобразилось. Открылись всевозможные лавки. В дополнение к главному постоялому двору — «На перепутье», построили еще два, попроще и подешевле. Из Сартоса подтянулись жрецы Сета. В результате долгих торгов с наместником Бильнаса они добились разрешения построить храм на главной улице поместья неподалеку от замка. Культам Митры, Иштар, Дэркето и Эрлика пришлось удовольствоваться меньшим. Их святыни расположили в маленьком полуночном квартале, названном впоследствии «храмовым».

Человек, прибывший в Бильнас со стороны Кеми, был высок и худощав. Смуглая кожа, орлиный нос и темно-карие глаза выдавали в нем уроженца Иранистана. Возраст его определить было проблематично, скорее всего что-то около тридцати. Одет он был на закатный манер. Рубаха с короткими рукавами и легкие брюки. За поясом путешественника висел кинжал с волнистым лезвием. Другого оружия при нем не наблюдалось.

По сторонам иранистанец не глазел. Двигался уверенной походкой к постоялому двору.

В «На перепутье» обычно останавливались только знатные особы и купцы, что побогаче. Кровати здесь были самые мягкие и просторные в Бильнасе, девушки самые обходительные, а вино неразбавленное. На первом этаже денно и нощно дежурили пятеро громил, готовых предупредить любое нападение на постояльцев.

Ну и цены, правда, были тоже соответствующие. Причем настолько, что большинство путешественников посылали хозяев «Перепутья» с их запросами куда подальше. Так что проблемы свободных мест на постоялом дворе не существовало.

Детина, прислуживающий у входной двери внимательно осмотрел гостя и, судя по мрачному выражению лица, увиденным остался недоволен. Иранистанцу на его соображения было плевать. Не обращая внимания на гримасы прислужника, он спокойно отворил дверь и вошел в таверну. Детина так и не решился его остановить.

Внутри таверны обстановка оказалась не в пример благожелательней. К гостю сразу же подпорхнула миловидная девушка-прислужница в красивом белом платье с голубыми вставками.

— Что вам угодно, господин? – поинтересовалась она у иранистанца. – Комнату на ночь? С девушкой или без? Или просто желаете у нас отобедать?

— Мне надо дождаться моих друзей, — сказал гость. – У нас с ними на шестой послеполуденный колокол назначена встреча. После неё я и решу оставаться ли мне на ночь. А пока принеси мне вина и чего-нибудь мясного.

— Жареный поросенок устроит?

— Да, вполне.

— Вино какое предпочитаете?

— Красное, сухое, — сказал иранистанец. – Сорт на ваш выбор. Что-нибудь не очень дорогое.

— Присаживайтесь, — сказала девушка. – Скоро всё будет готово.

Иранистанец кивнул.

В обеденной зале было пустынно. Из десятка имевшихся здесь столов были заняты лишь два. Иранистанец выбрал себе место у окна. В Бильнасе стояла столь страшная жара, что заклятья, работавшие на постоялом дворе, оказались бессильны перед ней. А вот свежий ветерок, задувавший в залу из окна, приносил с собой желанную прохладу.

Иранистанец откинулся на спинку стула и закрыл глаза. До встречи с «друзьями» оставался еще почти целый колокол. Это время смуглокожий путник собирался потратить исключительно на отдых, разумеется, совместив это дело с приемом вина и пищи.

С улицы доносились звонкие мальчишеские голоса. Иранистанец прислушался. Ребятня спорила по поводу правил какой-то игры. Путник позавидовал этим незнакомым ему детям. Сам он в их возрасте играл в другие игры.

Тем временем, судя по звукам, кто подошел к столу, что-то на него поставил и ушел.

Иранистанец лениво приоткрыл правый глаз.

На столе появились бутыль вина и кружка, которую гость не преминул немедля наполнить. Аромат у вина был приятный, терпкий. Иранистанец сделал несколько маленьких глотков. Напиток оказался достаточно крепок. Во рту после него слегка вязало. Иранистанец довольно улыбнулся. Ему нравилось, когда для приготовления вина использовали молодой виноград. Он и сам так когда-то поступал.

«Похоже, от воспоминаний никуда не деться, — подумал он. – Когда мир стоит на пороге великих перемен, хочешь — не хочешь, а обращаешь взгляд в прошлое».

Время текло медленно. Есть почему-то расхотелось. В замечательном жареном поросенке, поданном к вину, он только для виду немного поковырялся вилкой. Внезапно у иранистанца возникло странное безотчетное желание вынести блюдо с мясом на улицу и отдать его первому попавшемуся бедняку. Это раньше такие порывы происходили у него с пугающим постоянством, но за последние годы он научился контролировать себя. Если живешь среди людей заката, будь добр принимать их правила игры.

Уже тринадцать лет он не бывал в родных краях. Не то чтобы он грустил по Иранистану. Ему никогда там не нравилось. Просто иногда хотелось пройтись по тем улочкам, на которых вырос, посмотреть в глаза друзей. Прикоснуться к миру, что остался в его прошлом. А потом уйти. На этот раз уже навсегда.

У него было предостаточно и времени, и денег, чтобы совершить это путешествие. Но он еще не был готов. Ему не достанет смелости заглянуть в Обитель Эрлика Иранистанского, а без этого возвращение представлялось лишь нелепой шуткой.

Путник вновь наполнил вином свою кружку. На этот раз он пил жадно, отбросив в сторону хорошие манеры.

Кто знает, когда в следующий раз представиться возможность вот так спокойно посидеть за бутылкой хорошего вина? Очень скоро мир изменится.

Они пришли раньше. Иранистанец сразу понял, что это те самые люди, с которыми он

должен встретиться. Ему не нужны были пароли, тайные знаки и прочая подобная чушь. За долгие годы службы он научился видеть людей насквозь.

Первый это, наверняка, Дамар. Туранец. Невысокого роста, пожилой, чуть полноватый, одетый во всё белое. Он носил тоненькие, едва заметные усики. Оружия иранистанец на нем не углядел. Дамар работал вторым помощником придворного лекаря в Султанапуре. Знающему человеку этот факт говорил очень многое. «Вторыми помощниками» в Туране называли тех людей, чья деятельность так или иначе затрагивала процедуру умышленного лишения жизни человека человеком. Так вторые помощники оружейника работали с пленными или рабами, выискивая наиболее рациональные способы отправления несчастных в мир иной посредством тех видов холодного и стрелкового оружия, что использовались славными туранскими воинами. Вторые помощники придворных магов экспериментировали с самыми разными атакующими заклятьями. А люди, вроде Дамара, были специалистами по ядам.

Второго человека, вошедшего в «Перепутье», звали Себер. Он работал библиотекарем в книгохранилище в Нумалии. Себер не нравился иранистанцу. Он казался ему слишком глупым. Все свои знания немедиец извлек исключительно из книг. У него даже жены не было. Путешествие в Стигию, что он совершил, ради этой встречи, ознаменовало для него первый выезд за стены родного города. Внешность у Себера была тоже типично библиотечной. Во всяком случае, иранистанец не сомневался, что так выглядят все заядлые книгочеи. Ростом маленький, кожа нездорово бледная. Несмотря на молодой возраст немедийца, на голове у него уже красуется впечатляющая залысина. Одет Себер был совсем не по погоде. Зачем-то напялил на себя еще и нижнюю рубаху. Как он в ней только не сварился?

Была у этой парочки еще одна отличительная черта. На указательном пальце правой руки у каждого имелось маленькое колечко с рубином. У иранистанца было точно такое же. Первый знак Общества.

Двое путников огляделись по сторонам. На миг взгляд Дамара задержался на иранистанце. Себер, казалось, его даже и не заметил. Девушка-служанка предложила им присаживаться.

Иранистанец прокашлялся, дабы привлечь к себе внимание, и махнул рукой, призывая гостей к своему столу. Те всё правильно поняли: попросили девицу принести еще еды и вина к столику их друга. Туда же переместились и сами.

— Ясуд? – поинтересовался Дамар именем смуглокожего незнакомца.

Иранистанец кивнул.

— Каре шамар их хи яз.

Камень в кольце Ясуда после этих слов поменял свой цвет с красного на синий.

— Каре шамар их хи яз.

— Каре шамар их хи яз.

Камень Дамара стал зеленым, Себера – желтым.

— Предлагаю на этом покончить с проверкой, — предложил иранистанец. – Боюсь, что если мы начнем демонстрировать татуировки, нас неправильно поймут. О третьем знаке я даже и говорить не смею.

— Согласен, — сказал Дамар, усаживаясь на скамью напротив иранистанца. – Ну, их к Эрлику эти мелочи!

При упоминании имени огненного бога Ясуда немного перекосило. К счастью, его собеседники этого не заметили.

Себер же не спешил соглашаться на предложение иранистанца. Стоял с задумчивой рожей и нехорошо так молчал.

— Брось, — хлопнул его по плечу маленький туранец. – Всё в порядке. Он свой. Ты же видел его перстень. Никому другому камень бы не подчинился.

— Пожалуй, ты прав, — вздохнул Себер и наконец сел за стол.

— Не обращай внимания, — доверительно обратился к Ясуду второй помощник лекаря. – Он в дороге такого натерпелся, что теперь никому не верит.

После этих слов Дамар расхохотался. Иранистанец решил, что за время проведенное этой парочкой вместе, туранец не раз страдал от мнительности библиотекаря.

— Угощайтесь вином, — предложил гостям Ясуд. – Не знаю, какое заказали вы, но то, что сейчас стоит на столе просто превосходно. Клянусь Эрликом, не ожидал попробовать такого в Стигии.

Дамар незамедлительно воспользовался советом. За неимением своей кружки туранец оприходовал ясудовскую. Иранистанец внимательно следил за движениями второго помощника лекаря. Они у него были быстрые, отточенные, аккуратные, словно у карманного вора. А в карманах у туранца, наверняка, водится немало ядов, которые он своими быстрыми ручками без труда способен переправить в напиток неудачливого собутыльника.

Ясуд заблаговременно ознакомился с трудами ученых мужей, специализировавшихся на способах отравления ближнего своего. Со свойственным ему практицизмом иранистанец обобщил весь изученный материал и пришел к единственно правильному выводу: защитить себя никакой возможности нет. Разве что заранее прирезать потенциального отравителя.

Себер от вина отказался. Ясуд вспомнил, что библиотекарь вообще хмельного не употреблял. Этого иранистанец никак не понимал. Сам он, к примеру, от рома тоже нос воротил, но как можно пренебрегать столь благородным напитком, как вино? Ясуд давно бы заподозрил, что с библиотекарем дело не чисто, если бы не был полностью уверен в правдивости сведений о каждом члене Общества.

— Мы можем здесь говорить? – спросил Себер.

— Вы проделали долгий путь, — сказал Ясуд, — наверняка устали. Вам уже несут еду и вино. Насладитесь трапезой. Разговоры можно чуть отложить.

Девушка-служанка принесла Дамару жареного кролика и бутыль розового офирского и гору овощей вкупе с крынкой молока Себеру. Немедеиец похоже и мясо не жаловал.

Некоторое время все трое предавались слабости чревоугодия. Вернее говоря, двое. Ясуд только для виду ковырял ножом своего порося. Аппетит к нему так и не вернулся, но гостей смущать не хотелось. Еще он втайне подозревал, что очень долго не сможет заставить себя получать удовольствие от пищи в присутствии Дамара. Перед глазами сразу всплывал заученный намертво список самых распространенных ядов.

Себера подобные сомнения не мучили. Он с показательной резвостью смел с блюда все свои овощные культуры и стал приглядываться к помидорам, украшавшим ясудова поросенка. Иранистанец из вредности не предложил угоститься.

Дамар своего кроля поедал очень тщательно, обсасывал каждую косточку. Вино он тоже пил медленно, смаковал, наслаждался вкусом.

— Теперь можно и поговорить, — твердо заявил Ясуд, когда все насытились.

— О делах Общества? – изумился Дамар. – Здесь, где каждый может нас подслушать?

В этот миг, словно в подтверждение слов туранца о «каждых», в «Перепутье» ввалились двое северян. Один был огромного роста, с густой гривой черных волос и ярко голубыми глазами. Второй имел в своем распоряжении ярко рыжую шевелюру, бороду такого же цвета и чуть перебитый нос. Оба были одеты, как моряки.

Ясуд сначала подумал, что северяне мертвецки пьяны, но потом понял, что это впечатление обманчивое. Просто мореходы были вымотаны до такой степени, что ноги их не держали.

— Комнату на двоих, вина и пожрать! – потребовал черноволосый. Хорошо так потребовал. Правильным поставленным голосом. Такой команде нельзя не подчиниться, но и раздражения

она не вызывает. Ясуд сразу проникся к парню уважением.

Посмотреть на необычных клиентов из кухни выбежал хозяин. Окинул пристальным взглядом, оценил, как платежеспособных, и чем-то тихо поинтересовался.

— Сигурд, нам надо девок?! – спросил черноволосый у своего товарища.

— Ну, их в п…, — в последний момент рыжий осекся, видимо, вспомнил, что таверна считается приличной.

— Сигурд дело говорит! – указал пальцем хозяину обладатель поставленного голоса. – Мы два дня с верблюдов не слазили. Какие тут могут быть девки?! Разве что на утро… Но это мы сами, если надо попросим.

На этом беседа закончилась, и северяне отнюдь не уверенной поступью отправились на второй этаж отсыпаться.

— Да, слышно тут всё здорово, — признал Ясуд.

Немедиец сразу же принялся нервно озираться по сторонам.

— Успокойся ты! – рявкнул на него Дамар. – Какое людям дело до того, что мы в Обществе состоим? Мало ли обществ в Хайбории…

На Себера довод подействовал.

— В общем-то и вправду нам чужих ушей, — сказал Ясуд, — опасаться большого резона нет. Да и не слушает нас никто. Я бы заметил, поверьте моему опыту.

— Давай всё-таки отыщем местечко поукромней, — предложил туранец.

— Мне здесь нравится, — Ясуд сделал акцент на второе слово. – Ветерок, прохладно. И нет у меня никакого настроения о делах Общества беседовать.

— О чем же тогда говорить? – спросил библиотекарь.

— О вас и о себе, — ответил иранистанец. – Нам друг о друге известна куча вещей, но это не делает нас ближе. Я хочу получше узнать тех, с кем мне предстоит исполнять предначертанное.

— Хорошая идея, — согласился Дамар. – Начинай.

— Меня зовут Ясуд и я родился в Иранистане, — с улыбкой на устах произнес смуглокожий. – Нельзя сказать, что у меня было легкое детство. Наша семья жила очень бедно, и мне довольно часто приходилось подворовывать, чтобы прокормить себя. Воришка, правда, из меня получился посредственный. Таскал я с прилавков первое, что под руку попадется, и сматывался поскорее. Несколько раз меня ловили, но мне неизменно удавалась убалтывать и торговцев, и стражу, и те меня отпускали. По первости я решил, что у меня неплохой актерский талант, даже тренироваться стал, строя рожи перед соседским медным тазом, начищенным до блеска. Эти мои потуги неизменно вызывали у окружающих приступы истерического хохота. Мальчуганом я был неглупым и смекнул, что дело это надо бросать. Секрет моей убедительности крылся где-то еще. Тайна эта открылась мне в возрасте девяти лет. Я прогуливался по базару и наткнулся на одного заезжего туранца, предлагавшего всем желающим сыграть с ним в простую игру. Он ставил на землю три маленьких стаканчика, под один из которых закладывал небольшой железный шарик, вертел их презабавно и просил за небольшую плату попытаться угадать, где сейчас шарик. Большинство игроков неизменно тыкали пальцами в пустые стаканы. Я стоял, смотрел на них и тихо посмеивался. Ведь я точно знал, где лежит шарик. Тогда я кинул туранцу монету и сказал, что хочу сыграть. Я угадал, где шарик, три раза подряд. Туранец на меня дико взъярился, стал кричать, что я мошенник и плут. Тут из-за моей спины вышел высокий человек и спокойно сказал разгоряченному туранцу: «Ты тоже». Тот сразу как-то сник. Тогда незнакомец обратился ко мне: «Отойдем в сторонку мальчик. У меня есть к тебе разговор». Он завел меня в безлюдный переулок, попросил меня прислониться спиной к дому и расслабиться. Я исполнил его указание. Незнакомец начал говорить на непонятном языке и творить руками пассы.

«Магия», — подумал я. Когда мой спаситель закончил свое колдовство, по выражению его лица можно было понять, что он остался очень доволен. «Ты талантлив, мальчик, — сказал он мне. – Настолько талантлив, что я просто не могу бросить тебя в этом клоповнике». Он произнес короткое заклятье, и я потерял сознание.

— Так ты и попал в конклав кофийских магов? – спросил Дамар.

— Да. Этот человек отвез меня в Коф. Вот только он ошибся. По-настоящему хорошего мага из меня не вышло. Хотя, возможно, это из-за того, что я не проявлял достаточного усердия в изучении колдовских наук. Долгий извилистый путь был не для меня. Глупо всю жизнь корпеть над древними заклятьями, чтобы истинную силу обрести лишь в глубокой старости. Моей страстью стали усилители магии — артефакты.

— Вот как ты вышел на Общество! – воскликнул Дамар. – А мы-то гадали, откуда взялся столь странный наследник.

— Вы торопите события, — улыбнулся Ясуд. – Напрасно вы полагаете, что я наткнулся на упоминания об Обществе в одной из книг в библиотеке Хоршемиша. Там я не нашел ничего достойного внимания. Либо полные абсурда легенды, либо рассказы о безделушках. Иногда попадалось что-то серьезное, но такие вещи неизменно находились в сокровищнице какого-нибудь из ныне живущих магов. Но я не терял надежды. Конклав раз в три года отправлял отряды на поиски магических книг и артефактов в самые дальние уголки Хайбории. Я участвовал в трех походах. В первом вверенные мне люди собрали приятную коллекцию защитных амулетов. Часть мы честно сдали в конклав, часть поделили. Второй поход был неудачным. Мы нашли лишь несколько книг по рунической магии, вещи сами по себе ценные, но для меня абсолютно бесполезные. В третий раз наш путь лежал на восход, в Кхитай. Там у нас приключился небольшой конфликт с местными магами. Им не понравилось, что мы уносим их ценнейшее собрание книг по анимагии. Пришлось кхитайцев убить. На пальце одного из них я увидел симпатичное колечко с рубином. Не долго думая, я его позаимствовал.

Иранистанец ослепительно улыбнулся.

— Эрлик! – воскликнул пораженный туранец.— Впервые вижу, чтобы человек вот так взял да и подобрал несравненное могущество!

— Я искал и я нашел. Продолжать рассказ дальше смысла не имеет. Вы знаете всё о моей жизни с того момента. Я же вместе с кольцом обрел знания об Обществе.

— Невероятно, — покачал головой туранец.

— Возможно, кольцо само пожелало сменить носителя, — сказал Себер. – Время преображения мира приближалось, а кхитаец был не готов исполнить свою роль.

— Так или иначе, теперь я часть Общества, — сказал Ясуд и добавил. – Свой рассказ я закончил. Теперь ваша очередь.

Дамар глотнул вина и начал свою повесть.

— С самого детства я знал, кем хочу стать. Когда другие мальчишки гонялись друг за другом с деревянными мечами, я сидел в лавке у травника и слушал его рассказы. Он был истинным мастером своего дела. Знал, какие травы в какой период должно собирать, как сушить их, как смеси изготавливать. Я по мере своих ребяческих способностей запоминал всё, что мог. Мне казалось, что именно в травах кроется великая сила. Мечи и алебарды – это для глупцов. Отец мой, видный туранский военачальник, взглядов моих не разделял категорически. Единственное, что меня спасло от муштры, это то, что я ростом да сложением не вышел. Отец понимал, что если и вырастит из меня солдата, то, скажем так, среднего пошиба. Его это никак не устраивало. Вот и отдали меня на воспитание султанапурскому придворному магу. Училось вместе со мной еще пятеро мальчишек. Девочек маг не привечал. Так уж сложилось, что я был самым слабым из всех, а потому постоянно огребал тумаки и делал всю грязную работу, что взваливали на

учеников. Отцу жаловаться смысла не имело. Он бы этого просто не понял. Бьют тебя – в чем проблема? Дай сдачи. В общем-то я и сам уже решил, что нельзя оставлять обидчиков безнаказанными. В магии я немного поднаторел. Вернее в той её области, что отвечала за изменение предметов материального мира. Вот и я решил совместить свои знания травника с парой полезных заклятий. Подмешав в суп самого моего главного врага ядовитого зелья с большим периодом действия, я дождался пока отрава впитается в кровь, а потом с помощью магии удалил из желудка своего обидчика остатки травяной смеси. Парень вскоре умер. Никто ни о чем не догадался, хотя маги и лекари провели над трупом не один колокол. Я торжествовал. Тринадцатилетний мальчишка сумел перехитрить всех этих ученых мужей. У мага я прожил еще пять лет. Старательно делал вид, что с равным усердием постигаю все аспекты магического искусства, хотя предпочтение, разумеется, отдавал только одному. Вернувшись домой, я заявил, что мне нужны деньги для закупок трав и эликсиров в отдаленных странах. Отец отказался мне их дать. И тогда я сделал так, чтобы он заболел. Только не надо осуждать меня за этот поступок. Всё свое внимание отец уделял двум младшим сыновьям, на меня ему было плевать. Вот и я отнесся к нему так же. Поставив отца на порог смерти, я предложил ему лекарство. Он в ответ лишь расхохотался. Порадовался, что всё-таки вырастил из меня мужчину. «Сын, — сказал он мне, — раньше я думал, что мне придется передать наследство одному из твоих братьев. Первенец казался мне слабым и безвольным. Ты меня разубедил». После этих слов он протянул мне кольцо, рассказал всё, что знал об Обществе, и попросил побыстрее прикончить его. Терпеть унижения он не желал.

— Что-то здесь не то, — сказал Себер. – Мне казалось, что ты вошел в Общество в возрасте двадцати четырех лет. А, судя по рассказу, отца ты убил восемнадцать.

— Всё очень просто, — ответил немедийцу Дамар. – Отец отдал мне кольцо и поведал все о ритуалах, но я не спешил их исполнить. У меня была другая цель в жизни. После смерти моего родителя, всё его наследство перешло ко мне. Часть денег я, конечно, отдал братьям. Нехорошо обижать близких. За следующие три года я успел заработать репутацию исключительного безумца. Что бы стал делать юноша моего возраста, ни с того, ни с сего получивший огромное наследство? Правильно! Спускать его на девок и выпивку. А что сделал я? Призвал к себе десяток известных травников и начал учиться у них искусству составления зелий, жизнь отнимающих и к ней возвращающих. Покупал дорогие магические трактаты. Ставил опыты на животных и на рабах. Одним словом, наполнял свою жизнь знаниями. Смеялись надо мной все. Кроме одного человека. Он занимал должность главы тайного департамента Туранской Империи в городе Султанапур и его окрестностях. Этот человек по достоинству оценил мои способности и предложил мне место второго помощника лекаря. Вы ведь знаете, что это за должность? Теперь я подчинялся людям из тайного департамента, зато возможности для экспериментов стали просто безграничными. Вы даже представить себе не можете сколь грандиозные открытия я совершил. Но тем не менее в какой-то момент мне стало скучно. И тогда я вспомнил об отцовском кольце. К тому времени мне было ровно двадцать четыре года. Так что, дорогой Себер, нет никакой ошибки.

— Ты – опасный человек, — сказал Ясуд туранцу.

— Я этого и не скрываю, — улыбнулся в ответ Дамар.

— Хитро, хитро, — покачал головой иранистанец.

Дамар поднял кружку с вином. Ясуд поднял свою. Они чокнулись и выпили довольные друг другом.

— Ну, а что вы нам расскажите, месьор Себер? – спросил Ясуд.

— Моя история покажется вам скучной, — сказал немедиец.

— И тем не менее мы её с удовольствием выслушаем, — настоял Дамар.

— Хорошо, — согласился Себер. – О своем предназначении я узнал еще в ранней юности. Отец рассказал мне и об Обществе, и о его целях. Он объяснил мне, какая это ответственность быть одним из трех хранителей. Уже долгие годы в нашей семье кольцо переходило от отца к сыну. Мои предки были людьми умными и образованными. Вы знаете, что наш род является дворянским. В Немедии это кое к чему обязывает. Так вот, предки посчитали, что просто хранить реликвию в ожидании заветного дня глупо. Необходимо готовиться. Просто невозможно, если избранным окажется неуч. Я могу с гордостью заявить, что каждый мой предок был одним из самых просвещенных людей своего времени. Постепенно образовался так называемый «список книг, обязательных к изучению». По сложившейся традиции каждый новый хранитель пополнял этот перечень еще одним экземпляром, который находил наиболее уместным. Вот за постижением всех этих трудов и прошли мои детство и юность. В день моего тридцатилетия отец торжественно передал мне кольцо. И с тех пор я один из вас.

— Хорошая подобралась компания, — улыбнулся Ясуд. – Еще вина?

— Пожалуй, — согласился Дамар. – Завтра нам предстоит долгий путь.

Глава 2.
«О триумфальном возвращении героев»

Ехать в Сартос через Бильнас предложил Сигурд. Ваниру очень не хотелось возвращаться в поместье Бирафир. От воспоминаний о последней встрече с хозяином этого места его до сих пор в пот бросало. Конан также был не в восторге от перспективы скорого свидания с мальчишкой. Вот пираты и отправились в объезд. Крюк им пришлось заложить приличный. Лишних два дня пути, причем под палящим солнцем.

Но всё бы ничего, если бы на второй день не прохудился бурдюк с питьевой водой. Почему это произошло, пираты так и не разобрались. На факт оставался фактом. Воды теперь было впритык. Сразу по обнаружению оказии северяне соорудили краткий военный совет. Имелись два варианта дальнейших действий. Первый предусматривал движение в прежнем ритме, только с введением ограничений на потребление воды. Второй был более смелый. По нему предполагалось добираться до Бильнаса без традиционной ночной остановки. По прикидкам Сигурда получалось довольно складно. В поместье они должны были прибыть следующим вечером.

Конан немного поспорил со своим первым помощником, проверяя крепость его доводов, но в итоге согласился ехать без ночевки. Добрались в Бильнас они, как и планировали, точнехонько на закате. Зато вымотались невероятно. На каком постоялом дворе остановиться, решали недолго. После похода в пещеры белсебуров денег у северян было предостаточно. Таверна «На перепутье» хоть и дорогая, зато качеством своим услуг славная.

Ни на что, кроме как снять комнату и сразу же лечь спать, у северян сил не оставалось. На утро, правда, они это дело компенсировали. Ими были выпиты две бутылки красного аргосского и три белого офирского, съедены жареный фазан, кролик и филе молодого порося. Девушек сначала вызвали двоих, но потом решили, гулять так гулять, и довели общее число куртизанок до пяти.

Как нетрудно догадаться, Бильнас пираты покинули только на первый послеполуденный колокол. Несмотря на «вынужденную» задержку, оба были страшно довольные. Впрочем, повод для хорошего настроения у них имелся. Они раздобыли достаточно золота, чтобы оплатить ремонт «Вестрела». А по хорошему счету еще и остаться должно. Огорчало только, что Счастливчик в Сартос уже не вернется. Зингарец нашел последний покой в колдовском подземелье.

Еще настроение портили верблюды. Особенно страдал Сигурд. Конечно, почти за полную седмицу он уже успел приспособиться к своему двугорбому и даже сдружиться с ним, но всё-таки втайне мечтал пересесть на лошадь. Капитана одолевали те же мысли, но вслух он их не высказывал. В Бильнасе имелся купец, который как раз и занимался тем, что торговал лошадьми да верблюдами. Придти к нему и поменять одну животину на другую было в порядке вещей. Туда северяне и направились. Купец осмотрел верблюдов с делано брезгливой рожей, сказал, что товар сильно жизнью побитый и назвал свою цену. Северянам вмиг захотелось убить ублюдка. Не то чтобы у них не было таких денег, было куда больше. Просто заплатить предложенную цену значит привлечь к себе ненужное внимание. Дорога в Сартос была небезопасной. Напороться на разбойников ничего не стоило, особенно если верный человек пошлет им весточку. Ввязываться в драку просто из-за того, что у тебя под седлом не лошадь, а верблюд, пиратам показалось глупым. А каравана, к которому можно было бы присоединиться, в Бильнасе в данный момент

не имелось.

Бильнас находился к Сартосу чуть ближе, чем Бирафир, а потому дорогу можно было покрыть не за два дня, а за полтора. Пираты посовещавшись решили применить к джунглям опыт пустынных путешествий. Проще говоря, на ночевку опять не остановились.

Темень в Стигии по ночам стояла жуткая. Ехать верхом было опасно. Животное запросто могло оступиться. Потому спешились и, взяв верблюдов в повод, неспешно побрели сквозь ночные джунгли. Чтобы как-то развлечься, Конан принялся впаривать Сигурду байки о своих похождениях в Пунте и Черных Королевствах. Первый помощник нагло ухмылялся, пользуясь тем, что ночью выражения его лица никак не разглядеть. Он уже давно научился вычленять из историй капитана крупицы правды. Количество поверженных стражников следовало делить на пять, количество зубов в пасти демона на десять-двадцать в зависимости от случая, число соблазненных красавиц традиционно завышалось втрое. Когда сказки слушать надоело, ванир стал пытать капитана на предмет голосов тех птиц и животных, что раздавались в ночи. Конан с удовольствием рассказал о каждом. Рыжеволосый первый помощник капитана нутром чуял, что над ним издеваются в отместку за его неверие. Судя по описаниям капитана, все эти ночные твари были на редкость опасные и прожорливые. На дорогу они не выходили лишь из-за врожденной неприязни к роду человеческому. Сигурд вконец озлился на киммерийца и потребовал очередную порцию приключений. Всё лучше, чем про тигров с ягуарами слушать.

Почти сразу после рассвета пиратам на дороге встретился обоз, запряженный волами. Возница был мужчиной средних лет, стигийцем, судя по всему, крестьянином. В телеги сидели две женщины, одна постарше, другая помоложе. Похоже, что жена и дочь.

— Доброй дороги, — поприветствовали северяне почтенное семейство.

— И вам того же, — отозвался крестьянин. – На заработки в город собрались?

— Какие там заработки? – усмехнулся Конан. – Там же из-за шторма вся жизнь остановилась.

— Это как посмотреть, — сказал крестьянин, обрадованный тем фактом, что незнакомцы грабить его вроде как не собираются. – До последнего времени действительно тишь и гладь была. Я вот брата жены навещать ездил. Хороший он мужик. Две седмицы у него прожил. Так что можете не сомневаться, всё своими глазами видел. Два дня назад город всколыхнулся. Хозяева из поместья своего повылазили. Ходят, по сторонам зыркают, а у самих морды испуганные. «Лиловые» тоже весь Сартос наводнили. Ищут чего-то.

— Всё равно не вижу повода подзаработать, — всё с той же улыбкой произнес Конан.

— Я это к тому веду, — хитро прищурившись, сказал крестьянин, — что вода там сейчас ой какая мутная. А именно в такой воде крупная рыбка-то и водится. Вон, пираты две седмицы ходили злые на весь мир. А вчера на них посмотри? Довольные, рты до ушей, разве что брататься не лезут. Точно говорю, где-то денег раздобыли. Причем все. А чего новая лавочка стоит?! Название у неё больно хорошее: «Сто золотых за человека». Я там сам, правда, не был, но мне рассказывали, что у них там всё по-честному. Заправляла каких-то четверых людей разыскивает. Не то преступники беглые, не то еще кто. Суть не в том. Он каждому на дело подвязавшемуся авансом две золотые монеты дает. Вот так-то!

— На сказку похоже, — сказал Сигурд.

— Какие там сказки, парень?! – отмахнулся от него крестьянин. – Всё правда чистая.

— Ладно, спасибо тебе за рассказ, добрый человек, — сказал Конан. – Удачно добраться.

— Спасибо, — ответил мужик и дернул поводьями.

Повозка направилась в одну сторону, пираты в другую.

Некоторое время северяне ехали молча. Размышляли над последними новостями. Каждый сам про себя. Что характерно, хмурились оба.

Верблюды, почувствовавшие, что всадникам, до них нет никакого дела, не преминули сбросить ход. За время путешествия животные изрядно вымотались и похудели. Не особо хорошо на них повлиял и вид исчезающего в пустыне озерца. Про планы Сигурда по ускоренному передвижению и говорить нечего. Еще ездовые верблюды завидовали третьему своему собрату, который вез не массивных северян, а исключительно их вещи.

По дороге из Кеми в Сартос животные ходили уже не раз. Они помнили, что по прибытию на место их накормят, напоят и на какое-то время оставят в покое. Наверное, только мысль о скором отдыхе и придавала им сил.

Если бы верблюды понимали человеческую речь, то они, наверное, по достоинству бы оценили недавний спор между Сигурдом и Конаном. Пираты выясняли, сколько времени потребуется, чтобы загнать верблюда. Животина вроде бы более выносливая, чем лошадь, но есть предел и её возможностям. В конце цинично порешили, что если какой верблюд всё-таки сдохнет, всегда можно пересесть на тяглового.

Примерно в районе третьего предполуденного колокола путники увидели впереди Сартос. Не особо живописный изнутри, издали на фоне спокойного синего моря город смотрелся великолепно. Он словно сливался с пейзажем. Создавалось такое ощущение, что его просто не могло не быть на этом месте.

— Как починимся, сразу уплываем отсюда как можно дальше, – сказал Конан своему первому помощнику. – Не нравятся мне все эти россказни про золото, что на дороге валяется. Не к добру.

— Согласен, — сказал рыжеволосый. – Похоже, маги опять что-то недоброе замышляют.

— Скорее кто-то против них, — покачал головой капитан. – Помнишь, крестьянин говорил, что стигийцы-то как раз напуганные ходят. Я думаю, что какой-то заезжий маг докопался таки до причины шторма и пытается Хозяевам хвост прищемить.

— Правдоподобно, — согласился ванир. – И лавочку они под прикрытием открыли, чтоб мага этого сыскать и денег ему не платить.

— Зря парень пожадничал, — посетовал Конан. – Попросил бы поменьше, ему бы может и заплатили. А так ни себе, ни людям. Наверняка, уже все конфиденты всполошились. Теперь дело не замять. Точно говорю, уплывать отсюда надо.

— Постой, — перебил Сигурд капитана. – А с чего тогда моряки счастливые стали? Им на Хозяев молиться надо. Без стигийских денег все до одного пираты по миру пойдут.

Конан задумался.

— Кром его знает, — сказал он. – Есть какая-то причина. Если только от митриан безумием не зародились. Представь, приходим сейчас на корабль, а там все такие счастливые-счастливые.

— Ну, тебя, — отмахнулся Сигурд. – Все твои беды, капитан, от неуемной фантазии.

— Девицы говорят от кое-чего другого, — то ли всерьез, то ли в шутки заметил киммериец.

В Сартосе было шумно. И Конан, и Сигурд пытались соизмерить теперешний шум с тем, что сохранился в их воспоминаниях. Не получалось. И тогда, и сейчас было очень громко. Конан глубокомысленно заметил, что для того, чтобы начать чувствовать город, надо пожить в нем хотя бы пару месяцев. Сигурд с ним согласился.

И всё-таки отличия имелись. То там, то здесь мелькали лиловые шапочки, рубахи или просто повязки. Тайная служба была повсюду. Крестьянин оказался прав. Эти люди кого-то искали. А может что-то, как предположил ванир.

Оба моряка только сейчас поняли, насколько сильно их утомило путешествие к магической сокровищнице. Когда Конан с Сигурдом проезжали «Хлебную», оба одновременно подумали об одном и том же. Винные ряды.

— Как полагаешь? – обратился к первому помощнику Конан. – Можно?

— Пару кружек можно, — сказал Сигурд.

И пираты направились к заветным тентам. Животные, уже давным-давно шедшие в поводу, инициативе киммерийца были тоже рады. Лучше стоять в тени, чем идти под палящим солнцем.

Северяне заняли один из немногочисленных свободных столов и громогласно потребовали вина. Охлажденного. Повеление было исполнено немедля. Пили пираты молча, наслаждаясь долгожданным отдыхом. В мыслях они были уже далеко от побережья Стигии. В их кошелях имелось достаточно денег, чтобы отремонтировать «Вестрел» и как можно скорее покинуть сей гостеприимный край.

— Конан, — толкнул локтем капитана Сигурд, — ты посмотри, какая девица!

— Где? – сухо поинтересовался киммериец, всем своим видом демонстрируя, что ни одной девицей его не удивить.

— Вон! – сказал ванир и по-варварски простодушно ткнул пальцем в сторону миловидной блондинки. – Тебе такие вроде всегда нравились.

После этих слов Сигурд от души расхохотался. Киммериец любил рассказывать, что в многочисленных приключениях, в которых он побывал, по одну сторону с ним неизменно оказывались именно такие девы-воительницы. Ванира этот факт неизменно забавлял. За свою жизнь он видел не более десяти дев, что могли бы сражаться наравне с мужчинами. Притом по красоте, скажем, тот же Нергал дал бы каждой по сто очков вперед. Картина, наверно, истинно страшная. Стоишь так в чистом поле, сражаешься, а тут на тебя несется этакий крокодил с перекошенным лицом и топором наперевес. От ужаса концы отдать можно.

— Да, мне блондинки по нраву, — хмыкнул Конан. – Я понимаю, что это не согласуется с твоими предпочтениями, но, поверь, в этом мире не все без ума от толстых рыжих баб из Ванахейма.

Сигурд зло посмотрел на капитана. Уел таки. В голове ванира мгновенно взрос план мести. Он взметнулся со своего стула и направился к девице, расталкивая менее расторопных прохожих. Что именно сказал рыжеволосый девушке, киммериец не расслышал, но вскоре за столом их сидело уже трое.

— Расскажите нам, дорогая, — делая хитрую рожу, обратился к девушке ванир, — в скольких приключениях вам довелось побывать? Много ли демонов погибло от вашей руки? Лично-то я верю, что много, но вот моего друга интересуют подробности.

— Может, сначала угостите вином, как обещали, — поинтересовалась дева.

— Конечно же! – сказал ванир. – Хозяин, еще одну кружку и бутыль аргосского!

Киммериец тем временем приглядывался к девице. Ну, во-первых, она была настоящей красавицей. Прекрасные волосы цвета пшеницы, зеленые глаза, аккуратненький носик.

Но это было не главное. Несмотря на все шуточки первого помощника, девушка, похоже, и впрямь умела неплохо убивать. Кольчужка и меч, что она носила, служили для того, чтобы отвлечь внимание от настоящего оружия. За поясом у девицы имелось два тоненьких кинжала. Киммериец был готов об заклад биться, что обращаться с ними она умеет мастерски. Также он не сомневался, что либо в сапоге, либо за подкладкой кожанки, дева носит что-нибудь метательное. Звёздочки либо опять же кинжалы.

Интересную особу выловил Сигурд.

— Вы путешествуете в одиночку? – спросил Конан, дождавшись того момента, когда дева насладиться своим вином.

— Сейчас, да, — сказала девушка. – Я прибыла в Сартос в надежде найти работу у местных Хозяев.

— Давайте всё-таки, – настаивал на своем Сигурд, — вернемся к вашему прошлому!

— Оно у меня неинтересное, — отмахнулась девушка. – Я убивала людей по приказам магов

Черного Круга.

Сигурд поперхнулся вином. Конан же особо и не удивился. Он и ожидал услышать нечто подобное. Подспудно киммериец решил, что надо бы сделать ваниру втык. Обычно тот был намного внимательнее.

— И хорошо справлялись? – спросил Сигурд, так и не решивший верить девушке или нет. Вообще такими вещами бросаться было не принято.

— Не мне судить, — пожала плечами красотка. – А у жертв уже не узнаешь. Впрочем, чего-то действительно интересного мне никогда не поручали. У меня нет никаких способностей к магии, а для Черного Круга это очень много значит.

— Потому вы и ушли от них? – спросил Конан. К девушке он испытывал двоякие чувства. С одной стороны, она ему безумно нравилась, с другой – большую часть жизни якшалась с магами.

— Да. Я почувствовала, что постепенно начинаю сходить с ума от однообразия.

— И вас так спокойно отпустили? – спросил Сигурд. Встревоженный чересчур серьезным видом капитана, он чуть внимательнее присмотрелся к девице, и пришел к тем же выводам, что и Конан незадолго до него.

— А почему бы и нет? – пожала плечами девушка. – Не думаю, что я сильно испорчу репутацию стигийцам. Скорее наоборот. Они это понимают.

— И чем вы здесь занимаетесь в Сартосе? – поинтересовался киммериец.

— Убирайтесь поскорее из этого проклятого города, — вдруг ни с того, ни с сего сказала девушка. – Иначе умрете. Здесь скоро не останется ни одного живого человека.

Конан и Сигурд смотрели на девушку, раскрыв рты от удивления.

На мгновение взгляд девы стал каким-то пустым. Потом она встрепенулась и начала бойко извиняться.

— Простите, я не знаю, что на меня вдруг нашло. Честное слово, не знаю. Простите меня.

С этими словами она встала и пошла прочь.

— Постойте, — крикнул ей вдогонку Конан. – Мы так и не узнали ваше имя?

— Тара, — отозвалась девушка и скрылась в толпе.

Сигурд налил вина себе и киммерийцу. Выпили.

— Странно это, — сказал ванир.

— Странно, — согласился Конан. – Еще бутылочку?

— Пожалуй.

Но удовольствие было уже не то. В мечтаниях северян образ покидающего причал Сартоса «Вестрела» то и дело сменялся видением девы-воительницы с волосами пшеничного цвета, выдающей не к месту непонятные пророчества. Конан силился понять, кто она такая. Ванир же старался постичь смысл странного предсказания.

— Капитан Конан? – вопрос исходил от молодого паренька.

Киммериец нахмурил брови, вспоминая, где он его видел раньше. Лицо казалось смутно знакомым. Конечно, «Летящий»! Корабль, пришвартовавшийся по соседству от «Вестрела». Паренек, кажется, ходит на нем юнгой.

— Да, это я, — сказал киммериец.

— Я думаю… лучше… вам бы, наверное, стоило…

— Не мямли! – крикнул на юнгу Конан.

— На «Вестреле» что-то неладное творится, — сказал паренек. – Я сам толком не знаю, но вам лучше поторопиться на свой корабль.

— Кром! Сигурд, отцепляй верблюдов. Быстрее!

До порта северяне добрались бегом. Прохожие бросали на них удивленные взгляды и спешили убраться с дороги. Внешне «Вестрел» был в порядке. Мирно покачивался на волнах.

Моряки чинили мачты.

Капитан вихрем промчался по трапу. Сигурд, пристроив животных, последовал за ним.

— Что здесь случилось?! – рявкнул киммериец. – Где Зелтран, Нергал его за ногу?!

— Капитан, так сразу и не объяснишь, — это произнес Грув. Конан нехорошо покосился на моряка, вспоминая встречу с его двойником в Бирафире. Потом потряс головой, гоня прочь вздорные мысли.

— Давай, тогда постепенно, — сказал киммериец. – Пошли в мою каюту. Сигурд, с нами!

Обстановка в капитанской каюте роскошью не блистала. Стол, три стула, кровать, шкаф с картами, сундук. На стенах висели два меча. Даже не нужно было приглядываться, чтобы понять, насколько хорошо они отточены. В углу у изголовья кровати стоял маленький арбалет. Видно его не было, и о том, что он вообще есть, знали лишь несколько человек.

— Садись, — сказал Конан Груву, указывая на один из стульев, — и рассказывай, что здесь произошло.

— И где Зелтран?! – добавил Сигурд. Первый помощник уже успел расположиться на кровати.

Грув начал своё повествование. Сначала рассказал о визите шемских купцов с их странным предложением. Конан очень долго и дотошно расспрашивал помощника боцмана и о самих шемитах, и об их товаре.

— Не стоило соглашаться, — покачал головой Конан. – Ох, не стоило.

— Так под нож бы пустили, — возразил Грув.

— Не посмели бы, — грустно улыбнулся киммериец. – Их бы тогда Хозяева самих очень быстренько на Серые Равнины отправили. Уж, они бы такой шикарный повод избавиться от расходной статьи ни за что бы не упустили. Вас те капитаны просто на испуг взяли.

— Знаете, капитан, — посетовал Грув. – Вам сейчас хорошо говорить. А мне тогда не до рассуждений было.

— Хороший моряк никогда способности соображать терять не должен, — отрезал Сигурд.

— Ладно, Грув, — сказал Конан. – Давай, дальше.

Дальше был рассказ про бордель и его седого хозяина. Конан лишь сжимал кулаки, когда Грув говорил про то, как умирали моряки.

— Постой! – вдруг насторожился Сигурд. – Опиши-ка поподробнее ту девицу, что разговаривала с седым.

— Красивая очень, — начал вспоминать Грув. – Со светлыми волосами. Стройная, высокая. Доспех у неё очень несуразный был.

— Проклятье! – стукнул по столу кулаком Конан. – Это точно та наша знакомая!

— Вы её знаете, капитан? – удивился седой моряк.

— Сегодня на базаре парой слов перебросились, — ответил киммериец и вздохнув добавил. – Э-эх, знать бы…

— Ладно, теперь мы хотя бы можем быть уверены, что она в Сартосе, — утешил капитана ванир. – Продолжай, Грув.

Про фокусы, что вытворял толстяк, северяне слушали не перебивая. Да, и в дальнейший рассказ сильно не вмешивались. Конан только поинтересовался именами тех моряков, что предлагали идола продать. Грув сказал, что не запомнил. Киммериец ответил, что всё равно рано или поздно узнает.

За поход к Хозяевам помощнику боцмана хорошо досталось и от Конана, и от Сигурда. Северяне в один голос дивились глупости матроса. Как можно было понадеяться, что стигийские маги сподобятся Зелтрану помочь?!

— У-уу! Набрал команду идиотов! – сетовал Конан. – Как нам теперь боцмана вызволять?

— Я не думал…

— А надо было! – рявкнул с кровати Сигурд. – Если б не Зелтран, они бы и тебя с собой прихватили! Бестолочь!

Еще какое-то время капитан и его помощник крыли Грува по матери и прочей родне. Седой матрос стоически терпел. Свою вину признавал. Нельзя было Зелтрана к магам вести.

— Ладно, капитан, хватит, — сказал в конце концов Сигурд. – Другие на его месте еще бы больше дров наломали. Мы тоже хороши. Поехали бы через Бирафир, застали бы Зелтрана еще в нормальном виде.

— Ты не беспокойся, Сигурд, — утешил первого помощника Конан. – У меня и для нас с тобой пара ласковых найдется.

— Давай теперь волосы на голове рвать! – зло сказал Сигурд. – Или что там у вас в Киммерии в таких случаях делать положено?!

— Рыжеволосых псов на копья сажать! – также очень «по-доброму» отозвался Конан.

Сигурд громко расхохотался и с силой хлопнул капитана по плечу. Конан не замедлил присоединиться к его веселью. Грув смотрел на них как-то странно. По лицу помощника боцмана было видно, что сурового варварского юмора он не оценил.

— Дальше-то что делать будем? – спросил Конан, отсмеявшись.

— Вызволять боцмана надо, — сказал Грув.

Конан и Сигурд молча переглянулись. Решали стоить ли еще раз пройтись по умственным способностям моряка. Решили, что не стоит.

— Надо, — сказал ванир. – Весь вопрос – как.

— Есть у меня одна идейка, — проговорил Конан. – А что если нам его выкрасть? Просто так нам Зелтрана не вернут ни в каком виде.

— Думаешь, возможно? – с сомнением в голосе спросил Сигурд. – Решать тебе. У тебя опыт в этом деле большой.

— Попытаться можно, — сказал киммериец. – Ловушек в их поместье видимо-невидимо, зато бдительность они явно поутратили. К ним в здравом уме никто не сунется. Так ведь?

— Ну, нас с тобой, капитан, — сказал Сигурд, — в склонности к принятию разумных решений ни один судия не обвинит.

— Точно! – согласился киммериец. – Но и совать голову в пасть тигру тоже не стоит. Надо раздобыть планы этого самого поместья и желательно с указанием всех ловушек. И я знаю место, где такая вещь может и сыскаться.

— Подвальчик? – спросил Сигурд.

— Подвальчик, — ответил капитан. – Сейчас пообедаю и направлю туда свои стопы.

— Меня, значит, с собой не берешь?

— Нет. Для тебя другое задание имеется, — сказал Конан. – Грув, что ты можешь нам поведать о лавочке, где за человека сто золотых платят.

— Странное заведение, — неуверенно произнес Грув. – Вроде как ищут каких-то четверых незнакомцев. Многие моряки на это дело подвязались. Но нашим я запретил нос с корабля совать. И так неприятностей выше крыши.

— Вот это правильно, — похвалил моряка Конан. – Понял, Сигурд, что надо делать?

— Думаешь лавочка как-то с магами и борделем связана? – спросил ванир.

— Подозреваю, — ответил киммериец. – Ситуация у нас препаршивая, так что нам сейчас любая мелочь важна. Ты там сильно не рискуй. Если раскопаешь что-то интересное, немедля мне доложись.

— Всё сделаю, капитан.

Глава 3.
«О трудностях и невзгодах»

Бирес валялся в своей постели. В хламиде и сандалиях. По правую руку от него стояла чуть початая бутылка вина. Где-то в ногах находилась клетка с мертвой сойкой внутри. Мага одолевала тоска. Беспросветная. Жить не хотелось. Мысль о том, что он попал под контроль непонятного существа, завладевшего телом молодого стражника, сжигала Биреса изнутри.

Маг чувствовал, как постепенно разумная его часть отмирает, уходит в небытие. Раздражение, переполнявшее стигийца, выливалось в приступы гневы. Потом наступала апатия. Бирес точно знал, что именно так и сходят с ума. Утешало лишь, что скоро Ксарти осознает его ничтожность и не преминет избавиться от бесполезного слуги. Смерти маг не боялся. К чему такая жизнь?

Он кинул взгляд на клетку с сойкой. Расстроился. Пнул клетку ногой. Она упала с кровати и закувыркалась по полу. Труп сойки внутри тоже выделывал замысловатые пируэты. Маг вовсе не желал убивать эту девчонку. Ему с ней было хорошо, он даже сумел на время забыть о Ксарти. Зачем она только полезла со своими расспросами? Он и сам не знал, что это вызовет очередной приступ. Бирес был настолько зол в тот момент, что даже сейчас не мог припомнить, как именно он убил девчонку. Было ли ей больно?

— Проклятье! – маг схватил бутылку за горлышко и метнул её в стену. Сосуд разбился. Вниз по стене потекли тонкие струйки красного вина. Они напомнили Биресу кровь. Стало еще поганей.

«Почему этот ублюдок не прикончит меня?! – размышлял маг. – Я ведь совершенно никчемная ищейка. А еще схожу с ума и потому становлюсь опасным. Ну же, Ксарти, где ты?»

Ответа не было.

— Сет с тобой, — махнул рукой маг и сотворил себе еще одну бутылку вина. Уже четвертую. Бирес всё-таки освоил то заклятье. Правда, вино получалось препоганое. Кислятина еще та.

Стигиец сделал несколько глотков, отставил бутыль в сторону и встал с кровати. По ходу бросил заклинание, приводившее одежду в порядок. Подошел к окну, посмотрел на город. Огня из пророчества пока видно не было. Это утешало. Вообще приятное зрелище. Смотришь вот так и кажется, что ничего не произошло. Только маги третьего круга, копошащиеся вокруг поместья, тоску наводят.

— Убил бы, — зло сказал Бирес.

Впрочем, повод для столь благожелательного отношения к собратьям по ремеслу у него имелся.

Позавчера днем шестеро каких-то болванов притащили ему мирно дрыхнувшего пса. Беспородного. Одна радость, что хоть не блохастого. Заявили, что это заколдованный человек и смылись.

Бирес злился на самого себя, что поленился тогда их хорошенько запомнить. Теперь придется искать. Пес и в самом деле оказался человеком. В заклятье, которое на него наложили, Бирес так толком разобраться и не смог. Потому и следовало отловить младших магов и выяснить у них обстоятельства превращения. Вот только он не сомневался, что никому из этой шестерки они не ведомы, иначе бы сразу выложили. Но всё равно проверить стоило.

Вообще с псом дела обстояли, откровенно говоря, погано. Во-первых, он спал. Разбудить его никакой возможности не имелось. Заклятье превращения было каким-то… кривоватым что ли.

Бирес очень сомневался, что сможет прервать собачьи грезы без нанесения существенного вреда объекту. Оставалось ждать, пока закончится срок сонного заклинания. По прикидкам мага это должно было произойти через два-три колокола. Нечего сказать, удружили новички. Такими заклятьями слонов надо усыплять, а не собак.

Существовала ли вторая проблема, вопрос еще стоял. Но скорее всего существовала. Маги, доставившие Биресу собаку, сказали, что животное вело себя чрезвычайно необычно. Очень сильно не желало идти в поместье.

— Умная тварь, — высказался тогда Бирес.

Теперь предстояло выяснить, вернуться ли к псу его прежние страхи после пробуждения. Бирес почти не сомневался, что вернуться. Придется как-нибудь его усмирять, а, значит, нужно тревожить изначальное заклятье, а этого делать ой как не хотелось.

Можно, конечно, было отнести пса к Ксарти или к Слепцу. Но первый, полагал Бирес, инициативы бы не одобрил, сочтя повод чересчур незначительным. Второй же просто вел себя как-то странно. Карун-Ра уже второй день просто слонялся по поместью злой, замкнутый. Среди младших кругов даже стали поговаривать, что глава Хозяев гибель свою предчувствует. Бирес этим слухам не верил, но к Карун-Ра всё равно идти не хотел.

Стигиец отошел от окна и задернул штору. Начинался пик периода апатии. Даже солнечный свет стал не в радость. Он предназначался другим, а не ему, Биресу. Вновь на глаза попалась клетка с сойкой. На глаза мага навернулись слезы, и он отвернулся в сторону, чтобы не видеть птицу. Какое-то время Бирес бесцельно блуждал по комнате, потом снова завалился на кровать и сотворил очередную бутылку вино.

Попробовал. Не поверил своим ощущениям. Сделал еще несколько глотков. Поверил. Наконец получилось что-то пристойное. Даже очень. Чтобы отметить это радостное событие, Бирес, хорошенько размахнувшись, метнул бутыль в стену.

— Всё бессмысленно.

Бирес откинулся на подушку и закрыл глаза.

«Поскорее бы конец», — подумал он.

Поиски продолжались уже три дня. Если этот бред, конечно, можно назвать поисками. Маги, будучи по определению людьми неглупыми, быстренько смекнули, с кем имеют дело. Если один дух легким движением мизинца в состоянии отправить вас на Серые Равнины, то и остальные, следует думать, обладают не меньшими способностями. Вот и получилось то, что получилось.

Маги шастали вокруг поместья, проявляя самое истовое рвение, и при этом, словно кролики, дрожали при мысли, что они и вправду найдут одного из братьев. Больше всего Биреса бесило то, что сам он вел себя точно так же. Слепец говорил, что человек цивилизованный слишком ценит свою шкуру, и в этом его слабость. Чем больше ты знаешь о жизни, тем сильнее боишься смерти.

Бирес всё больше и больше склонялся к крамольной мысли, что Ксарти выбрал себе неправильных союзников. Конечно, подобное тянется к подобному, но всё-таки… Если кто и разыщет братьев, то это «лиловые». Они ведь понятия не имеют, на кого работают. Им приказы отдает Карфот. Распорядился искать трех странных людей, значит будем искать трех странных людей.

— Ублюдок – ты, Ксарти! Ублюдок и трус.

Снова ничего.

А ведь про труса чистая правда. Вчера в городе пара каких-то молодчиков открыла лавочку с красноречивым названием «Сто золотых за человека». Бирес не сомневался, что это дело рук того брата, что вознамерился стать богом. Карфот ходил к Ксарти с докладом по этому поводу.

Так, мол, и так, предлагается провести проверку, а потом спалить домик, чтоб даже памяти об нем не осталось. Можно и два соседних для надежности. Что тут началось! Дух рвал и метал. К лавчонке близко подходить запретил. Сказал, что если его братец прознает, где он прячется, то он лично всех Хозяев на Серые Равнины самым извращенным образом отправит. Ни времени, ни сил не пожалеет.

Похоже, конечно, на ловушку, но проверить-то можно было. Не обязательно туда людей в лиловом посылать. Если надо от традиций можно на время и отступить. Ксарти же вообще до них, в принципе, дела никакого не было. Испугался он и всё тут.

Внезапно сквозь затуманенный недоброкачественным вином разум пробилась одна светлая мысль. Ксарти двигал отнюдь не страх. Он тянул время. Готовился к чему-то. Не зря же он из заклинательной залы носа не кажет. Дух не сильно надеялся, что Хозяева обнаружат его братьев. Он выбирал союзников не для охоты, а для какого-то своего будущего предприятия.

— Ксарти, слышишь меня? – крикнул в пустоту Бирес. – Я раскусил тебя. Теперь я опасен. Можешь меня убить.

Маг замер в ожидании.

Ксарти не спешил расправляться с подчиненным.

— Бирес, выпусти меня, — вдруг в полной тишине раздался тонкий голосок. Исходил он из клетки. Сойка ожила.

Всё. Крыша съехала.

Пытаясь побороть собственное безумие, Бирес накрыл клетку покрывалом.

Но голос не унимался. Сойка настойчиво требовала даровать ей свободу. Маг слез с кровати и маленькими шажками стал приближаться к клетке. Ошибки быть не могло — совсем недавно птица была мертвее мертвого. К тому же, он никогда не наделял свои игрушки речевыми способностями.

— Выпусти меня, — повторил в очередной раз голосок.

Бирес приподнял покрывало. Сойка вспорхнула с жердочки, словно желала продемонстрировать, что она живее всех живых. Тогда Бирес решил сходить с ума и дальше и распахнул дверцу клетки. Птица тут же вырвалась на свободу. Покружила по комнате и села на ручку кровати.

— Идем, Бирес, — сказала сойка. Клюв её при этом открывался так, словно она была человеком. Стигиец даже кинул на всякий случай соответствующее заклятье. Но нет. Птица как птица, только говорящая. – Открой мне дверь.

Маг послушался.

Сойка вылетела в коридор и закружила под потолком, ожидая, когда Бирес соизволит к ней присоединиться. Маг некоторое время колебался, решая стоить ли брать защитные амулеты, потом махнул рукой и пошел просто так. Даже дверь забыл закрыть.

Так они и двигались по бесконечным коридорам поместья. Сойка чуть впереди, маг сзади. Бирес даже не пытался разобрать дорогу. Какое это имеет значение, если он уже сошел с ума. Куда-нибудь он да придет.

Внезапно сойка прервала свой полет. Вернее не совсем. Она просто зависла в воздухе, даже крыльями перестала шевелить. Бирес тоже остановился. Огляделся по сторонам. Место было ему незнакомым. Бред. Такого просто не могло быть.

Вдруг раздался страшный хохот.

«Женский», — совершенно не к месту подумал Бирес.

И тут сойка начала увеличиваться в размерах. Вот она уже со здоровую курицу. Вот с индюшку. А теперь и самого Биреса. Хохот же становился всё громче и громче.

Биресу стало по-настоящему страшно. Он почувствовал, что теряет сознание. Дальше была

темнота.

Пробуждение вышло болезненным. Ломило всё тело. В голове стоял какой-то неприятный звон.

Открыть глаза никак не получалось. Встать тоже.

— Успокойся. Всё хорошо.

Карун-Ра. Бирес узнал голос Слепца.

— Подожди немного, — сказал маг-альбинос. – Сейчас я сниму заклятья. Только немного отдохну.

Выбора у Биреса не было. Он даже говорить не мог. Похоже, спеленали его основательно.

Маг попытался припомнить, что с ним произошло. Пять бутылок вина, собака, говорящая сойка. Чушь какая-то!

— Кажется, я готов, — сказал Карун-Ра и щелкнул пальцами.

Путы опали. Бирес обрел способность видеть, говорить и передвигаться. А также, как выяснилось, и удивляться. Он сидел на деревянной кушетке в совершенно незнакомой ему комнате. Помещение было очень маленьким. Пять шагов в длину и три шага в ширину. Окон не имелось. Стены были окрашены в белый цвет. Рядом с Биресом на стуле сидел Карун-Ра. Под глазами у альбиноса синели огромные круги, из носа вытекала тонкая струйка крови. Но при всем при этом вид у Слепца был торжествующий.

— Что произошло? – поинтересовался Бирес у первого мага Сартоса.

— Я освободил тебя, — довольно улыбнулся Карун-Ра. – Теперь Ксарти не может читать твои мысли.

— Ты не шутишь? – Бирес и так до конца в себя не пришел, а тут такая новость.

— Нет. Я перехитрил его, — сказал альбинос. – Тогда в заклинательной зале я смог скрыть свои мысли. Он не сумел их прочесть. Точнее он увидел лишь то, что я ему позволил. Но скольких усилий мне тогда это стоило?!

— И он ни о чем не догадался? – удивился Бирес. Ему до последнего момента силы Ксарти казались беспредельными. Даже сейчас он до конца не верил в слова Слепца.

— Не потрудился догадаться, — зло бросил Карун-Ра. – Наш гость слишком презирает людей, а людей-магов в особенности. К тому же ему сейчас не до нас. Он готовит нечто грандиозное. Я пытался вызнать, что именно, но у меня ничего не получилось.

— Думаю, измышляет оружие против братьев, — сказал Бирес. – И, я готов поклясться, что нам в предстоящем представлении отведена не последняя роль.

— Браво! – Карун-Ра захлопал в ладоши. – Не зря я вытащил тебя из небытия. Ты не до конца растерял мыслительные способности.

— Я так и не понял, — сказал Бирес, — как ты сумел провести этого духа? Неужели он не заметил того, что двое магов ускользнуло из его цепких лап?

— Астральные двойники. Слышал о таких? Их еще называют мнимыми. Ловушка для магов. Копии людей, что существует лишь в магических полях.

— Но они слишком просты, чтобы обмануть существо, вроде нашего Ксарти.

— Это смотря, как над ними поработать, — без ложной скромности произнес Слепец. – Наши двойники превосходны. Они обладают полной свободы воли. Могут ходить, куда пожелают. В пределах Сартоса, разумеется. И Сет с ним, что у них нет физической оболочки! Ксарти, всё равно не пойдет проверять.

Бирес слушал, открыв рот, словно мальчишка. Он не мог поверить в то, что вновь стал свободным. Жизнь обретала смысл. Такое дело стоило отметить. Бирес наколдовал себе кувшин вина и жадно начал пить.

— Мне тоже дай, — сказал Карун-Ра. – Я заслужил.

Бирес передал ему сосуд. Слепец глотнул вина и тут же его выплюнул.

— Пойло! Не умеешь — не берись!

— Отдай назад, — потребовал Бирес. В нынешнем состоянии он вкуса вина не различал.

— Лакай, — сказал альбинос и вернул кувшин владельцу. Себе он сотворил новый.

Разговор ненадолго прервался. Бирес старался потихоньку осмыслить произошедшее, аккуратно раскладывая события по полочкам своего сознания. Карун-Ра просто отдыхал. По всему было видно, что освобождение Биреса далось ему нелегко.

— Фокус с сойкой ты провернул, — внезапно догадался Бирес.

— Правда, красиво вышло? — самодовольно поинтересовался Слепец. – Надо было как-то завлечь тебя в эту комнату, чтобы Ксарти ни о чем не догадался. Сквозь эти стены не пробьется ни одно заклинание. Будь он трижды сильнейшим магом, почуять ту волшбу, что творится в этой комнатенке, он не в силах.

— Ты никогда не говорил об этом месте.

— А зачем вам знать? – делано невинно произнес Карун-Ра.

— Ну, и сволочь же ты! – сказал Бирес.

— Оценил всю мощь задумки? У Ксарти не было ни единого шанса. Ты находился на грани безумия, и дух наверняка это чувствовал. Этим нельзя было не воспользоваться. Зная твою страсть к «птичкам», я решил, что, если оживлю одну из них, то ты не преминешь предположить, что это лишь болезненный бред. Важно было, чтобы Ксарти ощутил эту твою мысль. Подлинность сойки он всё равно проверить бы не смог. Дальше проще. Я провел тебя к дверям моего скромного укрытия и самым банальным образом оглушил, сопроводив это нехитрой иллюзией. И что увидел наш наблюдатель? Чокнутый маг пошел блуждать по поместью, ведомый одной из своих мертвых подружек.

Карун-Ра рассмеялся, довольный своей изобретательностью.

Биресу было немного противно, но он был готов потерпеть. Главное, что он вырвался из-под власти Ксарти. Только сейчас он понял, как сильно ненавидит это существо, духа Камня, пришедшего из глубин времен. За одно короткое мгновение Ксарти разрушил всю его жизнь, превратил некогда могучего мага в жалкую тень, способную лишь бросаться бутылками в стену.

Внезапно он дал себе глупое обещание, когда всё закончится сходить на базар, выкупить всех рабов и отпустить их на все четыре стороны. Пусть кому-то повезет так же, как повело ему. Плевать на методы Карун-Ра! Главное, что альбинос освободил его. Теперь можно начинать вертеться.

— Не будем засиживаться, — сказал Слепец. – Ни к чему терять время. У нас и так его очень мало.

— У тебя есть идеи, что делать дальше? – Бирес знал, что что-то да есть. Карун-Ра просто так не стал бы его спасать. Он был нужен ему для воплощения какого-нибудь замысла.

— Для начала покинем это место и направим наши стопы в твою опочивальню. Очень мне хочется взглянуть на твоё новое домашнее животное.

— Постой, — осадил альбиноса Бирес. – Сначала приведи себя в порядок. На тебя страшно смотреть.

— Серьезно? – спросил Карун-Ра и сотворил себе зеркало.

Вопрос, похоже, был риторическим, и Бирес отвечать не стал. Просто наблюдал, как Слепец ваяет себе лицо.

— Так лучше? – поинтересовался альбинос, отложив зеркало в сторону.

— Угу.

— Тогда пошли.

Карун-Ра встал, взмахнул рукой, и дверь в коридор отворилась. Бирес молча покинул

белоснежную комнату. Слепец вышел вслед за ним. Дверь закрылась и тут же слилась со стеной.

— Запоминай путь, — строго наказал альбинос.

Бирес аж скривился. Он понял, что имеет в виду Слепец. Белая комната находилась в искаженном пространстве. В реальности её не существовало. Она была подобна тем путям, что прокладывал Карун-Ра при перемещении из одной точки поместья в другую.

Карун-Ра колдовал неспешно, открывая Биресу все тонкости творимой волшбы. Последний даже не старался вникнуть в суть заклятья, просто запоминал. Если ему удастся просто повторить его, это можно будет считать чудом.

— Справишься сам? – спросил Карун-Ра, когда маги вернулись в привычное пространство.

— Не знаю, — честно ответил Бирес.

— Главное сохрани небольшой запас сил для выхода, иначе сердце не выдержит.

Бирес кивнул.

Только сейчас он ощутил, что главные сложности еще впереди.

По дороге к покоям Биреса магам дважды встречались представители младших кругов. Выглядели они затравлено, даже на Биреса с Карун-Ра как-то подозрительно поглядывали.

Внутри комнаты Биреса всё было по-прежнему. Разобранная кровать, осколки на полу и следы вина на стенах. Из-под покрывала выглядывала пустая клетка с открытой дверцей. На коврике у окна мирно дремал черно-белый вислоухий пес.

Слепец немедля опустился перед животным на колени и начал изучать нагруженные на его заклятья. Судя по выражению лица, они привели светловолосого мага в некоторое замешательство. Бирес не вмешивался. Он уже успел повозиться с этой псиной. Ему хватило. Слепец же наоборот, похоже, вошел в азарт и сдаваться не собирался. Бирес различал вспышки пробных заклятий. Карун-Ра испытывал на прочность сонную волшбу.

— Бирес, подержи-ка эту тварь. Сейчас мы его разбудим.

— Он будет кусаться.

— Потому его и надо держать.

Логика альбиноса была безукоризненной. Бирес подчинился.

— Готов? – спросил Карун-Ра.

Бирес кивнул. Слепец начал читать заклятье, вернее некую странную смесь из нескольких заклятий. Волшба по своей структуре напоминала ту, которую применили для изменения облика.

Когда Карун-Ра закончил, ничего не произошло.

— Ну, и? – спросил Бирес.

Слепец лишь пожал плечами.

В этот момент пес ожил, и начал, что есть сил вырываться.

— Держи крепче! – крикнул Биресу Карун-Ра. – Сейчас мы из него все страхи вычистим. Это несложно.

Может и несложно, зато долго. Когда пес наконец успокоился, у Биреса уже руки отваливались от усталости. Кто бы мог подумать, что в этой собаке столько сил?

— Сиди теперь смирно, — сказал псу Карун-Ра.

Пес подчинился и с любопытством стал наблюдать за тем, как Слепец подбирает заклятья.

Помощь Биреса больше не требовалась, и пока Слепец ставил эксперименты, он самым наглым образом валялся на постели, вкушая плоды безделья.

— Ладно, пес, — сказал Слепец. – В человека мы тебя превращать пока не будем.

Пес гавкнул. Вроде бы, неодобрительно.

Бирес поднялся и подошел к Слепцу. Альбинос выглядел расстроено.

— Это временно, — утешил собаку Карун-Ра. – Потом я разберусь с твоим заклятьем. Поверь, мне и самому интересно, как этот узел развязать можно. Но сейчас нам надо с тобой

поговорить. Я ненадолго смогу наделить тебя речью. Заклятье сложное, так что очень прошу: не тяни время. От этого всем будет только лучше.

Пес пролаял что-то. Общий тон был положительным.

— Вот и замечательно, — сказал Карун-Ра и начал колдовать.

Волшба оказалось не простой. На лбу мага появились бисеринки пота.

— Чувствуешь изменения? – спросил он пса по окончанию колдовства.

— Да, — сказал пес вполне человеческим голосом.

— Хорошо, — кивнул Слепец. – Расскажи нам, кто ты такой и как тебя угораздило превратиться в собаку.

Примерно с полколокола двое магов мучили каверзными вопросами бедного пса. Особенно их заинтересовала сцена беседы девицы и седовласого. Слепец даже извлек зрительные образы обоих из памяти животного, при этом чуть не потеряв сознания от перенапряжения. Собаке тоже разговор давался с большим трудом. Ближе к концу человеческая речь начала перемежаться с лаем. Бирес на всякий случай на протяжении всей беседу поддерживал в силе заклинание «истинного слова». Как выяснялось, напрасно. Пес не пытался юлить, говорил всё, как было.

— Хватит! Не могу больше, — произнес вконец измотавшийся Карун-Ра. – Бирес, наложи на него сонное до завтрашнего полдня. Раньше он нам точно не понадобится.

Пес агрессии не проявил. Просто выжидающе смотрел на Биреса, пока тот подбирал нужную формулу.

Карун-Ра еле держался на ногах.

— Вина хочешь? – участливо поинтересовался у него Бирес.

— К Негралу твоё вино! Воды наколдуй. Холодной.

Бирес исполнил. Перед Карун-Ра возникло маленькое железное ведерко, полное свежей родниковой воды. Слепец напился. Осмотрел ведро.

— Из Бритунии вытащил?

— Угу.

— Далековато, — философски заметил Карун-Ра. – Как тебе повесть собачья? Два братца в одном месте.

— Не повезло моряку, — посочувствовал Бирес. – Надо было в «Змея» идти.

— Зато нам с ним подфартило, — Слепец понемногу оживал. Для Биреса оставалось загадкой, откуда он черпает силы. – Мы теперь точно знаем, в каких телах находятся «любовник» и «безумец».

— Милые прозвища.

— Какие есть. «Безумца», я думаю, трогать резона никакого нет. Он нам без пользы, к тому же, по словам Ксарти, силен он не в меру. «Любовник» — вот наша первая цель.

— А он нам зачем? Из него союзник никудышный.

— Мы и не будем с ним договариваться. Мы его убьем. Надо посмотреть, как эти духи в мир иной отходят. А лучшего объекта для тренировки и не сыскать. Если «любовник» нам не по зубам, с остальными точно не справимся.

— Может попытаться его пленить?

— Бирес, давай без сложностей. Ты знаешь, как поймать духа, способного менять тела по своему усмотрению? Лично я понятия не имею.

— Ты прав.

— Я всегда прав! Ближе к вечеру я зайду. Мне нужно подготовиться.

Карун-Ра вышел.

Бирес присел на краешек кровати, обозрел свою комнату. Сразу стало стыдно, захотелось прибраться. Но тут он осекся. Ни к чему. Пусть будет, как есть. Астральный двойник сейчас,

наверняка, пребывает в самом угнетенном настроении, а потому неплохо бы ему подыграть.

Маг забрался с ногами на постель, сотворил бутыль вина и с размаху швырнул её в стену.

Глава 4.
«О тех, кому не повезло»

Монтейро чувствовал, что сходит с ума. Ничего необычного в этом не было. Настоятель рассказывал ему, что все молодые аколиты, очутившиеся на Побережье, непременно ощущали нечто подобное. Потом часть возвращалось к нормальному состоянию. Те же, кому не повезло, отправлялись на паперть. Им уже ничто не могло помочь.

Старшие жрецы настоятельно рекомендовали истово молиться все два заветных месяца. Говорили, что Митра всенепременно защитит своих слуг. Монтейро в это не верил. На его глазах трое жизнерадостных молодых парней превратились в идиотов, и никакие молитвы им не помогли. Лучезарный давным-давно махнул на Сартос рукой. Здесь правит магия Змея.

— Митра Пресветлый! – раздался крик за дверью кельи. – Карло! Карло!

Монтейро поднялся с кровати, затянул потуже пояс и вышел в коридор узнать, что случилось. Почти у самой его двери на холодном каменном полу сидел молодой монах, причитал и перебирал четки. Монтейро тряхнул его за плечо.

— Что случилось? – спросил он.

— Карло, Карло…, — монах, похоже, потерял способность к нормальному общению.

Монтейро оставил несчастного в покое и двинулся по коридору в направлении кельи Карло, еще одного новичка на Побережье. Карло сослали сюда всего две седмицы назад. Монтейро не успел ни сдружиться с ним, ни выяснить, за что его сюда отправили.

Дверь в келью Карло была слегка приоткрыта. Монтейро заглянул внутрь. Под потолком в петле раскачивалось тело молодого монаха. Карло был мертв. Монтейро поскорее отвернулся. Выглядел повешенный преотвратно. Один только высунутый язык чего стоил. Монаха ему было не жаль. Митра самоубийц не привечает.

Монтейро уселся на пол напротив двери в келью несчастного и стал вспоминать свою жизнь.

Родился он двадцать три года назад в пригороде Кордавы. Его семья занималась разведением овец. Дело хоть и трудоемкое, зато прибыльное. И суждено было бы Монтейро стать знатным овцеводом, если бы не клятва, что дал его отец. Монтейро его не винил. Откуда он мог знать, что всё так сложится?

Однажды случилось будущей матери Монтейро сильно захворать. Привозил к ней муж и магов, и знахарей, но те в один голос говорили, что болезнь лечению не поддается. Оставалось только ждать. По словам лекарей примерно один из двадцати переносил хворь и выздоравливал. Остальные умирали. Тогда отец поклялся, что если жена его останется в живых, то он посвятит своего первенца Митре.

Мать выжила, а Монтейро отдали монахам. Жизнь в обитель казалось ему скучной и однообразной. Конечно, Монтейро верил в благодатную силу Митры, но в том, что богу от его послушания польза какая-то есть, сильно сомневался. Вслух он ничего такого не говорил. Понимал, что такую епитимью наложат, что мало не покажется.

Юноша с нетерпением ожидал момента своего двадцатилетия. В этом возрасте воспитанников стали перед выбором: принести обеты и постричься в монахи или уйти из монастыря. В обычной ситуации Монтейро без колебаний выбрал бы второе, но жизнь сыграла с ним злую шутку. За день до заветного срока в монастырь принесли тяжелораненую девушку. На неё и её спутника напали четверо разбойников. Парня убили, а девицу снасильничали и избили.

Выглядела она плохо. Монтейро уже немного разбирался в строении человеческого тела и понимал, что девушка не жилец. Но в последний день своего пребывания в монастыре он решил сделать доброе дело. Всю ночь он истово молился Митре. К утру он еле держался на ногах и с трудом мог говорить, но девушка выжила. Монтейро просто не мог поверить в случившееся. Вот так на радостях он и принял постриг. Впоследствии он не раз костерил себя последними словами за это спонтанное решение.

Первый год своего послушания Монтейро честно пытался вжиться в образ примерного монаха. Вином не злоупотреблял, на девушек не заглядывался, все свободное время посвящал молитвам. Но чудес более при нем не совершалось, и молодой митрианец стал все больше и больше разочаровываться в своем выборе.

Его очень сильно угнетало отсутствие смысла в жизни. Он ничем не помогал другим и в свое удовольствие пожить тоже не мог. Если бы в один прекрасный момент его не стало, никто ничего бы и не заметил. Монтейро решил, что надо что-то менять. И он начал обучаться лекарскому мастерству. Зингарец прилежно осваивал науку, но монастырские книги были устаревшими. Больных, на которых можно было попрактиковаться, не хватало просто страшно. А становиться профессиональным целителем несварений желудка у Монтейро не было никакого желания.

Так науки отошли на второй план. Раз нельзя жить для других, можно немного пожить для себя. Неподалеку от монастыря имелись две небольшие деревушки. К местным девушкам Монтейро и повадился нахаживать. Лицом он был красив. Прямой нос, волевой подбородок, глубоко посаженные глаза. Успехом он пользовался немалым. Вот только не учел монах одну деталь. Тут сказалось отсутствие опыта мирской жизни. Парням сельским его бравые похождения пришлись не по душе. Монаха пытались бить, но он стоически терпел и снова лазил к девкам. Не понимал, что однажды просто прибьют и всё. Но деревенские греха решили не творить. Просто взяли да пожаловались отцу-настоятелю на чересчур бойкого монаха.

Монтейро выдержал тяжелый разговор. Настоятель очень доходчиво указал молодому зингарцу на всю глубину его заблуждений. После этого монаха заперли в келье и держали там два месяца на хлебе и воде. Монтейро сильно исхудал, осунулся. С лица исчез румянец. Знал бы он, что ждет его дальше, дням проведенным в заточении радовался бы, как последним.

Так получилось, что почти одновременно с Монтейро в немилость угодил и один из верховных жрецов Митры в Зингаре. Погорел он, кстати, на том же, на чем и молодой монах. Над жрецом устроили показательный процесс, по результатам которого его сослали на Побережье Стигии. Разумеется, одним ссыльным решили не ограничиваться. По стране развернули борьбу за чистоту морального облика слуг Пресветлого. Отец-настоятель долго спорил, не хотел отдавать Монтейро, говорил, что тот лишь глупый мальчишка, но в итоге был вынужден сдаться.

Так зингарец и очутился в этом чудесном прибрежном городе, где каждый второй митрианец неизменно сходит с ума и превращается в посмешище для заезжих пиратов. Монтейро был уверен, что если бы в Аквилонии захотели изменить сложившийся порядок, они бы изыскали средства. Но похоже, храму Митру, это было не надо. Зачем лишать себя такого замечательного места для ссылки неугодных?

— Что здесь произошло, сын мой?

Монтейро и не заметил, как к нему подошел монах лет шестидесяти, одетый в белую рясу. Отец-настоятель обители Митры в Сартосе.

— Карло повесился, — спокойно ответил зингарец.

— Несчастный, — сказал старый монах и заглянул в комнату.

Как и Монтейро, пробыл он там не долго. Тем временем коридор начал заполняться

людьми. Весть «о Карло» распространилась быстро. Монтейро внезапно почувствовал раздражение. Он ценил людского общество, но сейчас эти обезопасившие себя от безумия монахи вызывали в нем лишь злобу. Он встал и направился к своей келье.

— Постой, сын мой, — окликнул его отец-настоятель.

Монтейро ничего не ответил, но подчинился. Старик взял его под руку и повел прочь от толпы.

— Тебе сейчас тяжело, я знаю, — сказал он, когда поблизости не осталось чужих ушей. – Но не надо озлобляться и отчаиваться. Слова о пользе молитвы – не пустой звук. Обязательно надо во что-то верить, иначе с тобой произойдет то же, что и с Карло.

— Митре нет дела до Сартоса, — сухо сказал Монтейро.

— Может быть — нет, а может быть – есть. Ты думаешь, что с тобой поступили несправедливо.

— Нельзя посылать людей на Побережье.

— Когда-то и я так считал. Сейчас мне кажется, что всё так, как и должно быть. Каждый, очутившийся здесь, рождается заново. И этот новый человек может избрать праведный путь. У него появляется шанс искупить свои старые грехи. Поверь, вскоре ты поймешь, о чем я говорю.

— Если не сойду с ума, — коротко отрезал Монтейро.

— Митра заботится и об этих несчастных, — сказал старик. – После смерти они обретут покой. Очисти своё сердце от страха и злобы.

— Это непросто, — тяжело проговорил зингарец.

— Я верю, ты сумеешь, — сказал отец-настоятель, отпустил локоть молодого монаха и поплыл по коридору в известном лишь ему одному направлении.

Монтейро размышлял над словами старика. В них имелось рациональное зерно. Искупление греха через блаженную жизнь или перерождение. Лучше всё-таки второе. Монтейро неспешно пошел в сторону молельни. И впрямь надо бы чем-нибудь себя занять. До окончания срока оставалось еще три дня.

На полпути зингарец почувствовал головную боль. Сначала он не обратил на неё внимания, решил, что от излишнего волнения. Но боль всё нарастала и нарастала. Вскоре Монтейро уже орал в полный голос, мир поплыл перед глазами. Он упал на пол и забился в судороге.

И вдруг взор зингарца вновь обрел ясность.

Он был не в монастыре. Монтейро огляделся. Он стоял посреди комнаты в незнакомом ему доме. Обстановка здесь была бедная. Несколько стульев, стол, глиняная посуда на нем. Окон не было. Зингарец пожал плечами и уже собрался покинуть помещение, как заметил сидящего в углу ребенка. Маленькую девочку.

— Как тебя зовут? – спросил он, опустившись перед ней на колени.

Девочка молчала, смотрела как-то странно, сквозь него.

— Где мы? – спросил её монах. – Что это за место?

Внезапно девочка заплакала.

— Что с тобой? – произнес зингарец и попытался обнять ребенка.

Его руки прошли сквозь девочку. Он потерял равновесие и упал. Когда он начал подниматься, то заметил, что в комнате начался пожар. Монтейро бросился к двери, собираясь выбить её ударом ноги. Но тут язычок пламени коснулся его правой руки.

Вновь всё поплыло перед глазами. Вернулась боль.

Монах лежал на полу обители и кричал дурным голосом. Вокруг него уже собралось десятка два человек. Они просто стояли и смотрели, боясь притронутся к Монтейро.

Боль постепенно начала стихать. Монтейро с трудом поднялся на ноги. Окружающие отшатнулись от него.

— Всё в порядке, — сказал монах. – Со мной всё нормально. Мне просто надо подышать воздухом.

Опираясь на стены, Монтейро добрался до выхода из обители. Удивительно, но стоило первым лучам солнца коснуться монаха, как его оставили и боль, и слабость. Провожаемый тревожными взглядами монашеской братии, Монтейро шел прочь.

Он долго слонялся по городу без какой-либо цели. Монтейро, как никогда, ощущал близость безумия. Начало положено. Через три дня он лишится остатков разума. Надежды не оставалось. Перерождение ему не грозит.

Тут его внимание привлекли крики «пожар», доносившиеся с одной из улиц. Монтейро отправился посмотреть, что происходит. Возможно, понадобятся его услуги, как жреца Митры.

Горело маленькое одноэтажное здание. Вокруг него уже собралась приличная толпа. Никто и не пытался потушить пожар. Пламя полыхало во всю мощь. В этот миг в голове монаха словно переклинило что-то. Расталкивая людей, он бросился к домику.

— Стой, дурак! – кричали ему вслед. – Никого там нет!

Есть. Монтейро точно знал, что есть. Маленькая девочка, которая сидит и ждет, что он её спасет.

Зингарец мощным ударом ноги высадил дверь. Он еле успел уклониться от вспышки пламени. Изнутри валил густой дым. Монтейро прикрыл рукавом лицо и вошел внутрь. Ничего не было видно. Жара стояла невыносимая. Дышать было не чем, легкие забивал дым. Зингарец понял, что у него в запасе лишь несколько мгновений. Если девочка сидит всё в том же углу, они успеют выбраться. Если нет, погибнут оба.

Монтейро вслепую шарил руками, разыскивая ребенка. Закралась предательская мысль, что видение может повториться во всех деталях, и он просто пройдет сквозь девочку. Но нет. Вот оно, маленькое детское тельце, сжавшееся в комочек. Монтейро схватил ребенка и выбежал наружу. Сделал несколько шагов от горящего дома и упал. Прямо на девочку.

Ребенка извлекли из-под монаха и куда-то унесли. Самого Монтейро перевернули на спину. Над ним склонился незнакомый ему человек с густой бородой и плеснул монаху в рот какой-то жидкости. Горькой. Монтейро закашлялся.

— Сейчас тебе будет лучше, — сказал незнакомец.

— Как девочка? – спросил зингарец.

— Пока мертва, но, думаю, её вернут к жизни, — сказал бородач и добавил. – Ты не бойся, это не некромантия.

— Я разбираюсь во врачевании, — ответил Монтейро, вставая на ноги. Действительно стало лучше.

— Откуда ты знал, что внутри кто-то есть? – спросил бородач. Только сейчас зингарец различил, что он был одет в лиловую рубаху.

— Просто знал и всё, — отрезал Монтейро и пошел прочь от вежливого прихвостня Хозяев.

Над девочкой трудился маг в одежде цветов содружества Равновесия. Монтейро не уходил до тех пор, пока не убедился, что с ребенком всё будет в порядке. Потом побрел обратно в обитель Митры.

Надо было осмыслить произошедшее в тишине и покое. А потом помолиться. Обязательно.

Внутри обители было тихо. О происшествии в коридоре успели забыть, а вести о пожаре пока попросту не дошли. Это хорошо. Если бы кто-то сейчас полез с разговорами, Монтейро послал бы его куда подальше. Может еще и пинок бы присовокупил.

Монтейро распахнул дверь в свою келью, вошел и закрыл засов. Не до гостей. Зингарец подошел к столику, взял с него кувшин с холодной водой. Сделал три глубоких глотка и на этом успокоился. В келье было душно, но окошко Монтейро решил не открывать. Вместе со свежим

воздухом внутрь ворвался бы и уличный шум. А хотелось тишины.

Зингарец лег на кровать и закрыл глаза. Мысли текли медленно-медленно. Постепенно Монтейро погружался в сон.

Проснулся монах за два колокола до заката. Встал. Тут же ощутил, насколько сильно он измотался за сегодня. Короткий сон только усугубил и без того неважное самочувствие. Монтейро тряхнул головой, допил оставшуюся воду и пошел в умывальню. Зингарец чувствовал острую необходимость освежиться. Духота сводила с ума не хуже пресловутого стигийского проклятья.

В умывальной зале никого не оказалось. Монтейро подошел к чану с водой, зачерпнул немного и вылил себе на голову. Процедуру эту он повторил трижды. Полегчало. Тогда зингарец взял с полки начищенное до блеска блюдо, служившее монахам вместо зеркала. Посмотрел на себя и ужаснулся.

В блюде отражалось не его лицо. Вернее, не совсем его. Зеркальный человек был более смуглым, глаза стали темнее, скулы немного опустились. Зингарец поставил блюда назад и уселся на пол. Обнял ноги руками и принялся медленно раскачиваться взад-вперед.

— Я схожу с ума, я схожу с ума, — бездумно повторял он.

Сначала видение. Теперь лицо. Точнее с лицом-то, наверное, всё в порядке. Это только ему, Монтейро, кажется, что оно изменилось. Именно так всё и должно происходить. А что дальше? В какой момент он потеряет способность мыслить?

На миг Монтейро стало любопытно, что он почувствует, когда всё закончится. Наверняка, что-то необычное. В конце концов, это немного лучше того, что являлось ему в кошмарах. Благодаря своему безумию, он спас сегодня девочку. А что, если это просто новая форма существования? Нечто, неподвластное человеческому разуму. Сотни сумасшедших митриан, что денно и нощно трудятся на благо всей Хайбории. А руководит ими некое высшее существо. Сам Митра или один из его слуг. Они направляют этих несчастных в те места, где нужна их помощь.

Вот муж, спешащий домой, спотыкается об одного из этих несчастных и останавливается, чтобы хорошенько растолковать митрианцу, что он о нем думает. Жена же тем временем успевает мирно выпроводить любовника. И никто никого не убивает.

Стоп! Неправильный пример.

Хотя какая-разница? Суть-то не меняется. Сотни невидимых помощников. Монтейро прикинул, хочет ли быть одним из них. Понял, что нет. Расплакался.

В умывальню вошел толстый монах средних лет. Увидел Монтейро, подошел к нему, потрепал по голове.

— Всё будет нормально, брат. Успокойся.

Монтейро встал, вытер слезы, кивнул толстяку в знак благодарности и отправился молиться.

Настоятель был прав. Нужно во что-то верить. Если есть еще хоть какая-то надежда, он сделает всё от него зависящее.

Молельня была заполнена под завязку. Монахи возносили вечернее благодарение Пресветлому. Монтейро пролез в угол и присоединил свой голос к общему хору. Сразу же ощутил благотворное влияние. Намного легче чувствовать себя частью чего-то большого. Когда столько людей собирается вместе, ничего страшного с ними случиться не может. Кошмарам здесь не место.

Когда традиционная вечерняя молитва подошла к концу, миртриане один за другим стали покидать залу. Вскоре внутри остались только Монтейро и трое седовласых жрецов. Они с упоением что-то вымаливали у Митры. Зингарцу было противно на них смотреть. В его стране стяжательство среди братьев почиталось среди первейших из грехов. Эти явно придерживались

иного мнения.

Монтейро не захотелось оставаться в их обществе. Помолиться можно и в келье.

Он неспешно побрел к себе. На полдороге произошло событие, утвердившее его в мысли о безумие. В совершенно пустом коридоре он услышал голоса.

— Завтра надо непременно наведаться на базар. Я слышал, что из Кеми привезут интересный груз.

— Мне кажется, что стигийцы что-то подозревают. Может, хватит? Мы и так достаточно заработали.

— Это же золотое дно! Хотя бы еще два дня!

— Если вас поймают, мы будем всё отрицать.

Кому принадлежал первый голос, Монтейро не знал. Второй был отца-настоятеля. У зингпрца не было никакого желая вникать в суть разговора, вернее собственного бреда. Он желал только того, чтобы это всё поскорее закончилось.

И оно закончилось. Голоса смолкли.

Как он добрался до своей кельи, Монтейро не помнил. Просто внезапно понял, что сидит на своей кровати и поет какую-то заунывную песню на невесть каком языке.

— Всё. Спать! А то это уже никуда не годится, — сказал он себе.

Но сон всё не шел и не шел. В голову лезли детские воспоминания, медицинские трактаты и собственные рассуждения о вероятном будущем. Примерно с колокол он вертелся с боку на бок не в силах уснуть. Потом догадался открыть окно. В келье стало намного свежее. И вскоре он провалился в глубины сна.

Вокруг было темно. Очень. Но почему-то Монтейро сразу понял, что он уже не в обители. Монах попытался пошевелить. Руки и ноги двигались, но опоры не находили. Страшно не было. Зингарец попытался перекувырнуться в воздухе, одновременно дивясь собственной несерьезности. Сальто вышло паршивым. Но благо темно, и никто не видит.

— Иди ко мне.

Монтейро не разобрал, откуда исходил этот голос. В этой темноте отсутствовали направления. Зингарец попытался ответить голос. Но его слова сразу же растворились в пространстве. Даже до его собственных ушей донесся лишь шепот. Это место очень сильно отличалось от привычного мира.

— Иди ко мне, — повторил голос. – Я здесь. Я жду тебя.

Зингарец отчаянно завертел головой. Он почему-то был уверен, что этот человек хочет ему помочь. Слова незнакомца вселяли уверенность.

— Найди меня, — попросил голос.

Тут Монтейро различил маленький голубой огонек, возникший где-то вдали по правую руку от него. Зингарец устремился к нему. Он отталкивался руками и ногами так, словно темнота была подобна воде. Ему показалось, что огонек становится ближе.

И тогда он проснулся.

Глава 5.
«О тех, кто ищет и находит»

В «Сто золотых за человека» Сигурд отправился не сразу. Первый помощник капитана здраво рассудил, что сначала надо поесть и сменить одежду. Оставив Конана выпытывать у Грува последние непосредственно корабельные новости, ванир отправился в свою каюту.

Там он снял свой запылившийся офицерский наряд и переоделся в более простой и удобный костюм. Теперь ему было не нужно производить на кого-то впечатление. Наоборот, простой моряк вызовет меньше подозрений, чем первый помощник капитана корабля. Для пущего эффекта Сигурд вставил себе в ухо массивную золотую серьгу. Ванир страшно не любил такие украшения, почитая их бабскими, но без этого образ не был полным.

Теперь Сигурд выглядел, как заправский морской разбойник, мастер абордажа. Дополняла картину широченная сабля, заменившая на поясе любимый сигурдов меч.

— Ужасно, — сказал ванир, глядя на свое отражение в зеркале. При этом он довольно улыбался.

Большинство людей, близко не знакомых с первым помощником капитана «Вестрела», считали рыжеволосого моряка человеком грубым и недалеким. Сигурд старался со всей тщательностью поддерживать этот образ. Если к тебе относятся с небрежением, то этим просто грех не воспользоваться.

Отобедать ванир решил вместе со всей командой. Соскучился он за седмицу по этим раздолбаям. Моряки встретили появление ванира дружными криками. Он в ответ гаркнул на них, обозвал сборищем тупых идиотов. Но по-доброму так. Команда поняла. Хорошие парни подобрались на «Вестреле».

Кормили сегодня неплохо. Похлебка из чечевицы с мясом и вареная кукуруза. Сигурд уплетал за обе щеки и слушал, о чем болтает команда. К концу трапезы он знал почти обо всем, что случилось за время их с капитаном отсутствия.

Отпускать ванира моряки не хотели. Предлагали выпить с ними, рассказать о поездке. Говорили, что нехорошо получается: только приехал и снова в путь. Сигурд еле-еле сумел от них отвязаться.

Уже спускаясь по трапу, ванир вспомнил, что толком и не узнал, где именно лавочка находится. Возвращаться не хотелось. Капитану не понравится, если он разболтает команде, куда его послали. Место вроде бы приметное. Можно и на улицах поспрашивать.

Как выяснялось, предположение было абсолютно верным. Первый же встречный прохожий подробно рассказал, как пройти в «Сто золотых за человека». Еще добавил, что его сын туда сегодня утром ходил, и всё, как положено, дали обещанную предоплату. Сигурд пожелал прохожему удачи и пошел по указанному маршруту.

Дом, в котором лавочка располагалась, Сигурду приглянулся. Красивое двухэтажное строение, никаких архитектурных излишеств, приятные прямые линии, несколько узоров в виде переплетающихся лиан. Несколько портила впечатление намалеванная от руки вывеска. Надпись была на стигийском. «Сто золотых за человека».

— Хороший дом, хорошее название, — себе под нос пробормотал ванир. – Посмотрим, что там внутри.

Ванир подошел к двери. Постучал. Никакой реакции. Тогда он просто распахнул дверь и вошел. Отметил про себя, что зря стучался. Простой моряк бы этого делать не стал.

Сигурд оказался в небольшом помещении, внутри которого царила приятная прохлада. Вдоль стен стояли стулья. На трех из них сидели типы самой бандитской наружности. Сигурд с гордостью отметил, что сам, наверное, выглядит не лучше.

— Присаживайся, парень, — сказал один из типов и хлопнул рукой по соседнему стулу.

Сигурд сел, но на другой. Вести беседы с этой троицей у первого помощника желания не было. Бестолковое занятие. У самого таких полный корабль. Моряки перебросились парой шуток по поводу неразговорчивого рыжего здоровяка. Но подколки были беззлобными. Видать, типы его всё-таки побаивались.

За время ожидания в «Сто золотых» ввалились один за другим еще четверо пиратов. «Не стучались», — отметил про себя Сигурд. Никого из этой четверки он не знал, да и им он знаком, похоже, не был. Мелочь, а приятно. Первому помощнику не хотелось афишировать свой визит в эту лавочку, хоть Конан его секретничать-то и не просил.

Наконец из двери в дальней части комнаты вышел последний из трех типов. Рожа его так и светилась от счастья. Ванир не сомневался, что направится морячок не на поиски пока неизвестных Сигурду личностей, а прямиком в «Морского Змея».

Комната, в которой принимали посетителей, производила приятное впечатление. Белый мрамор, которого здесь было в изобилии, очень удачно сочетался с деревом светлых пород, которого тоже было приличное количество.

Предметов обстановки было немного, но будучи правильно расположены, они придавали комнате некую строгость.

— Проходите, — сказал застрявшему в дверях Сигурду молодой паренек, восседавший за большим рабочим столом.

Сигурд поприветствовал хозяина коротким кивком головы, промямлил что-то невнятное и присел на стул, на который ему указал.

— Моё имя – Черс, — представился юноша. – Вам известно, чем занимается наша контора?

— Да, — пробасил Сигурд. – Раздаете деньги.

— В точку! – сказал парень. – Вы же ищите для нас тех людей, о которых я вам сейчас поведаю. В случае удачи получите сотню полновесных золотых стигийской чеканки.

— Я что-то слышал о предоплате, — вроде как ни к кому не обращаясь, сказал Сигурд.

— Всё верно, — сказал Черс, выдвинул один из ящиков своего стола, достал оттуда две золотые монеты и протянул их Сигурду. – Примите в знак наших добрых намерений.

— Можно идти? – поинтересовался Сигурд, привставая.

— Подождите еще немного, — на лице парня не отразилось никаких эмоций. Похоже, он подобного уже насмотрелся. Еще один любитель получить пару монет на так. Что тут необычного? – Я не успел вам дать описания тех людей, поисками которых вы будете заниматься.

— Это обязательно? – спросил Сигурд, демонстрируя, как он жаждет поскорее пропить свежеобретенное золото.

— Боюсь, что да, — сказал Черс. – Без этого вам будет затруднительно определить тот это человек, что нам нужен или нет.

— Это ты верно подметил, — сказал ванир и добродушно усмехнулся. – Давай, рассказывай.

— Вы понимаете, что сто золотых за просто так не дают, — начал свою речь парень. – Те люди, которых мы ищем, необычны. Они обладают способностью менять свою внешность, потому в ваших поисках вам следует отталкиваться прежде всего от их привычек. Сейчас я расскажу вам о каждом из них. Первая ваша цель очень властолюбива. Этот человек постарается подчинить себе всё и вся, продвигаясь вперед гигантскими шагами.

— Таких тут целый город, — сказал Сигурд.

— Вы узнаете его, когда встретите, — уверено сказал Черс. — Поверьте, не ошибетесь. Следующего человека из нашего списка отличает страсть к постельным утехам. Его прежде всего привлекает разнообразие. Дети, старики, животные. Он сможет измыслить, что угодно. Третий увлекается магией. Его тяжело будет отыскать. Он очень скрытен, но, возможно, благодаря именно этому качеству вы его и обнаружите. Четвертый просто-напросто безумен. Соображает он неплохо, но действия его совершенно нелогичны. Он тоже очень сильный маг, но колдует нечасто.

Сигурд был поражен в самое сердце. Помощник капитана не сомневался, что «второй» человек это седой хозяин борделя, о котором рассказывал Грув. Вполне возможно, что толстяк, превративший беднягу Зелтрана в вислоухого кобеля, это «четвертый». Сигурд лихорадочно соображал, что делать. Можно вернуться на «Вестрел» и рассказать обо всем Конану. Но это значит потерять время. Если кто-то другой также обнаружит этих двоих, у Сигурда не будет теперешнего преимущества.

— Это не всё, — прервал Черс ход мыслей Сигурда. – Сейчас я покажу вам портреты людей, в обличье которых могут пребывать интересующие нас люди.

Паренек полез теперь в другой ящик и извлек оттуда небольшую стопку рисунков.

— Посмотрите прямо сейчас, — предложил он. – Может, кого-нибудь узнаете…

Сигурд подвинул к себе портреты и начал внимательно их рассматривать. Первое, что ему бросилось в глаза, это головные уборы, украшения и татуировки. Все эти люди были моряками. Никаких сомнений. Тем более среди портретов не было ни одного женского.

Одна картинка заставила первого помощника напрячь память. С портрета него смотрело лицо молодого человека с совершенно седыми волосами. Сигурд постарался вспомнить, как Грув описывал хозяина борделя. Вроде бы похоже.

Изображения остальных моряков никаких ассоциаций у Сигурда не вызвали.

— Если вы увидите, кого-нибудь, подходящего под описание или похожего на одного из этих людей, немедленно сообщите мне. Мы проверим, тот ли это человек, и в случае удачи выплатим вам обещанное вознаграждение. Но даже если вы и ошибетесь, то всё равно получите еще две монеты за проявленное усердие. Только не дергайте попусту. Вам всё понятно?

Надо было решать немедленно.

— Мне знакомы те люди, о которых вы говорите, — сказал ванир.

Паренек встрепенулся.

— Кто именно? Где вы их видели?

— Сам я их не видел, — честно признался Сигурд.

— Я же просил не морочить мне голову, — яростно сказал Черс. – Вы получили задаток. Если хотите еще, то ищите, а не вешайте мне лапшу на уши.

— Я думаю, мой рассказ вас заинтересует, — совершенно спокойно произнес Сигурд. Ваниру хотелось позлить паренька. Он надеялся, что тот может сболтнуть что-нибудь полезное.

— Я слушаю, — парень был зол, но немногословен.

— Сначала ответь на один вопрос, — сказал Сигурд, переходя на «ты». – Зачем тебе понадобились эти люди?

— Какая разница? Я плачу за них золотом.

— Этого мало, — улыбнулся ванир. Дурачка он уже перестал разыгрывать. – Ответь. И тогда я расскажу тебе кое-что интересное.

— Ты блефуешь! – Черс тоже позабыл об этикете.

— Хорошо, я ухожу, — сказал Сигурд, поднялся и очень медленно пошел к выходу.

— Постой! – окликнули его.

Голос принадлежал не Черсу. Сигурд обернулся посмотреть, кто возжелал его общества. За

спиной Черса стоял красивый молодой человек, одетый в шитую золотом белую рубаху. Черные вьющиеся волосы и темные глаза выдавали в нем зингарца.

— Я хочу послушать твой рассказ, — сказал зингарец. – Я вижу, ты говоришь правду. У тебя и впрямь имеется в запасе нечто, что ты считаешь важным и значимым.

— Вопрос, — напомнил ванир. К своему стулу он вернулся, но садиться не стал. Первому помощнику не нравилось, когда над ним кто-то нависал.

— Я желаю их смерти, — ответил человек в белой рубахе.

— Боюсь, тогда я не смогу вам помочь, — пожал плечами Сигурд. – Мне они нужны живыми.

— Не торопитесь, — сказал зингарец. – Вы всё равно не знаете, где их искать. Иначе бы здесь не торчали. Расскажите мне свою историю. Может быть мы найдем точки соприкосновения.

— Значит, главный здесь вы? – то ли утвердительно, то ли вопросительно произнес Сигурд. – Представились бы что ли для начала. Хочется знать, с кем имеешь дело.

— Вы своего имени тоже не назвали, Сигурд, — с ехидной улыбкой сказал темноволосый. – Меня же зовут Коратцо. Пройдемте лучше в другую комнату. Там есть, где присесть и найдется, что выпить.

Сигурда зингарец заинтересовал. Выходило, что он тоже маг. Имя его он, во всяком случае, узнал ловко. И эффект сумел соблюсти. Сигурд признал, что Коратцо был прав, и он ничего не потеряет, рассказав, что случилось с Зелтраном и остальными. И ванир последовал за зингарцем и его молодым подручным.

Коратцо выбрал для беседы небольшую комнатку со множеством мягких диванов и кресел. В оформлении её преобладали светло-зеленые тона. Посередине помещения стоял столик с парой бутылок вина и пятью хрустальными бокалами. Зингарец налил себе и Черсу, вопросительно посмотрел на ванира. Тот кивнул.

Первый помощник отдавал себе отчет в том, что Конан будет рвать и метать, когда узнает в какую авантюру впутался ванир.

Коратцо поднес Сигурду бокал и развалился в шикарном, обитом бархатом кресле. Сигурд присел на диван, облокотившись на одну из подушек, попробовал вино. Напиток оказался приятным, но не более того.

Черс сидел немного в стороне. Становилось понятно, что паренек собирается слушать, а не говорить.

— Итак, Сигурд, — обратился к ваниру Коратцо. – Мы готовы вас выслушать.

— Я надеюсь кое-что получить взамен, — сказал Сигурд.

— Я так понимаю, что речь идет не о деньгах?

— Верно. Я расскажу вам всё, что знаю. После этого вы мне объясните, что это за люди такие.

— Хорошо, — согласился Коратцо. – Но с условием, что это останется между нами. Я возьму с вас клятву.

— Как вам будет угодно, — вот и не придется отвечать перед Конаном. Зато теперь и за помощью к нему не обратишься. – Три дня назад пятеро матросов с моего корабля отправились в одно увеселительное заведение…

Коратцо внимательно слушал Сигурда, не перебивал. Время от времени кивал головой и улыбался каким-то своим мыслям. Вообще историю зингарец воспринял, как нечто само собой разумеющееся. Ни разу на его лице не отображалось удивление.

— …, а Зелтран оказался в цитадели Хозяев, — завершил свой рассказ ванир.

Зингарец встал со своего места, взял бутылку вина и наполнил опустевший бокал Сигурда.

Ванир внимательно следил за ним, ожидая реакции на свой рассказ. Коратцо же неспешно прогуливался по комнате. То ли думал, то ли выдерживал паузу.

— Мне жаль, Сигурд, — сказал он наконец, — но вашему другу я помочь не смогу. Тот, кто его заколдовал намного сильнее меня. Но вы совершенно напрасно печетесь о жизни этого человека. Расколдовывать беднягу он точно не станет. Не в его стиле. Разве что превратит в что-нибудь совершенно непотребное.

— Исполните свою часть договора, — предложил Сигурд. – Тогда нам будет легче общаться, и мне не придется ничего домысливать.

— Поклянитесь.

— Клянусь Имиром, что услышанные мной слова за пределы этой комнаты не выйдут.

— Слушайте, — сказал Коратцо, присев на край стола. – Эти четверо, они не люди, они духи. Если хотите, можете именовать их полубогами. Черс рассказал вам о них не всю правду. Облик они менять не способны. Всё куда страшнее. Они перемещаются из одного человеческого тела в другое. Мертвое или живое, значения не имеет.

— Что происходит с тем, чьим телом они овладевают? – спросил ванир.

— Всё зависит от воли духа, — задумчиво произнес зингарец. – Два сознания могут сосуществовать в одном теле. Если дух того пожелает, то плененный человек сохранит полную самостоятельность. К счастью, тела они меняют редко. Это плохо сказывается на восприятии ими окружающего мира. Они становятся более уязвимыми.

— Вы много знаете об этих духах, — улыбнулся Сигурд.

— Еще бы, ведь я охочусь на них, — и не думал возражать Коратцо. – Теперь вы понимаете, почему я не могу сохранить им жизнь? Их нельзя пленить. Они тут же сбегут. Даже просто убить одного из них невероятно сложно. Надо нанести быстрый и точный удар, так, чтобы жертва не успела понять, что происходит.

Сигурду сразу пришел на ум арбалетный болт, пробивающий висок духа. Нет. Слишком просто.

— Оружие должно нести в себе магию? – спросил он.

— Да, чтобы достичь необходимого эффекта, нужно наложить на оружие определенные заклятья. Убить простой стрелой или мечом духа нельзя. Вы только уничтожите оболочку. В принципе, можно использовать ментальную магию. Но тогда заклинание должно быть очень мощным.

— Занимательно, — сказал Сигурд. – Жаль, что для меня совершенно бесполезно. Если позволите, я вернусь к себе на корабль.

— Не торопитесь, — остановил его Коратцо. – Когда я разделаюсь со всеми четырьмя моими подопечными, Сигурд, у меня появится масса свободного времени. Я мог бы потратить его на изыскание способа возвращения вашему другу более привычного для него облика. Думаю, рано или поздно у меня получится. Вот только сейчас я помочь ему не смогу. Охота занимает меня куда больше. Так что вам остается только поверить мне на слово.

— И что вы хотите взамен?

— Вашу посильную помощь в поисках.

— Зачем я вам? Я уже рассказал всё, что знал.

— Положим, не всё, — улыбнулся Коратцо. – Но речь не о том. Втроем охотиться будет сподручнее. Скажем, я оценил ваши способности. Меч вы, похоже, тоже держать умеете.

Сигурд недолго колебался. Этот странный тип и в самом деле мог помочь Зелтрану. В этом он ему верил. Что-то Коратцо, конечно, не договаривал, но с этим можно разобраться и потом.

— Вы не оставляете мне выбора, — улыбнулся Сигурд.

— Отлично. Когда всё закончится, я займусь вашим другом. Золотом тоже не обделю. А

теперь расскажите нам с Черсом окончание вашей истории. Не могу поверить, что вы не оставили пару карт в рукаве. И раз мы с вами теперь по одну сторону, нет смысла их скрывать.

— Я знаю, в чьем теле тот дух, что затеял представление в борделе, — признался Сигурд. – Сегодня утром мы с капитаном встретили ту девушку в кольчужке, о которой я вам рассказывал. Кто она, мы не знали.

— Где вы её видели? – оживился Коратцо. Черс тоже соскочил с насиженного места.

— На «Хлебной», возле тентов торговцев вином.

— Черс! – обратился к подручному Коратцо. – Закрывай лавочку! Выдай всем, кто там сейчас сидит по золотому и скажи, чтобы приходили завтра. Не мне тебя учить.

— Все сделаю, — подмигнул зингарцу паренек и рысью покинул комнату.

— Пошли через черный ход, — сказал Коратцо Сигурду. – Неохота лишнее внимание привлекать.

Сигурд согласился. Они миновали две комнаты, вышли в кухни и через мгновение очутились на заднем дворе. Вскоре к их обществу присоединился Черс. Паренек доложился о проделанной работе, и вся троица, не теряя времени, отправилась на базар.

На «Хлебной» охотники потратили впустую почти целый колокол. Ходили от одного торговца к другому и расспрашивали тех о девушке. Особенно усердствовали Сигурд с Черсом. Они не жалели на взятки серебра, щедро выданного Коратцо. Но купцы лишь мотали головами, либо говорили, что видели такую, но куда она направилась не знают. С горем пополам установили хотя бы то, в каком направлении двигалась девушка по имени Тара.

Сигурдом к тому времени уже полностью завладел азарт. Он искренне желал, как можно быстрее, найти девчонку. Пришлось признать, что Коратцо не ошибся в выборе. Ванир оказался для него полезен.

И тут Сигурда осенило. Даже стало обидно, как он сразу не догадался.

— Черс, — окликнул он помощника Коратцо, — пройдись по местным попрошайкам. Эти всё замечают.

— А сам? – из чистого любопытства переспросил паренек.

— Ты торговаться лучше умеешь, — объяснил Сигурд. – Я им слишком мало или слишком много предложу, и ничего хорошего не выйдет.

— Ладно, понял, — сказал Черс и отправился выполнять задание.

Сигурд же пошел искать Коратцо. Тот вроде бы пытался с помощью магии напасть на след. Похоже, безрезультатно. Обнаружился зингарец довольно быстро — он выделялся своей неподвижностью. Стоял, как столб, посреди суетящегося народа.

— Что это с вами? – поинтересовался Сигурд, хлопая зингарца по плечу.

Коратцо аж подпрыгнул. Обернулся, посмотрел на Сигурда дикими глазами. Ванир никак не реагировал, ждал.

— Увлекся, — пристыжено произнес зингарец.

— Не надо так, — посоветовал Сигурд. – Будь хоть трижды маг, а обдерут, как липку. Кошель на месте?

Коратцо хлопнул рукой по поясу. Нащупал мешочек с деньгами, облегченно вздохнул.

— Здесь, — довольным тоном сообщил он Сигурду.

— Повезло, — резюмировал ванир. – Сейчас придет Черс и приведет с собой тех, кто нам поможет.

Слова Сигурда оказались пророческими. Буквально через несколько мгновений из толпы вынырнул Черс. Вместе с ним объявился грязный мальчуган лет тринадцати. Ванир подивился тому, насколько небрезглив помощник Коратцо. Сам бы он такого за тридцать шагов обошел. Вшей потом не вывести.

Но мальчишка, несмотря на непрезентабельный вид, оказался довольно смышленым. Он рассказал, что видел, куда направилась девица после беседы с пиратами. Вид у неё был тогда очень уж потерянный, вот он и увязался следом. Думал, может представится случай кошель стащить. Но вокруг болталось многовато «лиловых», и на кражу он не решился. Проводил до «Разбойной» и всё.

— Пошли, покажешь, где видел её в последний раз, — сказал мальчугану Сигурд. – Заодно проверим, не врешь ли.

Оборванец честно провел их по следам девушки. Черс на всякий случай отлучался и выспрашивал у торговцев, помнят ли те девицу. Говорили, что вроде бы да, проходила здесь такая.

На саму «Разбойную» мальчишка идти отказался. Там по его словам не его территория. Побить могут, если не хуже. Сигурд пытался убедить оборванца, что они втроем сумеют его защитить. Но мальчишка ни в какую не соглашался.

— Сет с ним! – сказал Коратцо. – Сами справимся.

И действительно дела пошли споро. Девицу по имени Тара на «Разбойной» видели не раз. Она захаживала сюда подновлять свое вооружение. Купцы втихую над ней посмеивались. Сегодня днем она тоже здесь появлялась. И в самом деле была очень странная, сама на себя не похожа.

Всё купцы говорили, кроме того, где её искать.

Сигурд был очень зол. Он единственный из троих четко понимал, кто торгаши просто не желают кого-то выдавать. На лицах было написано, что знают, а не говорят. И ведь Коратцо с Черсом им верили. Что бы они без него только делали?

У ванира имелась одна идейка, как проникнуть сквозь эту завесу молчания. Обязательно должен сыскаться такой человек, которому девушка эта чем-то пришлась не по нраву. Сигурд решил мыслить логически. Из оружия у Тары было два кинжала и бесполезный меч. Этим не повоюешь. Значит, где-то у неё был припрятан набор метательных ножей. Для девушки-убийцы оружие идеальное. И к выбору его она должна была отнестись с особой тщательностью.

Сигурд принялся расспрашивать торговцев с «Разбойной», где девица себе вооружение выбирала. Те отвечали с неохотой, подозревали подвох, но звонкая монета хорошо помогала развязывать языки. Так Сигурд узнал, какого оружейных дел мастера посещала девица. Теперь дело было за малым: найти его конкурента.

Коратцо и Черс с восхищением наблюдали за действиями ванира.

Хозяином нужной Сигурду оружейной лавки оказался сухопарый стигиец. На незнакомцев он поглядывал с неприязнью. Ванир для виду поинтересовался товаром. Хозяин ответил. Без особой задоринки в голосе, чувствовал, что покупать не будут.

— Есть у меня тут одно дельце, — заговорщицким шепотом сказал Сигурд, когда осмотр представленного к продаже оружия был окончен. – Девица меня одна интересует. Разряженная, как дура последняя. Тут время от времени ошивается. Знаешь такую?

— Если и знаю, тебе-то какое дело?

Сигурд достал из кошеля серебряную монетку и подкинул её в воздух перед самым носом торговца.

— Она у моего друга, — при этих словах ванир указал стоящего поодаль на Коратцо, — украла одну безделушку. Он попросил меня найти её и наказать.

— Встречал я её, — сказал торговец.

Ванир перестал играться с монетой и положил её на стол с боевым топорами, давая понять, что больше на неё не претендует. Тут же достал из кармана следующую.

— Знаешь кого-нибудь, кто на её след навести может?

— Я знаю нечто более ценное, — акцент купец сделал на два последних слова.

Намек Сигурд понял. Серебряную монету вернул в кошель, достав вместо неё золотую.

— Она у Бродо-аргосца ошивается. Он тут неподалеку тоже оружейную лавку держит.

Сигурд положил на стол золотой. Вынул следующий.

— Где он живет, знаешь?

— Нет, господин хороший.

«Врет, — подумал Сигурд. — Настолько не любит он этого Бродо, что золотого не пожалел, лишь бы мы его конкурента лично навестили. Ладно, нам не жалко».

Сигурд попрощался с оружейником и подошел к ожидавшим его Коратцо и Черсу.

— Узнал? – спросил зингарец.

— Да. Она живет у одного оружейника. Дождемся вечера и проследим за ним.

Коратцо поморщился.

— Может, лучше сейчас начнем действовать? – спросил он у Сигурда. – Мне бы хотелось иметь время на подготовку.

— Нам с ним не договориться, — ответил Сигурд. – Только спугнем.

— А если его очень вежливо попросить? – сказал Черс и выразительно посмотрел на свой нож.

— Сумеешь по-тихому? – на всякий случай поинтересовался ванир.

— Спрашиваешь! – усмехнулся кудрявый паренек.

Сигурд объяснил Черсу, где находится лавка, с владельцем которой ему предстоит побеседовать. Парень выслушал, кивнул и пошел делать дело. Сигурд и Коратцо держались за ним в некотором отдалении. Близко к лавке они подходить не стали, чтобы не вызывать лишних подозрений. Наблюдали за всем издали.

Черс сначала просто ходил по оружейной и осматривал товар. Изредка чем-то интересовался у хозяина. Потом на время застыл у прилавка с арбалетами. Долго вертел в руках один из них разглядывал какие-то детали. Хозяин, заметив, что покупатель созрел, устремился к нему и принялся возносить деферамбы данному образчику стрелкового оружия. Черс только кивал головой и постепенно перемещался в ту часть лавки, которая плохо просматривалось с улицы. Наконец и хозяин, и потенциальный покупатель исчезли из поля зрения Коратцо и Сигурда.

Началось напряженное ожидание. Черс всё не показывался и не показывался. Сигурд уже решил, что пора идти выручать паренька, когда из лавки сначала вышел хозяин, а вслед за ним юный помощник Коратцо. Держались они близко друг к другу. Ванир не сомневался, что к спине оружейника приставлен нож.

— Прошу любить и жаловать, — сказал довольный Черс, представляя хозяина Сигурду и Коратцо. – Бродо, торговец оружием. По происхождению аргосец. Он любезно согласился проводить нас до своего дома.

— Молодец, — похвалил парня Коратцо. Сигурд просто подмигнул Черсу.

Жил Бродо на самой окраине Сартоса. Это более чем устраивало троицу отважных охотников за духами. Чем тише место, тем лучше. Соседи могли заметить подозрительных личностей, решивших погостить у Бродо. И если в центральной части города по этому поводу немедля поползли бы пересуды, то люди с окраин предпочитали держать рот на замке.

По дороге Сигурд внимательно следил за оружейником, чтобы тот не оставил своей подружке какой-нибудь условный знак, предупреждающей об опасности. Сейчас дух обладал всеми навыками и способностями Тары, а это означало, что ни одна мелочь не ускользнет от его внимания.

Несколько раз Бродо пытался вызнать, что им всем надо от Тары. Похоже, что он был

влюблен в эту девицу. Сигурд соврал, что она убила их товарища, и они желают выяснить имя заказчика, а к самой девушке претензий не имеют. Коратцо незаметно кивнул Сигурду, давая понять, что он правильно поступил, не сказав правды. В неё бы оружейник точно не поверил.

Дом у Бродо был одним из самых больших в районе. Двухэтажное здание с небольшим балкончиком, явно самодельным. По прибытию Бродо немедля связали и допросили. По окончанию сей процедуры заткнули рот кляпом и отправили отдыхать в подвал. По словам оружейника Тара должна была появиться на седьмой-восьмой послеполуденный колокол. Коратцо этим фактом остался доволен. Можно было не спеша заняться подготовкой к схватке. Зингарец потребовал у Сигурда и Черса все их оружие. Около колокола он трудился над заговорами. Моряки тем временем на всякий случай изучали расположение комнат в доме. Мало ли во что выльется схватка. Потом все втроем соорудили над дверью ловушку. Закрепили один из кинжалов на веревке, перебросили её через рычаг и вручили конец в руки Черсу. Тот должен был отпустить его сразу же, как увидит Тару. Кинжал был достаточно тяжелым. Взятую для опытов тыкву пробивал без труда. Затем долго решали, куда собственно усадить Черса, чтобы дух его не увидел первым, но кое-как нашли место. Еще больше времени потратили, выбирая удобную позицию для Сигуда. В итоге остановились на банальном «прямо за дверью». Коратцо, на долю которого выпала магическая поддержка в случае неприятностей, засел в соседней комнатенке.

До предполагаемого времени визита Тары оставалось еще два колокола. Ждали молча, каждый думал о своем. Напряжение, висевшее в доме, было чуть ли не осязаемым.

— Коратцо, давай Черса на балкон отправим, — внезапно предложил Сигурд. – Пусть девицу высматривает. Он у нас незаметный. А то мы себя так этим ожиданием измотаем, что сделать потом ничего не сможем.

— Я готов, — тут же вызвался паренек. – Как увижу, что идет, сразу вниз к веревке. Я успею.

— Согласен, — отозвался Коратцо. – Пусть следит. На всякий случай надо.

Глава 6.
«О ворах»

Ноги сами несли Конана к логову воров Сартоса.

Киммериец, несмотря ни на что, при мысли о предстоящем деле испытывал лишь радостное возбуждение. Он уже очень давно не лазил по чужим домам с целью изъятия у спящих хозяев пары дорогих безделушек, нажитых непосильным трудом. Теперь он был капитаном пиратского корабля, а это немалая ответственность. Приходилось беспокоиться о сохранности не только своей шкуры, но и обо всей команде. Конечно, он по-прежнему влезал в безумные авантюры, но зачастую не по своей воле. Да и по правде говоря, всё-таки не было в них той шадизарской бесшабашности. А Конану её порой не доставало.

Даже сейчас на дело он шел не ради неведомых сокровищ Хозяев Побережья, а исключительно ради спасения друга. Но тем не менее это была еще та авантюра, и потому с лица капитана вот уже как полкола не слезала дурацкая мальчишечья улыбка. Его нынешняя задумка непременно бы пришлась по нутру шадизарской шайке. Конечно, поворчали ли бы для виду, но за идею ухватились бы всеми руками и ногами. Такой шанс щелкнуть по носу зарвавшимся колдунам, они бы не упустили. Конан жалел, что его старинных товарищей сейчас здесь нет. Но что поделать? Придется действовать в одиночку.

Но всё-таки время от времени в сознании киммерийца Конан-ответственный вытеснял Конан-романтичного. Побитый жизнью капитан «Вестрела» доказывал этому юноше с горящими глазами, что лезть в поместье Хозяев имеет смысл, только если у них будут надежные планы помещения с описанием ловушек. Попадаться в руки колдунам было никак нельзя. Стигийцы люди практичные. Они не станут дожидаться того момента, когда команда «Вестрела» решит отомстить за капитана и боцмана. Они нанесут удар первыми.

Основной своей проблемой киммериец полагал то, как убедить местных воров поделиться с ним сведениями о поместье. Деньги предлагать смысла не имело. Достаточной для серьезного разговора суммы у него не было. Обижать людей мелочью ему и вовсе не хотелось. Оставалось полагаться лишь на смекалку и умение импровизировать. Наверняка ворам что-то надо от Хозяев. Сами они, конечно, ничего не скажут, но если их умело к этому подвести, то всё возможно.

После этих измышлений настроение у Конана ухудшилось, улыбка исчезла. Он рассуждал, как капитан корабля. Лет десять назад он даже не подумал бы о том, чтобы упражняться в красноречии. Схватил бы за грудки, приставил нож к горлу и потребовал выложить на стол карты поместья. Киммериец представил эту картину и ему стало еще хуже. Как он с такими привычками еще в ранней юности на Серые Равнины гулять не отправился?

Конан-ответственный одержал окончательную победу на Конаном-романтичным.

Киммериец начал вспоминать всё, что знал о ворах вообще и сартосских, в частности.

Воровские сообщества по большей части были очень похожи друг на друга. Любое мало-мальски крупное человеческое поселение делилось «хозяевами ночных улиц» на районы. Размеры их могли разниться в зависимости от местных традиций: от нескольких кварталов до доброй половины города. В каждом таком районе обязательно имелся свой заправила. Без его ведома не происходило ни одного дела. Каждый месяц он собирал оброк со всех «трудящихся» на его территории. Если же кому-то удавалось провернуть нечто крупное, то за данью могли придти и вне очереди. Одним словом, должность почетная. Но и хлопотная. Десятки юных и не

очень молодчиков спят и видят себя на месте заправилы. Иногда строят планы по его замещению, иногда их осуществляют. Чтобы охладить пыл таких горячих голов, заправиле приходится держать при себе постоянную охрану. Она, кстати, по совместительству и занимается ежемесячными сборами оброка. Но ни один даже самый умелый мечник не защит вас от точно пущенного арбалетного болта. Такие вещи надо не пресекать, а упреждать. Для этого у заправил имеются «глаза» и «уши». Это такие незаметные люди, которые всегда всё слышат, а потому всё обо всех знают. Работают они чаще не «за совесть», а «за страх», ведь часто бывает так, что для спасения заправилы требуется пожертвовать парочкой друзей. Но не только оброком и собственной безопасностью обеспокоены «властители районов». Им для нормального существования потребна еще и власть. И чем больше, тем лучше. Плох тот районный заправила, который не желает стать городским. Да, бывает и такое. Иногда находится такой умелец, что подминает под себя все районы. С такими людьми дело иметь опасно. Они очень хитры: без этого подобного положения не достигнуть. Они очень жестоки: без этого не закрепиться на завоеванных высотах. Они очень осторожны: без этого легко упасть. Нередко районные заправилы устраивают заговор против городского. И тогда не спасут ни «глаза», ни «уши», ни охрана. Наверное, лишь короли да королевы способны понять тонкую душу городского заправилы. Интересы и среда обитания у них схожие.

По своему внутреннему и внешнему содержанию воровские районы разнятся очень сильно. Так кто-то зарабатывает себе на жизнь в бедняцких кварталах, кто-то держит под контролем аристократию. Последняя когорта «ночных воротил» Конану не нравилась совершенно. Подлецы, торгующие чужими тайнами и затуманивающими разум зельями. Они зарабатывали побольше других, были вхожи на королевские приемы, с их мнением считались сыскные управы. Но людьми они были мерзкими, а для киммерийца это очень многое значило. Ему был больше по душе средний класс. Небольшие шайки, промышлявшие тем, что проникали в чужие дома и немного уменьшали благосостояние их хозяев. Жертвами их обычно становились купцы и мелкие дворяне. Таких грабить не жалко.

Иногда районы формировались выходцами из какого-нибудь одного государства. Особо показателен в этом смысле Хоршемиш. Там деление происходит исключительно по признаку принадлежности к той или иной национальности. Есть кварталы, которые контролируют иранистанцы. Там процветает торговля лотосом и другими зельями. В стигийских районах можно запросто найти запрещенные магические трактаты. Аквилонцы контролируют полуночную окраину города, и, как легко догадаться, все контрабандные поставки проходят через них. Объединившиеся коринфийцы и заморийцы обосновались в купеческих кварталах. Занимаются там воровством. Торговцы, кстати, не сильно возражают против их общества. Если в дом залезут, то вынесут не всё, а только самое ценное, да и на убийство практически никогда не идут. Немедийцы подмяли под себя «веселые улочки». Даже наладили систему завоза в Хоршемиш девиц из соседней с их страной Бритунии. Разумеется, между всеми этими шайками то и дело возникают конфликты, но ни во что большее ни один из них не перерос по причине того, что городского заправилы здесь нет, быть не может, и никто на его роль не претендует.

Оставалось определить к какому типу городов относится Сартос. Сразу напрашивалось вариант с национальным делением на районы. Все города Побережья отвечали главному условию для такого распределения. В них жили выходцы со всех уголков Хайбории. Только эту версию Конан всё-таки отверг. В отличие от того же Хоршемиша уроженцев иных земель в Сартосе не воспринимали, как чужаков. Прожив здесь какое-то время, они и вовсе становились «своими». Сартосский зингарец непременно вступится за соседа аргосца, если того начнут задевать приезжие моряки. Непонятным образом на Побережье сформировался некий многонациональный тип местного жителя.

Получалось, что Сартос, скорее всего, поделили по местам денежного интереса. Конан прикинул, что в городе есть ценного? Во-первых, порт. Где море, там и деньги. Правило это работало всегда и везде. Исключений не имелось. Во-вторых, базар. Наверняка «лиловые» пытались сами устанавливать там порядки. Но людей у них всё-таки недостаточно. Значит, дань с торгашей лихие ребята тоже собирают. Больше ничего интересного Конан припомнить не мог. Возможно, купеческий квартал, но навряд ли. Торгаши, скорее всего, входят в сферу интересов ребят с базара. Счастливчик без сомнения относился именно к последним. А это означало, что с ними-то Конан и идет на контакт. Конечно, можно было попросить навести его на «портовых», но киммерийцу казалось, что там рыбка не клюнет. Интересы Хозяев и воров из порта не пересекались. Последние работают там с местным населением, а маги с пиратами. На базаре же противоречия между воровским сообществом и властями должны были возникнуть всенепременно.

«На это и надо давить», — решил для себя киммериец.

Дорогу к «святая святых», как называл Счастливчик мастерскую по изготовлению подделок, Конан помнил хорошо. За долгие годы странствий и путешествий у него выработалась полезная привычка схватывать всё с первого раза. Даже хитросплетения переулков в нищенских кварталах не могли сбить его с верного пути. В принципе, вполне можно было ориентироваться на степень неустроенности окружающих строений. Там, где на них уже смотреть станет страшно, и найдется заветная мастерская, по совместительству место отправления культа Золотого Павлина Саббатеи.

Как и в прошлый раз в округе вертелось множество бродячих собак и безумных митрианцев. И если псы вели себя вполне нормально, то с блаженными происходило что-то не то. Они ходили группами по три человека, не больше не меньше, осматривали здания, совещались о чем-то. Конана до глубины души проняла системность их действий. Митриане четко распределили между собой участки, определили общее направление движения. Становилось понятно, что ни одного дома не останется не оцененным по некоей неведомой шкале. Пугало выражение их лиц. Все они были до невозможности серьезны, ни тени улыбки. Но печать безумия с них никуда не делась.

Конану доводилось встречать людей с подобным поведением. Замкнутые на какой-то одной идее, жестокие, вспыльчивые. Знакомый лекарь рассказывал киммерийцу, что всё это следствие сложной неизлечимой болезни. Только с митрианами дело обстояло иначе. Конан просто чувствовал это. Причиной их основного недуга была магия Хозяев Побережья. Вероятно, и то, что происходит с ними сейчас как-то связано с колдовством. Киммериец пожалел, что сейчас рядом нет ни Сигурда, ни Счастливчика. Те в истории несчастных митриан хорошо разбирались. Может быть у них просто время от времени наступает период такой нездоровой серьезности?

Митриане обратили внимание на замершего посреди улицы киммерийца. Сначала к нему устремились взгляды одной троицы, потом еще одной и еще, еще. Три с лишним десятка безумцев неотрывно следили за каждым действием киммерийца. Конану стало не по себе. Будь они простым горожанами, киммериец бы, наверное, одержал верх в схватке, если таковой суждено было случится. Но эти были ненормальными. Их мечом не испугаешь. Они давным-давно позабыли, что такое страх смерти.

Вот только Конан почему-то был уверен, что они не нападут. Ему казалось, что митриане сейчас окружат его и начнут пристально оглядывать, словно он один из домов. А когда они закончат, то случится нечто ужасное.

Конан сделал осторожный шаг вперед, желая посмотреть на реакцию митриан. Она превзошла все его ожидания. Безумцы вмиг забыли о его существовании и вернулись к своим драгоценным домам. Киммериец поспешил поскорее убраться подальше. Больше он уже не

останавливался, встречая по дороге сумасшедших жрецов Митры.

Когда до мастерской оставалось пройти чуть больше квартала, если можно применить это к слово к свалке домов средь узких петляющих переулков, Конан почувствовал, что что-то здесь не так. Чего-то не хватало. Киммериец напрягал память, но никак не мог найти какие-либо отличия. Всё было так же, как и в прошлый раз. Дома-близнецы, тишина, полное отсутствие собак и безумных жрецов…

Шаг за шагом киммериец приближался к цели своего путешествия. Он вдруг понял, что если не поймет, в чем его ошибка, то на удачный разговор шансов не останется. Конан глубоко вздохнул, попытался сосредоточиться… и догадался. Воздух был свежим. В их предыдущий визит в мастерскую, здесь стоял запах жареного мяса. Человеческого. Саббатейцы, жившие над мастерской, обеспечивали «базарным» ворам надежное прикрытие.

Открытие киммерийца не порадовало. К культу Золотого Павлина он относился крайне отрицательно, но ведь важно не его мнение, а то, что местные воры без саббатейцев жизни не представляли. Если что-то случилось с культом, то неприятности наверняка коснулись и воровского сообщества, что очень некстати.

Киммерийцу уже случалось сталкиваться на своем пути с поклонниками Золотого Павлина и некоторые из их обычаев он успел изучить. В храме неизменно должно готовиться мясо. Саббатейцы считали, что так они поддерживают связь между всеми жертвами. Когда прихожане поедали человечину, то они получали доступ к духовным силам не только самой жертвы, но и всех несчастных, погибших в этом храме. Но стоило исчезнуть из огня последнему кусочку мяса, как цепь рвалась и все души обретали свободу.

Саббатейцы с великим почтением относились к отправлению культа в храмах. Ведь в домашних условиях можно было получить силу лишь одной жертвы. В храмах же зловещие цепочки порой насчитывали десятки и сотни отнятых человеческих жизней.

Значит, если огонь погас, случилось нечто очень серьезное. Возможно, нападение конкурентов. Может «лиловым» надоело терпеть на своих землях воров. Не исключал киммериец и того, что напали не на «хозяев ночных переулков», а на любителей человечины.

На всякий случай киммериец проверил, легко ли выходит из ножен меч.

«Третий дом после сарая с дырой в стене», — напомнил сам себе киммериец. В этом закутке дома идеально походили друг на друга. Точно так же, как походили друг на друга двое хромоногих дурно пахнущих нищих, по уши вымазанных в грязи. Разница может и есть, но глаз за неё не цепляется.

Конан не торопясь приблизился к двери воровского дома. Счастливчик в прошлый раз не просто стучался. Он выбивал нужный ритм. Память у Конана была хорошей, но вот музыкальный слух отсутствовал напрочь.

Киммериец решил не экспериментировать. Если не знаешь пароля, то и нечего строить из себя умника. Можно и по-простецки кулаком по двери стукнуть. Это Конан и сделал.

Внутри раздались какие-то звуки, вроде бы человек к двери подходил, только как-то странно. Послышался скрежет отпираемого замка. Дверь распахнулась. На пороге стоял одноногий старик. В руках он держал арбалет. В принципе, Конан стоял достаточно близко, чтобы одним быстрым движением разоружить деда.

— Не делай этого, сынок, — посоветовал старик. – Лучше обернись.

Это мог быть и трюк. Но Конан деду поверил. Он и сам чувствовал, что стоит не только под стариковским прицелом.

Конан оглянулся. За его спиной, шагах в пяти, стояло трое молодчиков. Все с арбалетами. Киммериец это одобрил. Надежно действуют. Будь у них мечи или, скажем, копья, он бы просто ради принципа вступил в драку. Чтобы не наставляли оружие на незнакомцев. Но с арбалетом не

поспоришь.

— Зачем пришел? – спросил один из молодчиков.

Это уже хорошо. Если разговаривают, значит сразу стрелять не будут.

— Мне с вашим главным поговорить надо, — произнес Конан и почувствовал, как медленно проваливается в сон. – У меня к нему…

Ноги в миг стали ватными. Киммериец стал оседать. Взгляд его скользнул по старику. Дед как-то нехорошо улыбался. В одной руке у него по-прежнему был арбалет, а в другой появилась длинная тонкая игла.

— Свяжите его, — это были последние слова, которые услышал Конан перед тем пасть в небытие.

Привели Конана в сознание вполне традиционным методом. Вылили на голову ушат холодной воды и отвесили пару пощечин.

Киммериец осторожно приоткрыл глаза, опасаясь яркого света. Напрасно. Он находился в той самой мастерской, куда их с Сигурдом приводил Счастливчик. Точнее это комната была той же, обстановка претерпела разительные изменения.

Куда-то исчезли десятки деловито суетящихся мошенников. Большая часть их работ по-прежнему стояла, лежала или висела в покинутой мастерской. Но вместе с творцами исчезло и их волшебство. Теперь все эти подделки произведений искусства выглядели жалкими, если не сказать убогими. При взгляде на самопальные артефакты сразу становилось понятно, что они годны лишь на то, чтобы ими псов или митриан отгонять. Вещи ничто без людей.

Еще в комнатке заметно поубавилось света. Теперь здесь царил таинственный полумрак. Видимо, такая обстановка более всего устраивала человека, сидевшего напротив Конана. Это был стигиец. Как и положено, смуглый, худощавый и коротко стриженный. На вид ему было чуть больше сорока, но виски уже начали покрываться сединой. За спиной стигийца стояли одноногий старик и один из пленивших Конана молодчиков. Охрана или советники. Скорее второе. Охранять было не от кого. Киммерийца связали вполне надежно. Конан уже успел опробовать веревки. Ножки же стула, на котором он сидел, были накрепко приделаны к полу. Тоже никак не оторвать.

— Был здесь раньше? – сухо спросил стигиец. От него не ускользнуло то, с каким любопытством Конан осматривал мастерскую.

— Однажды, — ответил киммериец. – Меня сюда приводил один из ваших.

— Кто? – без тени заинтересованности произнес стигиец.

Киммериец про себя усмехнулся. Этот тип, наверняка, знал, и кто он такой, и сколько раз он здесь бывал, и при каких обстоятельствах. Внешность киммериец имел приметную. Конан просто не мог поверить, что человек такого полета, как этот сухопарый, не выяснил до разговора с пленным всё, что только возможно.

— Зингарец по прозвищу «Счастливчик».

— Зачем ты сегодня пришел к нам? Ты был один.

— Мне нужна помощь.

— У нас тут не храм Митры Всеблагого. Ты это прекрасно знаешь.

— Я полагал, что мы сумеем договориться.

Стигиец надолго замолчал. Старик и молодчик стояли, слово статуи.

— Капитан, — сказал стигиец после раздумий, — будь на вашем месте кто-то другой, я бы его уже убил. Вы приходили сюда с одним из наших. Потом вместе покинули Сартос. Счастливчик из этого путешествия не вернулся… Ладно, мало ли что там у вас произошло. Но вы не успокоились на достигнутом и решили нанести очередной визит в наше скромное убежище. Как я должен расценивать подобное поведение?

— Я мог вернуться рассказать вам о вашем человеке, — Конан с трудом подавил в себе гнев. Этот проклятый стигиец обвинял его в смерти Счастливчика!

— И я, конечно, обязан выслушать вашу душещипательную историю? Увольте! Не в такое время.

— Что же здесь произошло?

— Я задаю вопросы. Вы отвечаете, — голос стигийца стал еще суше, если подобное только было возможно. – Понятно?

— Да, — сказал киммериец.

Конан не к месту подумал, что разговор ведет сейчас капитан корабля. Юноша с горящими глазами исчез без следа.

— Что ты хотел у нас попросить?

— Планы поместья Хозяев с указанием всех ловушек.

Киммериец получил истинное удовольствие, произнося эти слова. Наглость то была редкостная.

— Пытаешься оправдать славу убийцы магов, Конан?

Стигиец удивленным не казался.

— Нет. Хочу спасти друга.

— У тебя очень хорошая репутация, капитан. Для пирата ты удивительно честен. Может по этой причине тебе и сопутствует удача. Но вокруг тебя всё время гибнут люди. Это мне не нравится. Я не хочу, чтобы ты навлек на нас несчастье.

— У вас и без меня дела идут не очень, — заметил Конан, демонстративно обведя мастерскую глазами.

— Еще одна причина, по которой ты жив, — согласился стигиец.

— Не понял, — честно признался Конан.

— И не мог.

— Хотите, чтобы я помог вам разобраться с вашими несчастьями?

— Не гадай. Я расскажу, и ты всё поймешь, — сказал стигиец и обратился к деду и молодчику. – Развяжите его, принесите бутыль вина, два бокала и оставьте нас.

Подручные принялись молча исполнять приказ. Дед ушел добывать напиток. Молодчик тем времен освобождал Конана от пут. Киммериец терпеливо ждал.

Наконец приготовления к беседе были окончены. Конан был свободен, вино разлито по бокалам, а дед и молодчик исчезли из мастерской.

— Капитан, — сказал стигиец. Даже сейчас он не утратил сухости тона, — надеюсь, вы понимаете, для чего мне понадобилось это маленькое представление? Я желал сразу расставить акценты в нашем разговоре. Здесь не будет равных сторон. Вы мой пленник, и я диктую условия.

Конан не стал спорить. По шадизарскому опыту он знал, что для заправил подобное поведение типично. Они не могут постоянно не демонстрировать своё превосходство. И это, пожалуй, правильно. Так больше шансов усидеть на верху. Конан был уверен, что на условия предстоящего договора этот высокопарный треп не повлияет.

— Я не буду вилять, — продолжил стигиец, — и прямо скажу, что у меня есть то, что вам нужно. Вы получите планы, если выполните два моих условия… Хотя нет! Три. И одно немедля. Я желаю знать, что произошло с Счастливчиком.

— Он погиб, — с неподдельной грустью произнес Конан. – Мы отправились за сокровищами, следуя по одной из его карт. Мой товарищ придумал, как можно провести Счастливчика в пещеры. Он сам желал этого. К сожалению, выбраться назад ему было не суждено. Он принял смерть, чтобы спасти нас.

— Что-то подобное я и ожидал услышать, — произнес стигиец. – Он страстно мечтал

попасть в те пещеры или лабиринт, не помню точно, как он называл это место. Вы помогли разрешить ему эту задачу. Ничего удивительно для человека с вашими наклонностями. Если скажите, что и мага какого-нибудь по пути убили, поверю.

Конан промолчал.

— Простите, если задел ваши чувства, капитан. Вы считали его другом? Тогда сочувствую вашему горю. Так или иначе одно из условий выполнено. Переходим к следующему. Вы должны найти для меня саббатейцев.

Киммериец предполагал нечто подобное. Не в плане поисков Золотого Павлина. Нет. Просто некое задание в интересах организации. Что ж, павлин так павлин. Могло быть и хуже.

— Может тогда расскажите, что с ними случилось? – поинтересовался он у стигийца.

— Я же уже обещал это сделать, — с раздражением сказал заправила. – Слушай. История, собственно говоря, коротенькая. Четыре дня назад храм наверху исчез. Его просто не стало. Один из наших мастеров собрался на улицу и увидел совершенно пустую комнату. Ничего, что напоминало бы о саббатейцах. Сразу же пошли разговоры о магии и прочих чудесах. С трудом удалось это пресечь. Просто почитатели Павлина умеют улавливать настроение. Ты еще застал тот обряд, которому они подвергали всех наших гостей. Вот они и выждали момент, когда ни у кого из наших не было желания наверх лезть, собрали по быстрому всё свое добро и ушли в неизвестном направлении. Мне надо знать, почему они так поступили. Я подозреваю, что саббатейцы чего-то опасались. Потому мы и перевели мастерскую в другое место. Но кто знает, безопасно ли оно?

— Вы сами пробовали их искать?

— Конечно! Что нам твоего прихода ожидать прикажешь?! Ничего наши поиски не дали. У «морских» мы тоже ненавязчиво поинтересовались, не знают ли они чего? Не знают.

Конан мысленно похвалил себя. Он правильно рассчитал, что в Сартосе всего две воровские общины. Даже почти с названием одной из них угадал. Интересно, как себя называют «базарные»?

— Почему вы думаете, что у меня получится отыскать ваших беглецов? – спросил Конан.

— Мне рассказывали, — начало прозвучало непривычно напыщенно, — что их главный почему-то сильно вам симпатизировал, капитан. Возможно, они не станут сторониться вашего общества. Я сразу хочу пояснить, что я не требую от вас результата. Мне важно, чтобы вы просто занялись поисками саббатейцев. Если вас постигнет неудача, значит такова воля Сета. Условие я сочту выполненным. И еще! К поискам можете приступить и после спасения вашего друга.

— Я согласен, — Конан и не подумал торговаться. Стигиец не требовал ничего невозможного.

— Тогда последнее и самое главное, — сказал стигиец. – Попав в поместье, ты первым делом должен будешь проникнуть в хранилище артефактов и похитить оттуда небольшую деревянную чашу. Я дам тебе её подробное описание.

— Расскажешь, что она делает? – на всякий случай спросил Конан, хоть ответ и был очевиден.

— Нет. Но она очень важна для меня.

— Откуда ты знаешь об этом артефакте? – еще один безнадежный вопрос.

— Я «лиловый».

Вот теперь Конан удивился. По-настоящему. Всего ожидал, но не такого.

— Ты бы всё равно догадался, — привычным спокойным голосом произнес стигиец. – Ни к чему тратить твои способности на разрешение загадок моей личности. «Лиловым» я стал еще до того, как меня провозгласили здесь главарем. Я в равной степени ценю оба своих обличья. Мне нравится быть «лиловым», но и от воровской деятельности я получаю не меньшее удовольствие.

— Я ведь до сих пор не знаю твоего имени, — напомнил Конан.

— К чему оно тебе? – спросил стигиец.

Конан лишь пожал плечами.

— Ты согласен на последнее условие? Или будут еще вопросы?

— Требование. Одно.

— Я слушаю.

— Ты должен предоставить мне весомые доказательства того, что после похищения твоей чаши у меня останется время на спасение Зелтрана.

— Это само собой разумеющееся, — согласился с Конаном «лиловый» вор. – Я сам хорошенько изучу планы и к завтрашнему полдню составлю приблизительный план действий. Ты получишь копии карт. Сможешь посидеть над ними. Может и сам придумаешь что-нибудь толковое.

— Ловушки, — напомнил киммериец.

— С этим немного сложнее, — признался стигиец. Впервые за время разговора в его голосе мелькнуло смущение. – Планы поместья не являются такой уж большой тайной. У многих «лиловых» есть к ним допуск. Но установкой ловушек занимаются исключительно Хозяева. У меня есть записи, где перечисляются все известные автору западни и способы пройти сквозь них. Вот только, мне кажется, что к старым капканам добавились и новые. Тем более, что Хозяева сами не свои в последнее время. Ищут по всему городу неизвестно чего и нас заставляют искать.

После этих слов стигиец протянул руку, взял с соседнего стола стопку бумаг и протянул её Конану.

— Здесь всё, — сказал он.

Киммериец развернул перед собой общий план поместья. Описание ловушек и более мелкие чертежи можно будет изучить на «Вестреле».

— Где держат Зелтрана?

— В комнате Биреса, капитан, — ответил «лиловый». – Кстати, думаю вам будет полезно послушать о трех Хозяевах первого круга приближения.

— Этот Бирес, он один из них?

— Да.

— Расскажи мне о нем, — сказал Конан. – Впрочем, и об остальных давай тоже. Самые опасные люди в поместье?

— Так точно, — ответил «лиловый». – Самого могущественного из этой троицы зовут Карун-Ра. Его также называют Слепцом. С ним надо быть осторожнее всего. Карун-Ра не просто умен, он настоящий гений. Слепец пользуется неизменным уважением и среди трех кругов приближения, и среди «лиловых». Это очень жестокий человек, который всегда блюдет свои интересы. И еще. Он невероятно сильный маг. Многие из младших кругов верят, что для него нет ничего невозможного. И отнюдь не факт, что они ошибаются.

— Не нравится мне, когда про магов говорят подобное, — сказал Конан. – За безграничные возможности приходится платить дорогую цену.

— Это мнение тоже распространено среди части Хозяев. Но мне оно представляется неверным. Слепец не стремится обрести могущество в одночасье. Он продвигается к нему постепенно, шаг за шагом. Ему отлично известны пределы собственных сил. Я не слышал о том, чтобы он провалил какой-нибудь опыт или заклятье.

— Будущий Тот-Амон?

— Вполне возможно. Я могу без труда представить Слепца главой Черного Круга.

— Что же он делает в таком захолустье?

— Встретишь – спроси. Это многих интересует. Но боюсь нам не по силам будет даже просто понять его ответ. Он – гений.

— Ладно, — махнул рукой Конан. – С этим более менее разобрались. Рассказывай о следующем.

— Второй по силе это и есть Бирес. Идеальный образчик стигийского мага. Разумеется, не такого, которым детей в Аквилонии пугают. Понимаешь, о чем я? Бирес в одинаковой степени и политик, и маг. Он достаточно умен и талантлив, но не настолько, чтобы претендовать на одну из главенствующих ролей в Черном Круге. Имеется у Биреса одна страсть, которую принято величать тайной. Он любит маленьких девочек. Любит-любит, а потом превращает в птичек и рассаживает по клеткам. Что он дальше с ними делает, неизвестно. Может убивает, а может и отпускает. Нрав у Биреса горячий. Легко раздражается, переходит на крик, иногда даже заклятьями начинает кидаться.

— И правда, типичный маг, — улыбнулся Конан. – С Зелтраном он, надеюсь, ничего плохого не сотворит.

— Не должен. Бирес человек осторожный. Твой друг для них, видимо, ценная находка. Я уже говорил, что Хозяева третий день необычности в городе ищу. Заколдованный пес какая-никакая, а диковинка.

— А я ведь тебе ничего про собаку не говорил! – вдруг вспомнил Конан. «Лиловый» уже несколько раз поминал пса и друга.

— Ты меня дураком считаешь? – обиделся стигиец. – Думаешь, я два и два сложить не смогу?

— Извини, — буркнул Конан. Капитана «Вестрела» раздражала чрезмерная осведомленность «лилового».

— И еще о Биресе, — продолжил свой рассказ стигиец. – Именно с его покоями возникнут самые большие проблемы. Он большой традиционалист. У него на каждом замочке по двадцать охранных заклинаний стоит. Это Карун-Ра о подобном не беспокоится: в его записях всё равно никто не разберется, а с его амулетами никто не совладает.

— Может задействовать какой-нибудь артефакт из сокровищницы, раз уж её навещать придется?

— Скорее всего так и придется поступить. Я придумаю хороший план, не беспокойся.

— Больше о Биресе добавить нечего?

— Что-нибудь да есть, но я этого не знаю. Слушай о последнем. Зовут этого громилу Арзарес. Комплекцией он тебе не уступит. Всего несколько лет назад он был простым стражником. Кто-то из Черного Круга разглядел в нем талант, и отправил парня учиться магическому искусству. Но прошлое на него до сих пор видать давит. Он по характеру скорее солдат, чем колдун. Арзарес человек простой, прямолинейный. Его за это многие недолюбливают. Тяжело по-хорошему относится к тому, кто тебя полным идиотом при всех выставляет. Причем не со зла, а по зову душевному. Еще многим не нравится то, как он стремительно наверх взлетел. Таланту в нем много, а вот знаний ему пока не хватает. Также известно о нем, что друзей у него нет. Даже приятелей. Ярко выраженный одиночка.

«Лиловый» окончил свой рассказ и замолчал. Сидел, пил вино и ждал, что Конан надумает.

— А во втором и третьем круге, — спросил киммериец, — есть те, на кого стоит обратить внимание?

— Нет, — покачал головой стигиец. – Если тебя вдруг поймают, в любом случае сразу отправят к Слепцу, Биресу или, в крайнем случае, Арзаресу. У Хозяев права каждого из кругов четко обозначены. Третий и второй круги тебя никак не коснутся.

— Хоть одна приятная новость.

— Ты, правда, так считаешь?

Конан не стал отвечать на дурацкий вопрос.

— Завтра ты меня разыщешь или снова встретимся в этом месте?

— Здесь встретимся, — ответил стигиец. – Тут хорошо, спокойно.

— Тогда до завтра.

Киммериец одним глотком допил своё вино, встал, взял бумаги и направился к выходу. Уже у самой лестницы он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на мастерскую. Всё-таки здесь очень не хватало людей.

Глава 7.
«О воительницах со светлыми волосами»

Бирес полагал, что Карун-Ра и на этот раз выкинет какой-нибудь фокус. Говорящий туман, призрак покойного дядюшки или иное какое непотребство, говорящее человеческим голосом и требующее от Биреса явиться туда то и туда то. Уже не ради конспирации, а просто для пущего эффекта. Любил Слепец подобные бессмысленные красивости.

В ожидании визита Карун-Ра маг прикидывал, а не уехать ли ему куда подальше. Сделаться волшебником-одиночкой. Разумеется, придется полностью изменить внешность, и не посредством иллюзий. Про имя и направление магической практики даже говорить не приходится.

«Всё равно, найдут, — горько подумал Бирес. – Черный Круг заботится о сохранности своих тайн. От Тот-Амона не скрыться ни в Ванахейме, ни в Кхитае. И про Ксарти забывать не следует. Как только он со своими братьями расправится, так сразу им, Биресом, и займется».

Выходило так, что сбегать из Сартоса смысла никакого не было. Конец везде один.

Но здесь еще можно было подергаться. Если Карун-Ра вытащил его из-под заклинания Ксарти, значит есть что-то, с чем Слепец в одиночку не справится. Бирес свои возможности оценивал вполне реально и понимал, что лучшего помощника альбинос в Сартосе не сыщет. Оставался, конечно, талантливый, но необученный Арзарес. Однако для подобных дел бывший страж слишком простоват.

Посодействовать Карун-Ра следовало в обязательном порядке. Только на Слепца и была надежда. Без него всех этих духов не одолеть.

В дверь постучали

— Ты один? – спросил Карун-Ра.

— Не совсем, — честно ответил Бирес.

— Собаки не в счет, — уточнил Слепец.

— Тогда один. Заходи, — сказал Бирес и снял с двери защитное заклинание.

Карун-Ра вошел, огляделся по сторонам. Царившую в комнате обстановку не одобрил. Стены в красных пятнах, на коврах битое стекло, в воздухе стойкий запах дешевого вина.

— Прибрался бы, — посетовал альбинос.

— Я образу соответствовать пытался, — объяснился Бирес.

— Ну-ну, — улыбнулся Карун-Ра. – Пошли ко мне. Только там подобного безобразия изволь не устраивать.

Бирес слез с кровати и стал осторожно продвигаться к выходу. Ковры в комнате были достаточно пушистыми, чтобы надежно скрыть осколки от винных бутылок.

— А ты чего так заурядно появился? – спросил Бирес и тут же ойкнул. Стекло пробило подошву правой сандалии и поцарапало ступню.

— Силы берегу, — признался Карун-Ра. – И на собачку еще взглянуть хотел. Только я к ней пробираться через весь этот ужас не стану. Лучше дождусь следующего раза.

Бирес, добравшись до безопасного участка комнаты, разул раненую ногу. Аккуратно извлек из сандалии осколок и с помощью магии остановил кровь. Закончив процедуру, маг зло посмотрел на ковер, словно именно изделие туранских мастеров было виновато во всех его несчастьях.

— Спали его, — зло посоветовал Слепец, угадавший мысли Биреса.

— Не буду.

— Как знаешь. Идем.

В покои главы Хозяев добирались пешим ходом. Слепец повторил аргумент об экономии магической энергии. Неизвестно, с какими силами им придется столкнуться. Бирес только кивал в ответ. Но радости на его лице было не видно. Карун-Ра жил и работал в противоположном крыле поместья. Вдобавок ко всему разболелась раненая нога. Бирес ругал самого себя за то, что не воспользовался более серьезным заклятьем. Останавливаться и долечиваться тоже не хотелось. Слепец засмеет. Оставалось только терпеть.

Магов в поместье стало еще меньше, чем днем. Они предпочитали ошиваться где-нибудь на улице, но неподалеку. Так чтобы и не у Ксарти под носом и вне опасной близости от возможных мест появление трех оставшихся духов. Если подобная тенденция продолжит место быть, то скоро поместье совсем опустеет.

Еще Биресу страшно хотелось расспросить Слепца о его планах. Но всегда был шанс наткнуться на кого-нибудь из младших кругов. Понять-то этот встречный маг может ничего и не поймет, но мысли его Ксарти услышит. Так что со столь важным разговором лучше обождать.

— У меня сейчас тоже обстановка несколько необычная, — предупредил Карун-Ра, когда маги достигли дверей его кабинета. На дорогу они потратили не много не мало треть колокола.

— Угу, — коротко ответил Бирес. Позлорадствовать можно будет и внутри, когда необычности откроются во всей своей красе.

Альбинос огляделся по сторонам, проверяя нет ли поблизости кого из младших магов. Убедился, что все в порядке, и быстро заскочил в кабинет. Бирес последовал за ним, проявив при этом не меньшую ловкость.

Открывшееся зрелище внушало уважение. В центре комнаты там, где раньше стоял стол, висели на железных цепях три обнаженные девушки. Все блондинки, коротко стриженные, небольшого роста, стройные, жилистые. Черты лица их немного разнились, но ко всем трем определение «красивая» можно было применить без колебаний.

Бирес так и стоял с открытым ртом, пока Карун-Ра тихонечко не кашлянул, привлекая его внимание.

— Это еще не всё, — сказал он и указал на груду оружия у одной из стен. Чего здесь только не было! Топоры, копья, булавы, самострелы, но больше всего одноручных мечей и кинжалов. Рядом собранные в аккуратную стопочку лежали кольчуги. На всё это с выражением величайшего неодобрения взирала голова демона, под которой и устроили этот склад.

— Где ты это взял? – удивился Бирес.

— Там же, где и девиц, — ответил Слепец, наслаждавшийся произведенным впечатлением. Это вам не стекло по ковру разбрасывать! – На базаре. Я еще у работорговца скидку потребовал, сказал, что раньше у него девочек малолетних покупал.

Бирес внимательно посмотрел на альбиноса, силясь понять шутит тот или нет.

— Шучу, — признался альбинос. – Про девочек.

— За один раз управился? – спросил Бирес. Оружия было ну очень много. А еще ведь имелись и три рабыни.

— За два, — ответил Слепец. – Сначала девицы, потом железо. Наложил иллюзию, уменьшил размеры и вес. Ксарти наших магов так застращал, что они теперь нутром любую волшбу чуют и обходят её за три квартала. Я даже удивился, как легко провернуть всё удалось. Если бы меня с девицами обнаружили, я оружие не решился бы сюда пронести. Пришлось бы в городе колдовать. Но там условий подходящих нет.

— Не боишься, что Ксарти волшбу учует?

— Нет. Я после того, как с твоим заклинанием разобрался, своим кабинетом занялся.

Конечно, не та белая комнатка, но, всё равно, защита вышла крепкая. И думается мне, что дух наш сейчас за городом пристальней, чем за поместьем наблюдает. Опасность-то она где-то там, в Сартосе.

— От него чего угодно можно ожидать, — не согласился Бирес. – Он же существо иного порядка и мыслит, не как человек.

— Придется рискнуть.

Бирес подошел к висящим на цепях девицам. Прислушался, дышат ли? Дыхание было, пусть слабое, зато равномерное.

— Почему три? – спросил Бирес. Он уже понял, что задумал Карун-Ра, и пытался прояснить для себя некоторые детали.

— Пес не дал нам достаточно точного описания, — с радостью отозвался альбинос. От разговоров о магии он получил истинное удовольствие. – Известно было лишь, что нам нужна стройная дева-воительница со светлыми волосами. И ни слова о чертах лица! Только аморфное заявление о красоте. Кстати, на твой вкус, соответствуют?

— Вполне, — явил своё мнение Бирес.

— Девушки мне попались подходящие, — продолжил повествование Карун-Ра. – Цвет глаз у всех разный. Нос, рот и форма лица, правда, несколько схожие. Но они характерны для женщин с примесью полуночной крови. Значит, беспокоиться по этому поводу не стоит. К тому же они теперь не помешают нам в наших поисках.

— С оружием тоже решил перестраховаться?

— Кто ж эту девицу знает? – глубокомысленно произнес Карун-Ра. – Сегодня меч с собой таскает, а завтра булаву возьмет. Мы только в кинжалах и можем быть уверены.

Бирес ухмыльнулся, соглашаясь с логикой мага-альбиноса.

— Раз ты всё уже просчитал, — сказал он, — давай начинать.

— Я один справлюсь, — ответил Слепец. – Не обижайся. Здесь не заклинательная зала. При нашем объединении часть сил уйдет в никуда. Лучше побереги их для сегодняшней схватки.

— Ладно.

Бирес понимал, что Карун-Ра прав, но всё равно было немного обидно. Для Слепца предстоящая трата сил значит куда меньше, чем для Биреса. Его бы заклятье подобной сложности, проводи он его в одиночку, истощило бы до предела. Любая магия, связанная с человеческими жертвами, требует от мага огромных энергетических затрат. Это жрецам просто, им боги помогают. А здесь только ты и всё.

Карун-Ра достал из мешочка на поясе заранее заготовленный мелок и начертил на полу круг, в центре которого находились девушки. Затем взял со стола флакон с ярко синей жидкостью и окропил ею тела жертв. После этого он начал петь заклинание. Бирес узнавал отдельные слова на старостигийском. Чаще всего упоминалась «тьма», «души», «жизнь» и «смерть». Это была всё еще подготовительная часть заклинания. Маг только призывал высшие силы обратить взоры на его деяние. От того, насколько удачным окажется этот призыв, зависит окончательный итог заклинания.

После того, как Слепец закончил свою песнь, он достал из ножен ритуальный кинжал. Самый обыкновенный, такими пользуются все маги Черного Круга. Подойдя к одной из девушек, Карун-Ра выкрикнул несколько слов на староаквилонском. К жертве принято обращаться на языке её предков, так легче всего добиться отклика. Девушка открыла глаза, увидела стигийца с кинжалом в руке и попыталась закричать. Разумеется, у неё ничего не вышло. Слепец предусмотрительно лишил всех троих дара речи. Важно ведь то, что жертва чувствует, а не, как она комментирует, свои ощущения. Слепец погладил девушку по голове. Бирес неодобрительно поморщился. Показуха чистой воды.

В течение следующей четверти колокола Карун-Ра истязал жертву, как только мог, используя и кинжал, и соответствующие заклятья. Время от времени открывал дверь тем силам, которые ему удалось привлечь, чтобы те насладились болью девушки. Так он приманивал их, демонстрировал вкус её души, набивал цену. Когда жертва была уже на волосок от гибели, маг достал амулет. Бирес аккуратно проверил его. Пустой. На последнем этапе волшбы Карун-Ра пользовался уже современным стигийским. Кое в чем маги Черного Круга превзошли кхарийцев, а Слепец никогда не отвергал полезные новации.

Перед тем, как отправится в лапы или какие другие конечности призванных Слепцом сил, девушка засветилась ярко синим цветом, а амулет в руках альбиноса стал красным. Биресу это зрелище понравилось. Он счел его красивым.

Затем Карун-Ра повторил все те же действия с двумя оставшимися девушками. Амулет использовал один и тот же.

— Отдохнешь? – поинтересовался у альбиноса Бирес.

— Немного, — сказал Карун-Ра, вытирая платком пот с лица. – Хорошо получилось?

— Я бы так не сумел, — признался Бирес.

— Это не показатель, — отмахнулся Слепец.

Карун-Ра явно ожидал, что его собеседник обидится. Бирес из принципа не стал этого делать. Наколдовал стакан воды и отнес его альбиносу.

— Убери тела, — попросил его слепец, принимая стакан. И тут же поправился. – В смысле уничтожь. Перенос Ксарти может и учуять.

Бирес взял с пола отброшенный Слепцом платок и стер им меловой круг. Больше он не понадобится, а творить волшбу в присутствии тех сил, что забрали души девушек, стигиец не желал. Вмешаться они, конечно, не могли. Но без них как-то спокойней.

С телами Бирес обошел незамысловато. Создал немного магического пламени и уничтожил в нем останки всех трех девиц. С последним трупом возникли непонятные затруднения. Девушка хоть и сгорала, как положено, зато почему-то при этом искрилась.

— Осторожнее! – крикнул Карун-Ра. — Кабинет спалишь.

— Это ты с ней что-то не то сделал, — оправдался Бирес. – Заклинание самое обыкновенное.

Карун-Ра ничего не ответил. Бирес бросил на пол тряпку и вернулся в кресло, из которого и наблюдал за творимой волшбой.

Некоторое время маги молчали. Слепец отдыхал. Бирес ждал.

— Ты в оружии разбираешься? – неожиданно спросил Карун-Ра.

— Нет, — ответил Бирес.

— Я тоже, — сказал Слепец. – Иди, выбери в этой куче нам чего-нибудь ценное. Надо же чем-то «духа-любовника» убивать.

Бирес нехотя поплелся к оружию. На булавы, молоты и топоры он даже не смотрел. То, чем собираешься воевать, надо хотя бы быть в силах поднять. Покопавшись немного, Бирес извлек на свет шесть приличных на вид кинжалов. Количество объяснялось тем, что Слепец наверняка будет накладывать на них одноразовые заклятья. Один клинок – один удар. Так что, три на человека — это самое оно.

В последний момент маг решил прихватить и два небольших арбалета. Долго искал болты к ним. Когда уже решил, что Слепец их покупкой не озаботился, натолкнулся на небольшой колчан.

Собрав всё отобранное вооружение в охапку, Бирес отнес его к стоявшему возле аквариума небольшому столику. Слепец его использовал для наговоров. Во-первых, удобный. Во-вторых, на нем руны специальные вырезаны.

— Ты шутишь? – удивился Карун-Ра. – Он же развалится. На заклинания подобной силы эта штука не рассчитана.

— Сразу сказать не мог?! – разозлился Бирес.

Слепец только усмехнулся.

Оставшееся оружие он передвинул в центр комнаты самостоятельно. Бирес не без удовольствия наблюдал за этим процессом. Круг Карун-Ра на этот раз обводил другим мелком.

Заклинание, произносимое альбиносом, было похоже на предыдущее. Большинство слов повторялось. Только теперь скармливались не души жертв, а оружие. То молот, то секира, то кинжал исчезали в оранжевом пламени. Каждый раз когда подобное происходило, амулет на мгновение вспыхивал желтым цветом. Бирес, глядя на происходящее, начал позевывать. Очень однообразное действо. Утешало только то, что Слепцу еще хуже приходится. Опасности лично для него никакой не было, но приходилось следить за тем, чтобы силы не сожрали за раз несколько предметов. Тогда эффекта никакого не будет. Вернее вред будет, вместо пользы.

Бирес с трудом дождался того момента, когда последний клинок сгинул в пламени.

— Вот ведь мерзость! – выругался Слепец

— Не говори! – согласился Бирес.

— Давай, хоть посмотрим, что получилось, — сказал Карун-Ра, поднимая с пола амулет.

Бирес в одно мгновенье очутился рядом с ним. Магу не терпелось увидеть, как работает та штука, на создание которой ушло столько времени и сил.

— Шегел, — сказал Карун-Ра, глядя на маленький кругляш амулета.

Бирес вспомнил, что на кхарийском это означает «оживи».

Амулет засветился, и над ним возникли три стрелки. Самые обыкновенные стрелки. Красные. Две указывали примерно в одном направлении, третья смотрела перпендикулярно им.

— Плохо, — выдал своё заключение Карун-Ра. По голосу становилось понятно, что сожаление искреннее.

— Могло быть и больше, — сказал Бирес.

— Я надеялся, что в Сартосе не так много блондинок, обряженных в кольчуги.

Бирес понял, что возразить ему нечего.

— Хорошо, хоть кинжалов ты достаточно набрал, — сказал Слепец и отправился к столику с оружием. – Будет, чем всех их убивать.

Наговоры маг-альбинос накладывал прямо на полу. Обводил круг, клал в него кинжал, читал заклинание. Бирес только диву давался, какую мощь вкладывал Карун-Ра в клинки. Если бы выброс магии при ударе был не точечным, а предназначенным, скажем, для преобразования в огненную стихию, то силы, заложенной в клинке, хватило бы на то, чтобы спалить весь Сартос до основания. Тут же не к месту вспомнился пророк с его пожарами. Бирес решительно прогнал из головы сию вредоносную мысль.

На колчан с арбалетными болтами Карун-Ра посмотрел, как на кровного врага. Заколдовывать все тридцать стрелок по отдельности Слепцу было явно лень. В итоге он махнул рукой и положил колчан на столик. Заклинание сработало на все болты, а вот столик, как и предсказывалось, развалился. Не в прямом смысле, конечно. Просто окончательно утратил все свои магические свойства.

— Жаль, — прокомментировал случившееся Бирес.

— Сет с ним! – ответил Карун-Ра и протянул Биресу его три кинжала и арбалет.

С болтами вышло сложнее. Колчан имелся только один, а нужно было непременно два. Долго ломали голову, что делать. Потом Карун-Ра вспомнил, что у него имелся кусок человеческой кожи, специально для экспериментов заготовленный. Совместными усилиями соорудили из него колчан и загрузили в него пятнадцать болтов.

— Теперь наша очередь, — сказал альбинос. – Я придумал один маленький трюк, который не позволит духу воспользоваться нашими телами. Это что-то вроде барьера в сознании. Иллюзия по большей части. Реального натиска ему не выдержать. Но скорее всего дух просто ткнется, увидит преграду и отправится искать более легкую жертву.

— Лучше, чем ничего, — обрадовался Бирес. Его сильно смущала перспектива попасть под контроль одного из братьев Ксарти. А так хоть какая-то защита будет.

Над созданием барьера Карун-Ра трудился почти полколокола. Он то и дело перескакивал с одного языка на другой, чередовал древние заклинания с новейшими. Бирес тоже не остался пассивным участником действа. Время от времени Карун-Ра просил его продолжить ту или иную нить заклятья.

Когда все закончилось, Бирес почувствовал, что в его голове образовался какой-то комок непонятного происхождения. Особо сильно он не мешал, но было как-то непривычно.

— Идем охотиться! – воскликнул Слепец.

— Идем! – согласился Бирес. Страх перед предстоящим делом, не мог затмить радости от окончания приготовлений к нему.

По дороге к выходу из поместья им вновь никого не встретилось. Биресу даже стало обидно, что его замечательное заклинание «невидимости», которое он наложил на оружие пропало втуне.

— Забыл спросить, — сказал Бирес, когда маги уже вышагивали по улице. – Как там твои рыбки? Жив синий?

— Нет. Вчера вечером его сожрали.

В голое Слепца слышались и радость, и разочарование.

Амулет маги решились достать только тогда, когда отошли от поместья три квартала. Предварительно убедились, что поблизости не болтается никто из младших кругов.

— Шегел, — сказал Карун-Ра.

Положение стрелок изменилось не сильно. Две направлены в одну сторону. Оставшаяся немного сместилась в противоположную от них. Посовещавшись маги решили следовать указаниям именно третьей стрелки. Первые две девицы вполне могли оказаться сестрами или матерью с дочкой, а это с рассказом собаки согласовывалось слабо.

Двигаться по стрелке оказалось чрезвычайно не удобно. Магия амулета отказывалась принимать в расчет возведенные человеком сооружения. Куда приятнее было, если бы стрелка указывала улицы и повороты. Прохожие то и дело косились на парочку странных магов. Знали бы эти люди, кто перед ними…

Следуя указаниям амулета, Бирес и Карун-Ра с горем пополам добрались до купеческого района Сартоса. Здесь улицы не петляли столь безобразным образом, как в остальных частях города. Теперь маги могли сосредоточиться на поисках девицы, а не на том, «как бы обойти это нагромождение лачуг».

— Здесь, — уверено сказал Карун-Ра, указывая на аккуратненький двухэтажный дом.

Стрелка теперь очень чутко реагировала на изменение парой магов своего месторасположения.

Бирес почувствовал, как внутри него что-то холодеет. Вполне возможно, что сейчас им предстоит вступить в схватку с существом, в десятки раз превосходящим их в силе. Придется действовать очень быстро. Если дух почувствует опасность, он попытается улизнуть. Для него это проблем не составит. Что будет после, лучше не думать. В лучшем случае «любовник» просто убьет обоих.

— Достаточно одной царапины, и он труп, — то ли для себя, то ли для Биреса сказал Карун-Ра.

Дверь в дом пришлось отпирать с помощью магии. Бирес чувствовал, сколь аккуратно пытается действовать Карун-Ра. Еще по дороге они договорились обходиться по возможности без колдовства. Это по меркам Ксарти его братья в волшебстве ничего не смыслят. Но с человеческой точки зрения маги они, скорее всего, не самые слабые.

На первом этаже оказалось достаточно темно. Очертания предметов были видны, но не более того. Откуда-то сверху доносились голоса. Мужской и женский. Языка, на котором они говорили, Бирес не знал. Что-то полуночное. Нордхеймский или киммерийский.

Маги немного постояли внизу, ожидая когда глаза привыкнут к царившему внутри полумраку, затем стали неспешно пробираться наверх. К счастью, все доски в доме были достаточно крепкими. Ни одна не выдала магов предательским скрипом. Даже лестницу миновали в полной тишине. Ну, если не считать голосов.

На втором этаже имелось две комнаты. Разговаривали явно в той, что находилась по правую руку от магов. Карун-Ра достал амулет и застыл, ожидая реакции Биреса. Она последовала немедленно. Маг отчаянно замотал головой. Колдовать в такой близости от духа слишком опасно. И так очевидно, в какой из комнат враг.

Маги приблизились к двери. Прислушались. Бирес жестами поинтересовался у Слепца, знает ли тот язык. Карун-Ра в ответ развел руками.

Лучшим оружием в данной ситуации представлялся арбалет. Бирес и Карун-Ра вложили в свои самострелы по болту и заняли позиции. Слепец сделал отмашку левой рукой. Бирес принялся считать до десяти. К счастью, об условных знаках маги успели договориться по дороге, предполагая, что придется действовать в полной тишине.

На счет десять двери не стало. Карун-Ра не стал её выбивать, а просто уничтожил, притом беззвучно. В комнате было двое людей. Мужчина и женщина. Оба мага выстрелили в девушку. Болт Биреса пробил насквозь голову жертвы, Карун-Ра попал в живот. Мужчина еще не успел осознать, что произошло, как подскочивший Бирес дважды ударил его кинжалом в грудь.

— Пусто! – зло выкрикнул Карун-Ра. – Ни малейшего всплеска энергии!

Бирес только сейчас получил возможность рассмотреть, кого же они убили. Девушка действительно была блондинкой. Насколько красивой, судить сложно. Вместо лица у неё теперь было кровавое месиво. Из одежды на ней была только кольчуга, и та бутафорская. Неподалеку валялся меч. Вроде бы она его держала в руке, когда маги ворвались в комнату.

Мужчина же был одет, как трелль, нордхеймский раб. В отличие от девушки он был уже не молод. Его светлые волосы уже начали понемногу седеть, на лбу вырисовывались морщины. Телосложением на раба он нисколько не походил. Не мог простой трелль отъесть такое брюшко.

Перед глазами Биреса уже четко обрисовалась картина того, что здесь происходило до их с Карун-Ра прихода.

— Мерзость какая, — сказал он.

— Я его знаю, — Слепец подошел поближе к трупу мужчины. – Именно у него сегодня я все это железо скупил.

— Поделом ему, — сказал Бирес.

Маг никак не мог понять, как человек мог опуститься до того, чтобы изображать из себя раба. Бабу еще в доспехи обрядил.

— Может ему в жизни чего не доставало? – попытался защитить мертвеца Слепец. – Вот и развлекался, как умел.

— Пошли отсюда поскорее, — попросил Бирес.

Карун-Ра согласился. Больше здесь делать было нечего.

На улице маги вновь достали амулет. Одной стрелки не стало. Бирес не преминул заметить, что хоть время не зря потеряли, доброе дело сделали. Две оставшиеся стрелки немного

разошлись.

Выбрать какую-нибудь одну стрелку ни Карун-Ра, ни Бирес не решились. Просто пошли в общем для обоих направлении. Когда они окончательно разойдутся между собой, тогда можно будет определиться в зависимости от обстоятельств.

На этот раз путь магов пролегал через базар. К счастью, солнце уже приближалось к линии горизонта, а потому большой толкотни не наблюдалось. Бирес, бывший частым ходоком на базар особых неудобств не испытывал, а вот Карун-Ра, несмотря на относительную немноголюдность, то и дело морщился. Вышли из торжища они на «Хлебной».

Тут стрелки начали расходиться. Одна указывала на бедняцкие кварталы, другая на полуночную оконечность Сартоса, где обычно селились ремесленники.

— Куда пойдем? – поинтересовался Карун-Ра.

— Давай, в ремесленные, — предложил Бирес. – Нищий район это как-то слишком очевидно. Там легко спрятаться, но и искать там будут в первую очередь. Не думаю, что дух туда полезет.

— Не забывай, — напомнил товарищу Слепец. – Наша жертва охоча до телесных утех. А у ремесленников однообразие одно. Чего он там забыл? Вот среди бедняков как раз извращенцев хватает.

— Тоже верно, — согласился Бирес. – Тогда на восход, к нищим.

— Нет. На полдень к ремесленникам. Раз решили, так решили.

Бирес согласился. Он был не прочь еще немного оттянуть решающий момент. Сначала можно проверить ремесленный район, убедиться, что там духа нет, и только потом отправляться к бедноте. Маг очень сильно подозревал, что и Слепцом движут те же самые мотивы.

На амулет маги поглядывали довольно часто. Стрелка взяла за привычку то и дело менять своё направление. Это означало, что жертва двигалась. Биресу это не нравилось. Он бы предпочел еще раз залезть в дом. На улице будет сложно приблизиться к девице, а полагаться на арбалет ему не хотелось. Маг не надеялся, что следующий выстрел окажется столь же удачным, как предыдущий.

— Вот она! – толкнул локтем Биреса Слепец.

Действительно, в конце улицы, на которую они только свернули, виднелась фигурка девушки в кольчуге.

Маги ускорили шаг, но на бег решили не переходить. Это могло привлечь ненужное внимание. Народу вокруг было немного и следить за девушкой большого труда не составляло.

Расстояние между преследователями и жертвой постепенно сокращалось. Шестьдесят шагов, сорок, тридцать. Бирес положил руку на арбалет, готовясь в случае чего быстро вложить в него болт и выстрелить.

Неожиданно для магов девушка свернула на соседнюю улицу. Бирес почти сорвался на бег. Лишь крепкая рука Слепца, схватившая его за плечо, удержала мага от столь безрассудного шага.

На той улице, куда повернула девушка, прохожих было побольше.

— Подойдем поближе, — твердо сказал Карун-Ра. – Она нас не учует.

Маги быстро сократили увеличившееся было расстояние. Когда до девушки оставалось чуть больше десяти шагов, Слепец выдвинулся немного вперед, закрывая Биреса от любопытных взглядов. Маг уже снял с пояса арбалет и зарядил его. Карун-Ра сделал отмашку рукой и на десятый счет сместился вправо.

Девушка шла спокойным шагом, не замечая тех приготовлений, что происходили за её спиной.

Дистанция между ним и жертвой казалась Биресу детской. Не попасть было невозможно. Он поднял арбалет, прицелился…

— Вор! Держите вора!

Мимо Биреса пронесся взлохмаченный мальчишка с зажатым в руке огромным красным яблоком.

Девушка обернулась на крик увидела мага с арбалетом. В глазах её отразилось понимание.

Бирес отпустил спусковой крючок.

Болт устремился к девушке.

Биресу показалось, что ему в голову влетело копье. Ноги у мага подкосились, и он осел на землю.

Карун-Ра держал в руке амулет и кричал что-то на древнестигийском.

Девушка, которую ранило болтом в живот, плакала, причитала и призывала на помощь Дэркето.

— Вставай! – рявкнул Карун-Ра и протянул Биресу руку. Маг не стал спорить и поднялся на ноги. Слабость уже прошла.

Взгляд Биреса упал на амулет. Над ним осталась только одна стрелка. Синяя.

— Скорее! – потянул мага за собой Карун-Ра. – Уйдет же!

— Я не понимаю, — сказал Бирес, на всё-таки побежал за Слепцом, в указанном стрелкой направлении.

— Это был наш дух, — пояснил Карун-Ра, по ходу бросая заклинание «увеличения физической силы». Прятаться больше смысла не имело, а вот бежать нужно было быстро. – Я уловил его суть, когда он пытался овладеть твоим телом. Постарался составить устный портрет и совместить его с тем, что уже имелся в амулете. Похоже, получилось.

— Не боишься, что он расправиться с нами?

— Он убегает, Бирес. Он испугался. Это наш шанс. Вот когда он придет в себя, тогда станет по-настоящему опасен. Нельзя позволить ему это сделать.

Карун-Ра неотрывно следил за амулетом. Дух сворачивал то на одну, то на другую улицу.

Бирес наложил на оружие простенькое заклинание «невидимости». Очень уж нехорошо на них люди стали поглядывать.

— Мы приближаемся, — уверено заявил Карун-Ра.

Стрелка вновь стала очень чувствительной.

Тут Бирес наконец понял, куда они бегут. Через квартал будет вход на «Хлебную». Мага охватили какие-то нехорошие предчувствия. Что именно ему не нравится, объяснить бы он не смог, но соваться на базар не хотелось.

Но времени возражать уже не осталось. Расстояние до «Хлебной» маги преодолели за мгновение. «Увеличенные физические силы» давали о себе знать. Конечно, на завтра всё тело ломить будет и никакой магией это не исправишь, но сейчас самое главное прикончить духа.

Впереди мелькнула лохматая голова мальчишки-вора. Вот какое тело избрал дух!

Бирес вставил болт в арбалет и выстрелил.

Снаряд попал мальчишке в шею.

Маги не сговариваясь посмотрели на амулет. Синяя стрелка никуда не исчезла. Сейчас она указывала направо.

Бирес и Карун-Ра продолжили погоню. Стрелка плавно смещалась то туда, то сюда. Рывков не происходило. Значит, дух тела пока не сменил.

Внезапно Слепец остановился, зарядил арбалет и направил его в спину удаляющемуся старику. Болт полетел мимо. Бирес успел заклинанием подкорректировать его направление. Старик упал замертво.

Стрелка сначала исчезла, но потом вновь появилась.

— Он уходит к винным рядам, — сориентировался Бирес.

— Знаешь короткую дорогу?

Бирес кивнул.

— Веди!

Маги бежали так быстро, как только могли. Карун-Ра отбрасывал несильными заклинаниями с их пути неудачливых прохожих. Амулет альбинос всё еще держал перед собой.

— Проклятье!

У любимого места отдыха честных жителей Сартоса кипела потасовка. Моряки, получившие достаточно денег от шемитов и хозяев лавки «Сто золотых за человека», наплевали на запрет Хозяев и отправились бить морды реакционистам.

Маги беспомощно смотрели на это безобразие. Дух, если верить стрелке амулета, скрывался где-то среди этой буйствующей толпы.

— Сможешь поточнее настроить заклинание? – спросил Бирес.

— Постараюсь, — альбинос склонился над амулетом и принялся что-то шептать.

Бирес вглядывался в лица дерущихся, надеясь отыскать среди них «любовника». Должно же что-то отличать высшее существо от пьяной морской братии.

Его внимание привлекла черноволосая девушка. Она стояла позади дерущихся и странно озиралась, будто кого-то высматривала. Бирес быстро сообразил, кого именно она искала. Так скоро, как только мог, он устремился к ней, пробираясь сквозь буйствующих матросов. Карун-Ра устремился следом за ним.

Магов и моряки, и горожане уважали очень сильно, а потому Бирес и Карун-Ра довольно спокойно миновали половину дерущейся толпы, отделываясь лишь случайными затрещинами.

И тут на печень Биреса обрушился сильнейший удар. Судорога прошла по всему телу. Кулак следующего моряка был нацелен магу в голову. Кто-то сильно ударил под коленные чашечки.

— Получай, дурак! – сказал один из матросов.

— Будешь знать, на кого руку поднимать! – сказал другой.

— Человечишки! – произнес третий.

— Думали, умнее меня! – добавил четвертый.

Было еще много и ударов, и слов. Перед тем как отключиться, Бирес увидел, как молодой смуглый моряк вынимает из бесчувственной руки Слепца амулет.

Глава 8.
«О почившем в веках полубоге»

— Ясуд, ты в магии смыслишь побольше нашего.

— Волшебство – это одно, а обряд – совсем другое.

— Дамар, он прав. Давай, лучше я займусь обрядом. Или ты. Нужен человек опытный, а Ясуд только из первого поколения.

Себер упорно не желал видеть того, что иранистанец и туранец спор затеяли исключительно шутки ради. Не имело абсолютно никакого значения, кто именно будет проводить обряд.

Препирательство это длилось, кстати говоря, уже почти полколокола. Трое совершенно непохожих друг на друга людей шли вдоль берега моря, выискивали подходящее место для предстоящего действа и выбирали его основного участника.

Разговор возник просто из того, что Даммару с Ясудом было не чем себя занять. Для обряда надлежало найти безлюдное место на морском берегу. Степень безлюдности решено было определять, ориентируясь на расстояние от Сартоса. Себер ко всему прочему еще внимательно высматривал на песке человеческие следы.

— Остановимся? – поинтересовался у товарищей иранистанец.

— По-моему, достаточно далеко, — согласился Дамар.

— Я бы еще немного прошел, — выразил свое мнение немедиец, но подумав добавил. – Хотя здесь тоже ничего.

В Сартос вся эта троица прибыла вчерашним вечером. В городах Побережья до этого никто из них еще не бывал, а потому впечатлений им хватило. Основной контингент постоялого двора «Морской Змей», в котором остановились путешественники, составляли моряки. И не просто какие-нибудь там матросы, а самые настоящие пираты. Одна рожа страшнее другой.

Сам постоялый двор тоже очень много стоил. Он был переполнен магией. Все, начиная от света и заканчивая музыкой, являлось иллюзорным. Даммару особенно понравилась одна из двух сцен «Морского Змея». Не та, где полуобнаженные девушки в процессе танца превращались в полностью обнаженных. Другая. На ней фантомные изображения героев саг различных хайборийских народов разыгрывали представления. Фигуры «актеров», конечно, были немного туманными, но это лишь придавало колорит.

Комнату решили снять одну на троих. Цены в «Морском Змее» кусались, но за рамки приличий всё-таки не выходили. Лестница, ведущая на второй этаж, утопала в белоснежных облаках. Пьяный матрос, сидевший на одной из ступенек, пытался ухватить для себя кусочек этого магического тумана. Разумеется, у него ничего не получалось, но он не расстраивался и совершал попытку за попыткой.

Непосредственно на самом втором этаже магии уже было поменьше. Полы простые деревянные, а не агатовые, как внизу, музыка не играет, светильники самые обыкновенные, масляные. Но какое-то присутствие волшебства всё-таки ощущалось. Ясуд авторитетно заявил, что это, скорее всего, защита от пожара.

Комната, которую им сдал хозяин «Морского Змея», оказалась чистой и просторной. Кровати было три, как и просили. Белье на них свежевыстиранное. Под каждой стоял медный тазик для справления ночной нужды.

Себер сказал, что очень устал в дороге, и лег спать. Ясуд с Дамаром пошли вниз,

дегустировать местные напитки.

Свободных столов почти не осталось. Казалось, пираты задались целью забить собой «Морского Змея» до отказа.

К радости Дамара именно в тот момент, когда они с Ясудом спустились вниз, трое жителей Сартоса, занимавших места как раз перед магической сценой, решили, что они засиделись и пора идти домой. Иранистанец и туранец быстренько переместились за их стол, не дожидаясь, пока это сделают моряки.

Большой гулянки путешественники решили не устраивать. Завтра предстояли важные дела. Туранец просто смотрел и наслаждался иллюзорным представлением. Когда началась какая-то сага из его родного эпоса, он принялся время от времени дергать Ясуда, акцентируя его внимание на отдельных моментах действа.

Иранистанец же сначала долго выспрашивал подошедшую к их столу девушку о тех винах, что подают в «Морском Змее», затем никак не решался выбрать, попробовать ли один неизвестный ему сорт красного зингарского или предпочесть проверенное розовое офирское. В конце концов, девушка порекомендовала ему ознакомиться со вкусовыми качествами зингарского. Это и склонило выбор в его пользу, хоть иранистанец и подозревал, что служанка сказала наугад с тем, чтобы от неё поскорее отстали.

Зингарское красное оказалось настолько приличным, что Ясуд пришел просто в замечательное расположение духа и позволял Даммару безнаказанно отвлекать себя на глупое туманное представление.

Ближе к ночи жизнь на постоялом дворе оживилась. В «Морского Змея» ввалилась компания из трех десятков моряков. У всех на лицах красовались синяки и кровоподтеки. От одежды большинства остались жалкие лохмотья. Одним словом, было видно, что пираты только что поучаствовали в какой-то крупной потасовке и, судя по довольным рожам, вышли из неё победителями.

Мест к тому времени не хватало уже катастрофически. Потому трое из заявившихся в «Морского Змея» пиратов уселись за стол к Ясуду и Дамару.

По широте своей морской души они тут же заказали на всех мяса и какого-то отвратительно кислого пойла. Зингарское у Ясуда уже подошло к концу, так что он махнул рукой и согласился на угощение. Дамару же, кроме его саг, ничего другого было не надо. Моряки, к слову, удивительно быстро это поняли и туранца не донимали.

Вскоре перед Ясудом, как на ладони, лежала картина разыгравшейся баталии. Пираты активно доносили до иранистанца все её подробности, постоянно перебивая друг друга.

Получилось так, что по неведомым причинам жители Сартоса затаили злобу на славных морских волков Закатного Океана. И при этом, несмотря на значительное численное превосходство, на открытое противостояние местные не решались. Они устраивали свои собрания у винных рядов, что на базаре, и строили там коварные планы по умышленному поджогу пиратских кораблей. Способствовали им в этом деле и местные Хозяева. Они строго настрого запретили морякам показываться на рынке под угрозой наложения продуктовых санкций на провинившиеся экипажи. Но от судьбы, как говорится, не уйдешь. Несколько дней назад спятившая группа шемитов расплатилась золотом за поставку зерна в Аквилонию. А еще теперь в городе завсегда можно просто так два золотых получить в специальной лавочке. Вот сегодня моряки это дело обмозговали и решили пойти бить местных. Славная драка вышла. Местные, хоть и подлецы, а кулаками махать умеют. Хорошо душу отвели. Вот только под конец двое магов в потасовку влезло. А их какие-то идиоты до полусмерти избили. Ну, ясное дело, что надо было сваливать с базара поскорее. На корабль возвращаться не хотелось, и решили в «Змее» сей славный день отметить.

Потом Ясуд немного поболтал с моряками о разных городах и странах, в которых им довелось побывать. Пираты рассказывали обо всем с удовольствием, только иногда сбивались на истории о захвате купеческих судов.

Иранистанец еще немного посидел бы и попьянствовал с пиратами, но время было уже позднее. Дамар засобирался и уволок за собой Ясуда. Тот только и успел, что поставить морякам хорошего вина на прощанье.

Рано утром трое путешественников отправились на полдень от города. Верблюда Ясуда и лошадей Дамара и Себера они оставили на постоялом дворе. Погода стояла ясная, солнечная. Ничто не напоминало о шторме, разыгравшемся несколько седмиц назад. Но в том, что он был, ни один из путников не сомневался. Из-за него-то они и очутились на Побережье.

Сколько лет тому назад было создано Общество, не помнил никто. Даже Себер, столь кичившийся своей родословной. Но одно было известно точно. Основателем его считается некий полубог, покоривший множество земель и обретший истинное величие. Однажды открылось полубогу, что судьбой ему уготовано оставить на время этот мир. Тогда и озаботился он созданием Общества. Он избрал из покоренных народов трех достойнейших их представителей и обязал нести сквозь века память о нем. Люди пали ниц перед ним, узнав о постигшей их чести, но полубог велел им подняться, сказав, что не может обучать тех, кто его даже не видит. Эти трое жили с ним все оставшиеся ему на земле годы. Когда полубог почувствовал приближение смерти, он отослал своих учеников, велев им бережно хранить знания.

Но память людская коротка. Полубог, имени его не сохранилось, отлично это понимал. Он не мог положиться лишь на слова, что передавали бы избранные из уст в уста, от отца к сыну. Полубог дал своим ученикам три кольца. В них сохранялось всё увиденное и услышанное прежними владельцами. Вернее, всё важное для дел Общества. Так назвали своё братство трое учеников. Но кольца были не только вместилищем знаний, они еще служили для того, чтобы члены Общества могли узнать друг друга. При произнесении правильных слов, камни в кольцах меняли свой цвет. Таков первый знак Общества.

Второй – это татуировка на груди. Она несет в себе двойной смысл. Как и камни, она способна изменяться, когда говорят заветные слова. Но не только. Татуировка – это путь для полубога в тело избранного. Когда он снова явит себя миру, тот из учеников, что останется в живых, предоставит воскресшему свою плоть, слившись с ним в единое существо.

Третий знак таится внутри. Избранный посредством известного лишь членам Общества заклинания может превратиться в не-человека. В этой ипостаси он намного быстрее и опаснее. Пробить его плоть не сможет ни сталь, ни серебро. В ночи он будет видеть не хуже кошки. Когти на его руках в считанные мгновенья разорвут врага на клочки. Но есть два недостатка. Не-человек выглядит не очень приятно. Сероватая кожа, заостренные уши, красные глаза, когти опять же. Во-вторых, в этом состоянии ученик пробыть может не более колокола.

— Тогда я начинаю, — сказал Дамар и стащил с себя рубаху.

Если когда-то туранец и был крепким парнем, то эти времена остались в далеком прошлом. На боках у Дамара красовались такие пласты жира, что редкий хряк бы ему не позавидовал. Но при проведении обряда внешние данные в расчет не брались.

Знания об обряде были одними из основополагающих. Кольца неведомым образом отбраковывали житейский мусор предков. Владелец кольца знал в подробностях лишь о жизни своих современников. От предков оставалось только то, что было важно для дел Общества. Многие такому свойству колец не доверяли, а потому, подобно семейству Себера, передавали знания и простым немагическим путем. Правда, толку от этого было мало. Подобное поведение являлось скорее данью традиции. Настоящей династии так и не пошло ни от одного из учеников. Рано или поздно кольца переходили к людям, никак не связанным с ними кровным родством.

Ясуд был тому живым примером.

Обряд был второй стадией возвращения полубога. Первая называлась «призыв». Заключался он в том, что во сне все три нынешних ученика узрели Сартос. Сначала город предстал всего лишь маленькой светящейся точкой на карте Хайбории, потом он становился всё больше и больше. Полубог очень внимательно подошел к моменту своего возрождения. Сон был очень конкретным и никаких неверных толкований вызвать не мог. Ученикам приказано было явиться на Побережье.

Это уже потом Ясуд проявил инициативу и отправил Себеру и Дамару магическое послание с предложение встретиться в Бильнасе, обозначив день, когда он будет их там ждать. В маленьком поместье потеряться куда сложнее, чем в портовом городе.

Дамар присел на корточки начал пальцем чертить на песке странные знаки.

— Держи, так удобнее, — сказал Себер, протягивая туранцу палку, которую невесть где откопал.

— Спасибо, — Дамар был, как всегда исключительно вежлив.

Рисовал туранец долго, постоянно внося новые штрихи в уже очерченные знаки. Иногда останавливался. Осматривал своё творение, находил какой-то недостаток и с пылом бросался его устранять.

Ясуд и Себер молча за ним наблюдали. С советами не лезли, помощь не предлагали.

Наконец туранец, обозрев свою работу, понял, что она идеальна.

Встав лицом к морю, Дамар начал петь. Звуки, что он извлекал из себя, не походили ни на один из ныне существующих языков. Мелодичность, пронизывавшая каждое слово, заставляла слушателей замирать в восхищении.

Следуя звуку голоса туранца, начал изменяться рунический рисунок на песке. Знаки ожили. Они меняли свои очертания, перескакивали с одного края полотна на другой. Чем дольше пел Дамар, тем быстрее они двигались. Вскоре уже нельзя было различить отдельные символы. Осталось лишь бесконечное мельтешение линий.

Дамар замолчал.

Хаос на песке и не думал замирать.

Туранец повернулся к рисунку и произнес три слова на том же самом мелодичном языке. Тон его был повелительным, не приемлющим возражений.

Изображение подчинилось.

Из линий сформировалось лицо человека. Он был молод, хорош собой. Черты лица у него были стигийские. Вскоре взорам Общества открылось не только лицо, но и всё тело человека. Он сидел на полу с книгой в руках и читал. Это немного не вязалось с одеждой стражника, что была на нем. Прошло несколько мгновений, и человек исчез. На его месте возникло изображение строения – какого-то богатого поместья. Архитектура была характерной для Стигии. Еще немного и поместья не стало. Вернее оно уменьшилось в размерах. Теперь на песке был Сартос, каким его видят птицы. Потом исчез и он. Остались только непонятные линии на песке. Таким образом, магия «обряда» указала, где искать полубога.

Дамар улыбнулся.

— Теперь осталось выяснить, — сказал он, — кто из нас отправится к полубогу. Вы готовы?

— Да, — ответил Себер, стаскивая с себя рубаху. – Я даже готов провести обряд.

Ясуд ответить не успел.

Изображение из песка вновь ожило. Линии заметались и явили взорам собравшихся новое лицо. Опять молодое, но уже не красивое. В облике этого человека читалось безумие. По отдельности все черты были нормальными, но в месте составляли ужасающую картину. Как и прежде, линии несколько раз отодвигали ввысь взгляд наблюдателей. Вот они показали

человека, едущим на верблюде. Затем странную компанию, его сопровождающую. В конце пред взорами Дамара, Ясуда и Себера предстала дорога, ведущая в Сартос. Через два-три колокола человек на верблюде должен был оказаться в черте города.

— Что это значит?! – в голосе Себера слышалась злость.

— Не знаю, — покачал головой туранец.

У иранистанца просто не нашлось слов.

С застывшими лицами три ученика смотрели на песок, ожидая продолжения. И оно последовало.

Трете лицо было совсем уж юным. Мальчик лет семи-восьми. Дамар аж присвистнул от удивления. Когда на песке выстроилась фигура мальчика в рост, к туранцу присоединились и Ясуд с Себером. Юнец вовсю развлекался с двумя красотками, проявляя и пыл, и жар, и игру воображения. Находился мальчик в небольшом, полуразрушенном доме на окраине Сартоса.

Четвертый человек оказался старше своих предшественников. Черты лица у него были острые, волевые. В компании с ним находился мальчишка и здоровенный детина. Они что-то горячо обсуждали между собой. Дом, в котором они вели сию беседу, был побольше и побогаче предыдущего. Но от центра города он находился также достаточно далеко.

Ждали Ясуд, Дамар и Себер и пятого изображения. Если чудеса случаются, то их должно быть много. Но нет. Числом четыре линии из песка решили на сегодня ограничиться.

— Себер, твои предки говорили о чем-то подобном? – спросил Ясуд, рассудив, что кольцо могло не сохранить какое-нибудь одно важное знание.

— Нет, конечно! – столь яростно возразил немедиец, что могло показаться, будто Ясуд нанес ему смертельное оскорбление.

Дамар в смятении чертил на песке человечков, используя для этого отброшенную ранее палку. В дискуссии участия он принимать не желал.

Говорить же исключительно со стервозным немедийцем Ясуду никак не хотелось. Он уселся на песок и стал любоваться морской далью. Подспудно пытался осознать произошедшее. Но очень аккуратно, только краешком сознания. Совершенно невозможно за один присест принять в себя мысль, что полубог не один. Их четыре.

Который же из них тогда оставил завещание? Иранистанец бросил подозрительный взгляд на Себера. Библиотекарь вполне мог знать ответ. Но делиться он им не станет. Тогда ведь заметно сократятся его шансы стать единственным.

Но всё-таки почему полубог не дал более четких указаний? Ведь кольцо в точности описывало для своего владельца все ритуалы, указывало на каждую мелочь. Даже изображение на песке показало не только кого искать, но и где искать.

— Пойдемте назад, — предложил туранец.

Ясуд и не заметил, как Дамар пришел в себя. Палка лежала в стороне, а все человечки были старательно затерты ногой. Похоже, туранец сильно стыдился того, что проявил слабость.

Себер стоял с самым злобным выражением лица и смотрел то на Ясуда, то на Дамара.

— Согласен, — сказал Ясуд. – Здесь больше делать нечего. Надо придти в себя и уже тогда на спокойную голову обмозговать всё случившееся.

Себер так и остался молча стоять.

Иранистанец встал, подошел к немедийцу, поднял с песка его рубаху и протянул владельцу. Себер нехотя её взял.

— Разберемся, — поспешил обнадежить немедийца Ясуд и по-дружески хлопнул его по плечу.

Дамар уже брел в сторону Сартоса. Ясуд поспешил за ним. Догнав туранца, иранистанец обернулся. Себер наконец очнулся окончательно и сейчас вышагивал вслед за ними.

Так, не проронив ни слова, трое учеников и дошли до «Морского Змея».

Сославшись на разболевшуюся голову, Дамар сразу же поднялся наверх в комнату. Себер и Ясуд немного посидели в тишине. Иранистанец закал себе вчерашнего зингарского. Но после неудавшегося обряда оно показалось ему совершенно безвкусным. Ясуд сделал пару глотков и отодвинул от себя бокал.

Себер же тупо смотрел на туманное представление. Сейчас там разыгрывалась сцена охоты на волколака. Было заметно, что немедиец от этого действа удовольствия не получает. Похоже, как и Ясуд, он просто искал, чем себя занять.

Об обряде говорить было еще рано. Нужно хотя бы обождать до вечера, чтобы немного успокоиться.

Ясуд, не говоря ни слова, поднялся и пошел в комнату.

Дамар уже мирно посапывал. Иранистанец ему позавидовал. Стянув с ног сандалии, он улегся на свою кровать.

Ясуд прикрыл и глаза и попытался расслабиться. Но сон никак не шел.

Примерно через четверть колокола в комнате появился Себер. Немедиец, кивнув Ясуду, полез копаться в своем дорожном мешке. Извлек оттуда толстенную книгу, развалился на кровати и начал читать. Вскоре на его лице появилось блаженное выражение.

Что ж, каждый расслабляется, как может.

Вскоре глаза у Ясуда начали слипаться. Он даже толком не успел порадоваться этому, как заснул.

Пробуждение оказалось менее приятным. Слегка болела голова. Вдобавок Себер совсем безбожно пытался его растормошить.

— Чего тебе? – с ленцой произнес иранистанец.

— Дамар сбежал, — ответил Себер.

Ясуд не счел эту причину достаточной веской для того, чтобы его вот так будить. Захотелось второму помощнику лекаря побродить в одиночестве. Что в этом такого?

— Куда? – для приличия поинтересовался Ясуд.

— К полубогу, — сказал немедиец. Теперь иранистанец расслышал в его голосе нотки ужаса. Одновременно он понял всю серьезность положения.

— Объясни толком, что произошло, — потребовал он.

— Смотри, — сказал Себер и протянул иранистанцу клочок папируса. – Я нашел это на кровати Дамара.

Ясуд быстро пробежал глазами по записке.

«Друзья! Надеюсь, вы поймете это моё решение. Я просто не мог больше ждать. А ситуация такова, что нет того очевидного решения, которое бы устроило каждого из нас. Поэтому я решил действовать самостоятельно. Чтобы вы мне не помешали, я пропитал ваши подушки сонным настоем. Головная боль, которую вы сейчас испытываете, пройдет примерно через полколокола. Я в настоящий момент уже далеко. Я выбрал одного из четверых. Не зря первым на песке возникло изображения человека с книгой. Сейчас я направляюсь к нему. Если это и вправду полубог, то я вернусь в «Морского Змея», и мы сможем совершить обряд определения единственного. Если же мне не суждено вас больше увидеть, то прошу не винить меня за поспешность. Делайте следующий шаг более осторожно, чем я. Дамар».

— Давно ты это нашел? – спросил иранистанец.

— Только что, — немедиец выглядел совсем плохо. – Проснулся, смотрю эта записка лежит. Прочитал её и тут же тебя разбудил.

— Правильно, — отрезал Ясуд.

Он быстро обулся и сбежал на первый этаж. Себеру только и оставалось, что пытаться

поспеть за ним.

Ясуд обшарил взглядом обеденную залу. Обнаружил хозяина и устремился к нему, не забыв убрать с лица ту гримасу, которая появилась после прочтения записки.

— Уважаемый, — обратился иранистанец к толстяку в удивительно белом переднике, — вы не видели, как давно наш товарищ покинул «Морского Змея».

— Три колокола назад.

— Благодарю.

Ясуд присел за свободный стол и обхватил голову руками.

— Что дальше будем делать? – оживленно спросил библиотекарь.

— Ничего, — мрачно сказал иранистанец, не поднимая головы. – Слишком много времени прошло. Он всё четко рассчитал.

— И мы позволим встретить ему полубога, не пройдя ритуала обретения единственного?

— Тебя только это волнует? – в голосе иранистанца промелькнуло презрения.

— Но он же получит всю власть! – возразил Себер.

— Он скорее всего умрет, — ответил Ясуд. – В лучшем случае у него один шанс из четырех.

— Кто знает? Человек с книгой и впрямь возник первым.

— Ты думаешь, это имеет какое-то значение? – спросил Ясуд, потом подумал и добавил. – Или знаешь?

— Что ты пристал ко мне с этими знаниями?! – рявкнул разозленный библиотекарь. – Ни о чем таком мои предки и не подозревали!

— Лучше бы ты врал, — заключил Ясуд. На вспышки ярости немедийца он уже не реагировал. Привык. – Без Дамара у нас меньше шансов обнаружить истину. Я думаю, явление четырех вместо одного это своего рода испытание. Мы должны пройти его еще до определения единственного.

— И что нам делать, если Дамар угадал?!

— Ничего. Или он сдержит обещание и вернется к нам, чтобы провести ритуал. Или он уже слился с полубогом. От нас ничего не зависит.

— То есть ты просто будешь сидеть здесь и ждать?

— Нет, я еще буду пить вино.

Библиотекарь выругался, словно последний солдафон, и пошел наверх.

Ясуд, чтобы не быть голословным, заказал себе кувшин вина. Дешевого. Пытаться насладиться вкусом и ароматом благородного напитка в подобном состоянии духа, занятие наиглупейшее.

За первым кувшином последовал и второй. Ближе к вечеру «Морской Змей» стал заполняться дружной пиратской братией. Среди гостей постоялого двора обнаружились и вчерашние собутыльники Ясуда. Иранистанец немедля пригласил их за свой стол.

Пирушка длилась до глубокой ночи. Себер внизу так и не показался.

Глава 9.
«О любви и её проявлениях»

— Сигурд, Коратцо, идите скорее сюда! – Черс сидел на стуле рядом с кроватью, на которой лежала Тара.

Девушка открыла глаза и начала тихонечко постанывать.

Черс смочил тряпку в ведре с холодной водой и положил Таре на лоб.

— Как рана? – спросил влетевший в комнату Сигурд. Через несколько мгновений появился и Коратцо.

Черс откинул одеяло. Повязка, которую вчера наложили на Тару, выглядела нормально, никаких зловещих красных пятен.

Впрочем Коратцо и не сомневался, что кровотечения нет. Он вчера хорошо поработал над раной. Залечил все внутренние повреждения и лишь края свел с показной небрежностью. Дух Камня не желал, чтобы Сигурд догадался о его реальных возможностях.

Тара начала метаться по кровати, что-то кричать. Пыталась размахивать руками. Черс внимательно следил за тем, чтобы она себе ничего не повредила, и одновременно удерживал на лбу повязку.

Коратцо подумывал не прибегнуть ли к помощи магии, но вскоре девушка буйствовать прекратила и успокоилась. Глаза её были открыты, в них застыл страх.

— Всё будет в порядке, — ободряюще сказал Черс.

Тара дико вытаращилась на него и отшатнулась. Неудачно, ударившись головой о стенку.

Сигурд подошел к кровати и наклонился над девушкой.

— Помните меня? – спросил он. – Мы с вами вместе пили вино на базаре.

Девушка кивнула, но как-то неуверенно, испугано.

— Вы здесь в безопасности, — продолжил ванир. – То существо вас больше не потревожит. Оно думает, что вы уже мертвы.

Коратцо про себя усмехнулся. «Тому существу» до Тары вообще дела никакого нет. Жива она или мертва, без разницы. Но Сигурд, наверное, знает, что в таких случаях надо говорить. Девица хоть угомонилась немного.

Был у духа Камня страшный соблазн проникнуть в мысли девушки, но он с ним мужественно боролся. Раз решил обходиться без вылазок в чужое сознание, так и следуй принятому решению до конца. Тем более подобный подход приносил пока исключительно выгоду. Он же мог просто выудить из Сигурда все знания тогда в «Ста золотых за человека», но делать этого не стал и обрел очень полезного союзника. Жаль только, что братца вчера прикончить не удалось, но это не их вина. Задумано-то всё было великолепно. Если бы не те два идиота с самострелами…

Черс, свято блюдя обязанности смотрящего, весь вечер просидел на балконе. Один раз к нему поднялся Сигурд. Принес кусок мяса и бокал вина, чтобы парень не умер от голода или жажды. И когда город начал медленно погружаться в сумерки, бывший юнга разглядел вдали фигуру девы-воительницы. Он крикнул Сигурду и Коратцо, чтобы те готовились встречать дорогого гостя. Сам же остался на занимаемой позиции. Запас времени, чтобы спуститься, у него имелся предостаточный.

Коратцо уже сгорал от нетерпения. Брат вот-вот должен был войти в дом оружейника Бродо. И тут он услышал, что Черс вдруг начал в голос перебирать все известные ему ругательства. Не

нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что это неспроста.

Дух Камня со всех ног рванулся наверх. В два прыжка преодолел лестницу и вылетел на балкон. Объяснений от Черса можно было и не требовать. Картина, открывшаяся взору духа, была предельно красноречива. Девица, одержимая братом, лежала в десятке шагов от их дома в луже крови с арбалетным болтом в животе. Судя по причитаниям, воительница была всё еще жива, но уже готовилась отдать душу Дэркето, которую активно призывала на помощь.

Неподалеку от девицы обнаружились и стрелки. Двое мужчин, одетых, как местные маги. Один типичный стигиец, высокий, худой, бритый наголо. Он и сделал сей фатальный выстрел, если судить по разряженному арбалету. Второй маг был весьма необычной наружности. Удивительно светлая кожа и волосы, голубые глаза. Коратцо сначала принял его за выходца с полуночных земель, но потом догадался, что перед ним альбинос.

Дух немедля обругал себя за то, что пялится на идиотов-магов вместо того, чтобы искать братца. Коратцо принялся ощупывать ауры прохожих, но всё напрасно. Духа ни в одном из тел не было. Маги тем временем рванули куда-то в сторону базара. Коратцо на всякий случай направил Черса проследить за ними.

Сам вместе с Сигурдом, который тоже успел забраться на балкон, отправился к раненой девушке. Воительница была всё еще жива, хотя одной ногой находилась уже на Серых Равнинах. Ванир немедля настоял на том, что деву надо непременно спасти. Ей могло быть известно что-нибудь важное о сбежавшем духе. Коратцо довод принял.

У духа Камня достало бы знаний, чтобы одним заклятьем вернуть воительнице и здоровье, и сознание, но он не хотел этого делать. Во-первых, рано было обнаруживать перед Сигурдом свою истинную суть. Коратцо подозревал, что в этом случае на прежнее дружеское отношение со стороны ванира ему рассчитывать не придется. С существом близким по силе к богу на равных общаться тяжело. Вторая причина заключалась в том, что он не хотел тревожить призрак своего отца. Тот и так в последнее время стал слишком бесконтрольным.

Так что Коратцо довольствовался тем, что остановил кровотечение и восстановил поврежденные участки внутренних органов. Тем временем вокруг них собралась приличная толпа зевак. И откуда только здесь столько народу набралось? Коратцо подозревал, что среди этих любителей остреньких зрелищ может найтись один сознательный, который побежит за «лиловыми».

Дух бросил заклятье «легкого ужаса». Зеваки тут же ощутили непреодолимое желание очутиться подальше от раненой девицы. Коратцо замер в ожидании. Но нет, всё спокойно. Отец решил на этот раз его не тревожить.

Когда дух закончил возиться с раной и с зеваками, Сигурд аккуратно взял девушку под руки, приподнял и потащил в сторону дома оружейника, следя за тем, чтобы не делать резких движений. Коратцо распахнул перед ним дверь. От того места, где лежала девица, к дому тянулись две кровавые полоски. Дух выругался и убрал их с помощью магии.

В доме девушку переодели и перевязали. Но воительнице становилось только хуже. Коратцо вторично прошелся по ране заклинанием, устраняя те мелочи, которые он упустил на улице, и увеличил количество крови, что гнало по венам и артериям её сердце. После этого дыхание девушки стало чуть ровнее, но жар не проходил.

Тем временем из похода вернулся Черс. Доложил, что следовал за парочкой магов вплоть до самого базара. Но там они от него скрылись. Юнга еще позавидовал тому, как быстро бежали эти немолодые на вид люди. Он прошелся по всей «Хлебной» в надежде случайно встретить своих подопечных. И действительно, встретил. Избитых, валяющихся без сознания у винных палаток. Выяснялось, что это их пираты так обработали.

Сигурд тут же выразил сомнения. Даже среди необразованных моряков мало таких идиотов,

что подняли бы руку на Хозяев Побережья. Черс возразил, что по пьяни можно и не такое выкинуть.

Девицу решили на ночь устроить в гостевой спальне на втором этаже. Там они днем обнаружили какие-то женские шмотки, так что вероятно именно в этой комнате Тара и гостевала у Бродо. Когда девица придет в себя, ей будет приятно очутиться в знакомой обстановке.

Помощник капитана пиратского корабля «Вестрел», ванир по имени Сигурд также изъявил желание заночевать в доме у оружейника. Это на тот случай, если Тара вдруг очнется. Его, в отличие от Черса и Коратцо, она хотя бы знала. Еще Сигурд подозревал, что «лиловые» сейчас рыщут по всему Сартосу в поисках одинокой пиратской рожи, на которой можно отыграться за поруганную честь Хозяев.

Ночь разделили на три вахты. Сначала у кровати воительницы дежурил сам Коратцо, потом на пост заступил Сигурд. И уже под утро его сменил Черс. Вот как раз на самый конец его вахты и пришлось девичье пробуждение.

— Где я? – спросила девушка.

— Дома, — ответил Сигурд. Тара сразу встрепенулась, и ванир поспешил поправиться. – У Бродо, я имею в виду.

Девица посмотрела на Коратцо, потом на Черса. Внимательно так. Приглядывалась.

— Почему тогда его здесь нет? – спросила она, обращаясь по-прежнему исключительно к Сигурду.

— Он в подвале, — объяснил ванир. – Мы решили не впутывать его в наши дела.

— Кто вы такие?! – завизжала Сара и попыталась вжаться в дальний от Сигурда угол кровати.

Коратцо решил, что пора это заканчивать. Он бросил короткое заклинание, и девушка погрузилась в сон.

Сигурд обернулся, вопросительно посмотрел на него. Дух Камня кивнул, давая понять, что это именно он сделал.

— Правильно, — сказал ванир. – Пусть отдохнет. Выспится, тогда и поговорим.

— Заклятье продержится до вечера, — пояснил Коратцо. – Надеюсь, этого времени хватит.

— Пошли завтракать, — вмешался в разговор Черс.

— Пошли, — согласился дух.

Ванира тоже упрашивать не пришлось.

Запас продуктов у Бродо имелся приличный. Основной его составляющей была рыба во всех её проявлениях. Черс и Сигурд в один голос высказали своё мнение о ней. Есть морепродукты на суши пираты не желали ни в какую. Коратцо было всё равно, но ради солидарности он также отказался от рыбы.

Вот большой свиной окорок пришелся по нраву всем троим. За какую-то четверть колокола от мяса остались лишь одни воспоминания. При выборе напитков решили исходить из постулата, что начинать день с вина дело самое последнее. Потому пили охлажденный апельсиновый сок.

После трапезы Сигурд отправился к себе на корабль доложиться капитану. К вечеру обещал вернуть.

Черс пошел наверх компенсировать недостаток утреннего сна. Коратцо решил позволить пареньку подремать два-три колокола.

Сам дух несколько раз пробовал призвать к себе отца. Даже поколдовал немного. Но папаша появляться не желал. Коратцо расстроился. Отец вполне бы мог пролить свет на некоторые тайны дня минувшего.

Еще Коратцо корил себя за то, что послал вслед за магами Черса, а не Сигурда. Юнга

паренек смышленый и резвый, но разобраться в том, что произошло на базаре, толком не сумел. Обстоятельный ванир наверняка бы нашел какую-нибудь зацепку и постепенно распутал весь клубок.

Вообще это была очень большая удача, что удалось привлечь на свою сторону такого человека, как Сигурд. Без ванира они с Черсом ни за что бы не вышли на духа, поселившегося в теле воительницы. Сигурд являл собой образчик того, как действуют умные люди, попав в затруднительную ситуацию. За предыдущий день Коратцо открыл для себя очень много нового. Помимо денег и любви проявилась и третья составляющая жизненных устремлений человека, дружба. Ванир согласился участвовать в поисках духа не из-за награды, а ради того шанса, который Коратцо обещал предоставить околдованному боцману «Вестрела». Где-то на границе дружбы возникало еще одно очень важное понятие. Преданность. Коратцо всерьез задумывался над тем, как её можно пробудить в человеке. Именно из-за отсутствия этого качества у своих последователей он и потерпел поражение в прошлое своё пришествие. У духа Камня имелось две теории на этот счет. По первой к преданности были способны лишь отдельные представители рода человеческого. По второй возникнуть это свойство могло у любого индивидуума, нужно лишь подобрать ключик к его душе. Коратцо решил вернуться к этому вопросу чуть позже. Надо еще поднабраться опыта.

Еще духа Камня поразило, как Сигурд руководил поисками. Он опирался не на знания, а на предположения. И это дало результат! Коратцо видел корни этого явления в том, что люди испытывают вполне естественный страх, когда кто-то умудряется прочесть их мысли. Они считают, что внутренний мир предназначен исключительно для личного пользования. Если кто-то вдруг угадывает реальные стремления людей, они им восхищаются. Но это должна быть именно догадка. Точное знание вредно. Так Сигурд вчера давил на оружейника тем, что намекал на его нелюбовь к конкуренту, одновременно сдабривая его золотом. Коратцо заглянул в мысли того человека и увидел там страх перед тем, что странный чужеземец знает о том, что он приторговывает магическим оружием, которое имеет свойство убивать своих владельцев и возвращаться в лавку. Веди беседу дух Камня, он бы непременно пригрозил торговцу, что раскроет его тайну. И в этом случае оружейник бы вряд ли чего-нибудь поведал. Во всяком случае, Коратцо так казалось. Нужно сохранять у людей их ощущение значимости. Показать, что ты знаешь дорогу к тайне, но делать к ней шаг не желаешь.

Коратцо даже подумывал не залезть ли на время в тело какого-нибудь дипломата, но потом отверг эту мысль, как преступную. Не стоит форсировать события. Он уже и сам начинает постигать человеческую природу, ориентируясь при этом лишь на свои ощущения. Если прыгать из тела в тело, то исчезнет целостность картины. Появится набор зачастую противоречивых знаний, которые ты сам никогда не применял на практике.

К тому же смущала та слабость, что появляется при частой смене оболочек. Наружу выходит то, что отец в одной из бесед назвал словом «инстинкты». Так тот братец, которому вчера пришлось хорошенько побегать от двух дураков с арбалетами, сейчас наверняка оттягивается с какой-нибудь портовой шлюхой. Знать бы, где именно, сходить и прикончить. Лично. Опасности он сейчас никакой не представляет.

Тут Коратцо вспомнил, что вполне возможно и нашлась парочка моряков, которая видела ринувшегося в пучину желаний братца. И стоят они сейчас перед закрытыми дверьми «Ста золотых за человека» и не знают, куда девать своё знание.

Дух встал, поднялся наверх и растолкал мирно спящего Черса.

— Просыпайся. Я пойду в нашу лавочку. Ты остаешься здесь за главного. Не забывай за девушкой следить. Кто знает, как на ней присутствие моего братца отразилось? Может менее восприимчивой к магии стала и как проснется через полколокола. Всё понял?

— Может мне в «Сто золотых» сходить? – предложил Черс. – Мне оно как-то привычней.

— Не беспокойся, — улыбнулся Коратцо. – Я справлюсь. Мне тоже опыта набираться надо.

— Тогда удачи, — сказал Черс и стал с неохотой подниматься с постели.

В городе было на удивление спокойно. По улицам прохаживались и моряки, и «лиловые». Драки ни те, ни другие затеять не пытались, словно и не было вчера славного избиения двух Хозяев на базаре. Коратцо стало интересно, живы ли они? Дух искренне желал двум дуракам в настоящий момент совершать прогулки по Серым Равнинам.

Странно только, что брат пытался от них убежать. Они бы при всем желании не смогли причинить ему вреда, разве что оболочку бы попортили. Ну, ведь её и так болтом прошили. Что-то здесь было не чисто.

Дух решил по дороге в лавку зайти на винные ряды, посмотреть своими глазами на место знаменательной потасовки.

И здесь никаких следов. Всё тихо и мирно. Словно горожане и моряки не сговариваясь решили забыть неприятный инцидент. Даже крови на земле видно не было. Всё прибрали рачительные купцы, не желавшие портить атмосферу в районе непосредственного торгового интереса.

Коратцо на всякий случай проверил магическую ауру. Ничего. Лишь легкое волнение магического поля под его правой ногой. Дух сделал шаг назад, присел и попытался разглядеть, откуда изливается энергия. Малым артефактом оказалась простая деревянная щепка. Коратцо отошел в сторонку, подальше от людских глаз и принялся читать заклинание. Щепка начала расти и превратилась в арбалетный болт.

Внутри снаряда обнаружились следы непонятного заклятья.

«Это уже интересно, — подумал дух Камня. – Значит, в брата стреляли заколдованным оружием. Двое магов не были совсем уж кончеными дураками».

Восстановить заклинание было куда сложнее, чем вернуть предмету утраченную форму. Коратцо понимал, что если он займется этим, то отцу достанется шикарный обед из отголосков его заклятий. Но, похоже, выбора не оставалось.

Коратцо начал творить волшбу. Постепенно ниточка за ниточкой полуразрушенное заклинание вновь накручивалось на арбалетный болт. Набирало силы, обретало структуру. Коратцо не мог отвлечься и взглянуть, что получилось, но поражался тому, сколько времени уходит у него на восстановление.

Спустя четверть колокола измученный дух наконец посмотрел на результат своей работы. И ужаснулся.

Силы, запечатанной в снаряде, достало бы, чтобы убить любого из братьев. Даже того, что безумен.

Маги отлично знали, какую дичь они преследовали. И на охоту вышли с соответствующим оружием.

Это неспроста.

Кто-то должен был рассказать им о духах Камня. Подробно. Иначе степень их подготовки не объяснить. Вывод напрашивался сам собой. Один из братьев с ними заодно. И даже не надо гадать какой. Страсть к магии питал лишь один член их дружного семейства.

Болт в срочном порядке пришлось уничтожать. Таскать с собой столь самоубийственную штуку было архиглупо.

Отец несмотря на обилие магии так и не появился.

Нет, не зря он решил зайти на базар! Будет, что обсудить вечером с Сигурдом и Черсом. Ванир вроде бы упоминал, что у капитана его корабля имелся какой-то план по вызволению боцмана из плена. Надо непременно узнать, что именно он задумал!

Коратцо даже подумал, не сходить ли на корабль Сигурда, кажется он называется «Вестрел», прямо сейчас. Но хорошенько поразмыслив, решил этого не делать. Брата-мага надо выкуривать из его укрытия аккуратно. А вот любителю девочек хвост можно прижать прямо сейчас, если конечно повезет.

Когда дух Камня добрался до «Ста золотых за человека», перед входом в лавочку собралась уже немалая толпа. Моряки заметно нервничали и зло косились друг на друга, словно видели происки чужих экипажей в том, что кормушку закрыли.

Однако стоило дверям распахнуться, как лица пиратов озарили улыбки. Они дружно расселись по стульям в комнате для ожидания в предвкушении того момента, когда Коратцо призовет их к себе.

Дух решил немного схитрить. Он объявлял каждому входившему, что вчера, благодаря сведениям полученным от одного из моряков, удалось обнаружить человека, соответствующего описанию. Благодаря счастливой, хотя как посмотреть, случайности ему удалось ускользнуть. Но это нисколько не умоляет заслуг пиратской братии, а потому аванс с сегодняшнего дня возрастает до трех золотых.

И действительно, моряки новость воспринимали с радостью и оживлением. Неизменно интересовались двумя вещами. Заплатили ли тому моряку? И как его имя? На первый вопрос ответ давался положительный. Имя же естественно не называлось. «Вам бы хотелось, чтобы ваше имя знала каждая портовая крыса, когда у вас сто золотых в кармане?!» Пиратов эта простая житейская логика сражала просто наповал. У них отпадали последние сомнения в реальности вознаграждения. Они брали свои три золотых и отправлялись на поиски братьев-духов и того счастливчика, что уже отхватил награду.

Потом Коратцо осознал, что он конкретно подставляет Сигурда. Вполне могут найтись те, кто запомнил, что именно ванир был тем посетителем, после визита которого лавочку вчера прикрыли. Пришлось пустить слух, что настучали на братца позавчера, а вчера днем его исключительно ловили. Вроде бы пираты поверили. Коратцо проверял мысли некоторых визитеров и ему попадались отрывочные воспоминания именно о позавчерашнем везунчике, заполучившем золото. Сигурд может спать спокойно.

Но удовольствие от удачно найденного способа немного активизировать поиски смазалось отсутствием известий о брате, скрывшемся вчера от магов. Пираты исправно забирали три золотых, обещали непременно обо всем докладывать, но на главную награду никто из них так и не покусился.

Оставалась надежда на Тару. Дух долго пользовался её телом, и вполне возможно, девица сумела запомнить некоторые его привычки или те места, в которые он любил заглядывать. От ответов воительницы зависело очень многое. Коратцо хотелось сначала разобраться с более мелкой рыбешкой, но если Тара не скажет ничего полезного, придется переключать внимание на брата-мага.

На шестой послеполуденный колокол Коратцо закрыл «Сто золотых за человека» и отправился домой к оружейнику. По пути заглянул на «Хлебную». Просто так. Проверить. На этот раз ничего интересного.

Чтобы не жалеть о потраченном на обход времени, Коратцо решил воспользоваться благами базара. Купил у хлеботорговца три горячие сдобные булки с медом, потом разжился кувшином молодого вина и, устроившись под уютным навесом, приступил к трапезе.

Вообще-то дух Камня потребности в пище не испытывал, просто пытался приобщаться к человеческим традициям. Еда и вино занимают не самое последнее место в людском миропонимании. Так что придется учиться по достоинству оценивать вкус тех или иных продуктов. В этом деле Коратцо опирался прежде всего на воспоминания зингарского пирата,

чьим телом он сейчас владел, и на привычки окружающих.

Булки с медом и молодое вино должны были ему понравиться, потому дух и получил от них удовольствие.

Потрапезничав Коратцо поспешил в ремесленные кварталы. Сигурд должен вот-вот придти, а девица скорее всего уже очнулась.

Оказалось же, что наоборот. Дверь Коратцо открыл Сигурд и поинтересовался, скоро ли Тара придет в себя.

— Странно, — заметил дух. – Уже должна была. Она как выглядит?

— Нормально, — ответил ванир, пропуская Коратцо внутрь. – Мы тут с Черсом перекусили. Оставили тебе немного мяса и вина.

— Спасибо, я поел, — сказал дух Камня и понял, что его терзает какая-то странная мысль, словно он забыл нечто очевидное.

— Ты чего? – поинтересовался Сигурд.

— Вспоминаю что-то, — сказал Коратцо, усаживаясь на стул, — а вспомнить никак не могу.

— Бывает, — посочувствовал ванир.

Тут слух Коратцо потревожил тихий звук, отдаленно напоминающий стон. Сигурд, казалось, тоже что-то расслышал.

— Не пугайтесь вы так, — посоветовал незаметно подкравшийся Черс. Пареньку надоело дежурить у постели раненой воительницы. – Это Бродо орет. С голодухи.

— Вот оно! – хлопнул рукой по столу Коратцо. – Мне оружейник-то покоя и не давал. Совсем нехорошо мы с ним обошлись.

— Правда, Черс, — согласился с духом Сигурд, — почему с голодухи? Ты что его не кормил?

— Не-а, — признался юнга. – Я хотел, но меня его дружки просто достали. Всё норовили в дом вломиться. Вот я и решил, пусть за них страдает.

— Какие дружки? – встрепенулся Коратцо.

— Приходили сегодня днем, — сказал Черс. – Сначала двое каких-то толстяков требовали от меня, чтобы я сказал им, где Бродо. Этот гад в подвале, видать, их голоса услышал и как начал заливаться. Сволочь. Хорошо, толстяки не только тупыми, но и глухими оказались. С ними в общем проблем не было.

— А с кем были? – задал наводящий вопрос Сигурд.

— С заказчиками, — мрачно сказал Черс. – Это не товарищи по базарной торговле. От них просто так не отделаешься. Утверждали, что Бродо им к сегодняшнему дню обещался сработать два десятка метательных ножей. Деньги они внесли, а товара пока что не получили.

— Гадко, — согласился Сигурд. – Сколько их хоть было?

— Как и толстяков, двое, — ответил Черс. – Я не сразу сообразил, что делать. Сначала хотел им ключи от лавки отдать, чтоб сами всё взяли. Но потом решил, что так только внимание лишнее привлечем. Думал, может сходить к Бродо, объяснить ситуацию, что да как. Потом вспомнил, что он не кормленный, не поеный, и вчера мы с ним нелестно обошлись. Понял, в положение наше торговец входить не захочет. И тут меня осенило. У нас здесь осталась часть того золота, что мы наколдовали для выплаты вознаграждений. Спросил я у заказчиков, сколько они Бродо за ножи заплатили. Они подвох какой-то заподозрили, отвечать отказались. Ну, я и сказал им, как на духу: запорол Бродо ваш заказ, но торговец он честный, и расходы возместит, и неустойку заплатят. Ребята эти хоть и мрачные были, но хитрецы еще те. Такую сумму назвали, что мне чуть плохо не стало. Поторговался немного с ними для приличия и пошел выскребать золотишко из наших запасов.

— Как всё непросто, — заключил Коратцо.

— Вот и я говорю! — выразил полное согласие Черс.

— Всё равно зря ты хозяина не покормил, — посетовал ванир. – Не по-людски это.

— Да я собирался, — признался юнга, — а тут вы пришли, вот и вылетело из головы.

— Иди, отнеси ему мой ужин, — сказал Черсу Коратцо.

Юнга взял со стола кувшин вина и тарелку с мясом и направился в сторону подвала. Сигурд и Коратцо внимательно слушали. Вот Черс спустился по ступенькам. Послышались радостные вопли Бродо, которые тут же перешли в отборную ругань, стоило юнге вынуть изо рта кляп. Оружейник обличал, возмущался и требовал. Коратцо с нетерпением ожидал звука разбитого кувшина или грохота от летящей в стену тарелки. Но ничего такого не происходило. Наоборот, Бродо через какое-то время умолк, а из подвала вылез улыбающийся Черс.

— Ну, как? – спросил ванир.

— Я сказал, что через четверть колокола, — ответил Черс, — я снова заткну ему рот кляпом и если он не успеет за это время поесть, это будут исключительно его, оружейника, проблемы.

— Такой молодой, а такой злой, — усмехнулся ванир.

— Я справедливый, — самоуверенно заявил Черс.

— Пошли наверх, — предложил Сигурд. – Тара уже должна вот-вот очнуться, если верить словам Коратцо.

— Постой, — сказал дух, — у меня есть к тебе разговор.

Черс засобирался в комнату Тары, чтобы не мешать беседе. Но Коратцо его остановил.

— Останься, — сказал он. – Твоя голова в этом деле лишней не будет.

— Что-то случилось? – спросил Сигурд.

— Да, — ответил Коратцо. – Я нашел еще одного духа. Сегодня по пути в «Сто золотых» я решил зайти на базар, посмотреть, что там осталось от вчерашнего побоища. И наткнулся на одну очень интересную вещь, щепку оставшуюся от арбалетного болта. Такого же, каким ранили нашу знакомую воительницу. На болте лежало мощнейшее заклинание, соизмеримое по силам с теми, которыми я пропитывал наше оружие.

— Ты смог определить его происхождение? – спросил Сигурд.

Вопрос вызвал у Коратцо улыбку.

— Для этого надо быть самое меньшее богом, — сказал он. – Но выбор и так небольшой. Либо это сделал один из трех оставшихся духов, либо маги, но по его наводке. Очень меня насторожила сила заклинания. Колдун точно знал, сколько энергии надлежит вложить в болт.

— И ты полагаешь, что Хозяева Сартоса, — сказал Сигурд, — объединились с тем духом, что увлекается магическим искусством?

— Я в этом не сомневаюсь, — подтвердил догадку ванира Коратцо. – Подобное поведение свойственно этому существу. Он подыскал себе безопасный уголок, окружил себя верными слугами и сейчас готовит какую-нибудь мерзопакость.

— Кому? – поинтересовался Сигурд.

— Другим духам, — ответил Коратцо, сообразивший, что сболтнул лишнее.

— Раз они сами хотят друг друга прикончить, — продолжил расспросы Сигурд, — зачем тебе с ними возиться?

Ситуация начинала приобретать неприятные очертания, и дух Камня на мгновение заглянул в мысли Сигурда.

— После смерти духа, — Коратцо начал пересказывать вслух слегка видоизмененные предположения ванира, — его убийца обретает силы и знания жертвы. Не имеет значения лично ли он совершил расправу или это сделали люди по его приказу.

— А если его убьет один из нас? – живо поинтересовался Черс.

Коратцо порадовался сообразительности паренька. Юнга решил немного подыграть ему в

трудный момент.

— Сила духа исчезнет вместе с ним, — пафосно произнес Коратцо.

— Какой толк тогда в этой охоте? – удивился Сигурд. – Я думал, ты из них какую-нибудь энергию для своих заклятий вычерпывать будешь.

— Толк есть, — хитро улыбнулся дух Камня. – Боги не любят конкурентов, а некоторые из них могут быть очень благодарными. И знаниями, и силой, и богатством меня не обделят.

— Понятно, — многозначительно заключил Сигурд. Коратцо захотелось еще разок взглянуть на сознание ванира, но он сдержался. – Так ты говорил про духа-мага.

— Да, именно он послал вчера двух Хозяев, — вернулся к прежней теме Коратцо. – Судя по летописям, это несколько необычный для него ход. Я уже говорил, что он склонен к выжиданию. Видимо, дух-любовник в какой-то момент возник перед ним, как на ладони, и он решил воспользоваться представившимся шансом.

— Я кажется знаю, откуда он узнал, в чьем теле дух, — мрачно произнес Сигурд. – Зелтран мог дать ему описание Тары.

— Вполне может быть, — согласился Коратцо. – Потому я и хотел узнать, что там с планами твоего друга по проникновению в поместье.

— Он собирается туда этой ночью, — сказал Сигурд. – Вернее, под утро. Я думаю, надо рассказать ему о том существе, что засело у Хозяев. Наверное, не стоит Конану туда соваться.

— Я хотел убедить тебя оставить всё, как есть, — признался дух Камня. – Твой друг рисковал бы больше в обычной ситуации. Тот дух, что засел в поместье, наверняка не смог рационально организовать оборону. Следуя своей мнительности, он вполне мог лишить всех обитающих внутри магов свободы воли. Они сейчас там от каждой тени шарахаются.

— Ты уверен в том, что говоришь? – спросил ванир.

— Вполне. Я должен знать, за кем охочусь, — ответил Коратцо. – К тому же пса лучше и вправду поскорее вытащить. Несмотря на все свои минусы, тот дух маг просто гениальный. Может статься он решит использовать вашего боцмана для возобновления поисков. Вот ему под силу почувствовать след магии. В этом он равен богам.

— А если и нам проникнуть этой ночью в поместье? – предложил Черс.

Коратцо вопросительно посмотрел на Сигурда. Самому ему эта идея не очень нравилась.

— Не стоит, — сказал ванир. – Мы только помешаем капитану. Он привык действовать в одиночку.

— Если он не вернется, — сказал Коратцо, — мы отправимся за ним.

— Вернется, — усмехнулся Сигурд, — я его знаю. И когда он расскажет, каково там внутри, мы и отправимся за шкурой духа.

— Договорились, — сказал Коратцо. – Черс, срок, который ты дал Бродо на еду, уже истек. Иди, исполняй угрозу. Мы с Сигурдом к девице. Как закончишь, присоединяйся.

Юнга со зловещей ухмылкой на лице направился в подвал. Коратцо и Сигурд в комнату Тары.

Девушка мирно спала. Дыхание у неё было ровным. На лице блуждала блаженная улыбка. Отдых явно пошел ей на пользу.

Коратцо и Сигурд просто стояли и заворожено смотрели на неё, завидуя тому покою, в котором она прибывала.

— Спит еще? – звонкий голос прибежавшего снизу Черса в одно мгновенье разрушил эту благословенную иллюзию.

— Сейчас разбудим, — уверено сказал Коратцо и начал читать заклинание.

Делал он это долго. На публику. На самом деле хватило бы двух слов, которые он произнес в самом конце.

Девушка зашевелилась и как-то с ленцой приоткрыла глаза. Увидела в комнате трех молодых мужчин. Удивилась. Но в отличие от утреннего пробуждения, истерики закатывать не стала.

— Кто вы такие? – спросила она.

— Те, кто спас вам жизнь, — лаконично ответил Коратцо.

— Спасибо, — поблагодарила девушка.

— Вы находились в плену очень странного существа, — вступил в разговор Сигурд. – Его попытались убить двое местных Хозяев, и оно сбежало из вашего тела.

— Я припоминаю, — поморщилась девушка. – В меня выстрелили из арбалета, и я потеряла сознание. Я думала, что умру. Рана показалась мне очень серьезной. Похоже, и в самом деле есть, за что вас поблагодарить.

— Лучше всего вы это сделаете, — сказал Сигурд, — рассказав нам о том существе.

— Я тебя помню, рыжий, — сказала Тара, приглядываясь к ваниру. – Ты сегодня пытался познакомиться со мной на базаре. С тобой был еще здоровенный черноволосый парень. Его звали Конан, а тебя, кажется, Сигурд.

— Всё верно, — помощник капитана кивнул в знак согласия. – Только это было не сегодня, а вчера. Вы целый день пролежали без сознания.

— Давай на «ты», — предложила Тара. – Так легче будет. К тому же несколько странно, когда столь вежливо с тобой обращается мужчина, видевший тебя обнаженной.

При этих словах Тара выразительно глянула на повязку. Накладывали её, естественно, не поверх кольчуги.

— Хорошо, — улыбнулся ванир. – Оставим куртуазность для других.

— Так-то лучше, — сказала воительница. – Что вы хотите услышать о существе?

— Всё, — одновременно произнесли Коратцо и Черс.

— Тогда лучше начать с самого начала, — предложила Тара. – Ванир в курсе некоторых особенностей моей биографии. Он успел вам их пересказать?

Коратцо и Черс замотали головами.

— Дело в том, что я профессиональный убийца, — начала повесть Тара, — которому наскучила его профессия. Я не говорю, что мне надоело отнимать человеческие жизни. Вовсе нет. Просто мои наниматели в силу объективных причин не могли по достоинству оценить мои способности. Они – маги.

— Черный Круг, — пояснил ванир, хоть никто его об этом не просил.

— Именно, — сказала Тара. – Стигийский Черный Круг. Я на протяжении долгих семи лет убивала тех, на кого мне указывали. Потом мне это надоело, и я от них ушла. Стала думать, чем заняться дальше. Менять профессию мне не хотелось, так что выбор был лишь в том, к кому наняться. Казался очень привлекательным вариант с государствами Восхода, но взвесив все «за» и «против», я поняла, что не справлюсь. Не хватило бы мне опыта, чтобы разобраться во всех хитросплетениях тамошних интриг. Идти работать в Вертрауэн или Латерану, немедийская и аквилонская тайные службы соответственно, было глупо. У тамошних начальников предубеждения перед Стигией и всем, что с ней связано. О продвижении наверх с моим прошлым можно было бы забыть. Тогда я и остановила свой выбор на Побережье. Здесь накал интриг всегда высокий, и талантливые люди Хозяевам потребны. Магия же во многом артефактная, так что по этой части у меня тоже проблем бы не возникло.

— Интересная история, — сказал Черс, — но какое она имеет отношение к духу, который поселился в вас?

— Косвенное, — признала девушка. – Просто не знай вы, кто я такая, непременно начали бы задавать глупые вопросы. Я могу продолжать или мне сразу перейти к сути вопроса?

В голосе Тары звучала плохо скрываемая ирония.

— Ведите свой рассказ так, — сказал Коратцо, — как считаете нужным.

— Спасибо, — хмыкнула Тара. – В Сартосе я уже бывала несколько раз. Выполняла задания моих предыдущих нанимателей. Идти к Хозяевам я не спешила, решив сначала немного осмотреться вокруг. Очень кстати пришлась помощь Бродо. Он работает на Черный Круг… или работал?

— Работает, — рассеял сомнения воительницы Черс.

— Бродо следит за происходящими событиями, отсылает в Луксур соответствующие депеши, обеспечивает оружием прибывающих в Сартос агентов. Маленький винтик в огромной системе. По старой дружбе аргосец предложил мне пожить у него. Я не сомневалась, что о каждом моем шаге он будет докладывать в Черный Круг, но скрывать мне было нечего. Напротив, я хотела показать стигийцам, что опасности для них не представляю. Узнав о разыгравшемся шторме и последующем запрете на магию и торговые сношения с Хозяевами, я не сильно расстроилась. У меня оказалось в запасе несколько седмиц, чтобы досконально изучить город и его обычаи. И вот однажды вечером я сидела в «Морском Змее», потягивала вино, расслаблялась после трудного дня. Ко мне подошел молодой человек. Он был очень хорош собой. Особенно меня завораживали его волосы, седые словно у старика. Мы разговорились. Слово за слово, бокал за бокалом мы оказались у меня в комнате. Я была отнюдь не прочь поразвлечься, мне нравятся мужчины, и я им нравлюсь.

Коратцо не смог сдержать язвительной ухмылки. Он-то точно знал, что ни один человек не вынесет тех изворотов, на которые способен братец.

Тара заметила изменившееся выражение лица духа Камня. Коратцо был готов поклясться, что если бы не слабость, она бы до него одним прыжком долетела и придушила на месте. Означало это лишь то, что догадка верна. Девушке в последующие дни пришлось несладко.

— Извини, не сдержался, — сказал он. – Продолжай, пожалуйста.

На самом деле еще как сдержался! Так и подмывало спросить, а собачкам, рыбкам и группам портовых рабочих она тоже нравится?

— Я тебя убью, — с улыбкой пообещала она Коратцо. Дух не сомневался, что она попытается претворить угрозу в жизнь, но отнесся к этому с некоторым небрежением. – Ночь мы провели воистину замечательную. Ни на одно мгновение я не сомкнула глаз. Мой новый знакомый оказался великолепным любовником. Я чувствовала себя пятнадцатилетней девчонкой. В голову лезли исключительно дурные мысли. Я лежала на смятых простынях, блаженствовала, засыпала его комплиментами. Отреагировал он лишь один раз, когда я сказала ему, что он бог. Незнакомец, я даже не узнала его имени, ответил, что я близка к истине. Говорил он это совершенно серьезно. Я это различила, несмотря на то своё состояние.

Коратцо подумал, что брат стал излишне тщеславен. Раньше он себя к когорте богов не причислял, и даже не приближал к ней.

— Тогда я поинтересовалась, — продолжала Тара, — кто же он такой. И мой любовник начал свою невероятную повесть. О том, как он с тремя братьями был заключен в неком Камне, о своем освобождении и прошлой жизни, о том, как слуги его отца предательски расправились с ним. Я попросила исполнить какой-нибудь магический трюк. В ответ на мою просьбу он остановил своё сердце и спросил, занималась ли я этим с мертвецом. Я ответила, что нет и желаю это исправить. Так наша беседа прервалась на некоторое время. Дайте мне кто-нибудь вина, в горле пересохло.

Черс побежал вниз за кувшином. Возвращения его ожидали в полной тишине. Коратцо размышлял об успехе брата у женщин. О чем думали Сигурд и Тара, дух Камня не ведал.

— Держи, — Черс сунул бокал с вином Таре. Кувшин предусмотрительно поставил неподалеку. – Кисловатое, но нам нравится.

— Спасибо, — ответила воительница, напившись вдоволь. – По мне тоже ничего. На чем я остановилась?

Дух Камня порылся в воспоминаниях зингарца. Тому однажды довелось взять на абордаж корабль с группой ученых мужей из Тарантии. Покойный пират любил подолгу слушать их речи. Потом они ему надоели, и он велел всех их повесить. Вот одно словечко, доставшееся памяти зингарца в те дни, и выудил на свет Коратцо.

— На некрофилии, — с гордостью произнес он.

Девица таких учeностей не знала и явно заподозрила, что над ней издеваются. Слава богам, Черс успел влезть в разговор.

— На том, как любовник концы отдал, — с готовностью подсказал юнга.

— Вспомнила, — сказала Тара. – Когда ко мне вновь вернулась способность думать, я поняла, что нахожусь в одной постели то ли с магом, то ли и вправду с полубогом. Еще раз мысленно пробежавшись по его рассказу, я обратила внимание на одну деталь. В прошлый раз его убили, а он столь беспечно ведет себя. Я же вполне могла оказать наймитом его отца. Он в ответ на мои подозрения лишь рассмеялся. Сказал, что ныне опасность исходит не от его отца, а от братьев. И тогда я предложила служить ему. С одной стороны эта была замечательная практика, с другой я по уши влюбилась в это существо.

— Он пожелал, чтобы ты убила его братьев? – поинтересовался Сигурд.

— Нет, — ответила воительница. – Он хотел просто найти трех оставшихся духов. Мой любовник слишком боялся своих братьев, чтобы решиться бросить им вызов.

— Не понимаю, — удивился Сигурд. – Что за позиция? Он собирался вечно бегать? Рано или поздно его бы достали.

— Помнишь, что я сказала тебе на базаре? – спросила Тара. Голос его дрогнул.

— Что скоро в Сартосе не останется ни одного живого человека.

— Эта чистая правда, — сказала воительница. – Мой дух в этом не сомневался. Он ждал гибели города. В этом он видел и своё спасение. Подробностей я не знаю. Он никогда не позволял заглядывать в глубь своего сознания.

— Бред какой-то, — замотал головой Коратцо. – В тех пророчествах о явлении духов Камня в наш мир, с которыми я знакомился, ничего не говорится о массовой гибели людей.

Черс обеспокоено на него глянул. Юнга отлично знал, что никаких предсказаний не существует. Просто Коратцо не мог прямо сказать, что ни один из братьев не способен уничтожить целый город. Да и какой прок от этого любовнику?

Дух Камня коротко кивнул Черсу и поднес палец к губам, давая понять, что разговаривать при всех он не желает.

— Он точно чего-то ждал, — не желала сдаваться дева. – Или кого-то. Не знаю.

— Ладно, — сказал Коратцо, — потом подумаем, что бы это могло быть. Я так понимаю, Тара, дух принял твою помощь?

— Да. Я разрешила ему проникнуть в мои воспоминания, чтобы он лично убедился в моих способностях. Потом он создал на стене нашей комнаты великолепную иллюзию. Одно за одним перед нами возникали лица тех людей, что отправились в поход за Камнем. Он объяснил мне, что скорее всего оставшиеся духи находятся внутри одной из этих оболочек. Мне предстояло их выследить.

Коратцо обрадовался, что успел изменить свою внешность. Иначе дева вполне могла бы его узнать.

Еще духа насторожило то, как свободно его брат пользовался магией. Он что не понимает, что своими действиями приближает возрождение отца? Становилось понятно, откуда покойник черпает свои силы. Совместные усилия двух, а если и безумец к ним присоединился, то и всех

трех братьев дают отцу хорошую подпитку.

Идиоты! Надо быстрее с ними расправиться. Иначе зверь вырвется на свободу.

— Следующие несколько дней были предвестием того кошмара, в который мне предстояло погрузиться. Я, как последняя дурочка, верила, что мой дух будет хранить мне верность, пока я оберегаю его покой. Он же пустился во все тяжкие. Одних только девиц я повидала с ним десятка два. Клянусь Дэркето, я хотела от него уйти, но не могла. Слишком велика была моя любовь к этому существу. К тому же по ночам он мне дарил такое блаженство, что я забывала все свои обиды. Днем я, как одержимая, рыскала по Сартосу. Несколько раз мне казалось, что я видела человека, похожего на одного из тех моряков, что показал мне мой дух в гостинице. Но неизменно выходило так, что это оказывалось ошибкой.

— Сколько дней назад ты впервые его встретила? – спросил Коратцо.

— Десять или одиннадцать, — ответила Тара.

Огромных усилий стоило Коратцо скрыть своё удивление. Братец неведомым образом оказался в Сартосе на пять дней раньше него. Такого просто не могло быть. Течение разве что какое-нибудь его вынесло. Духи, как и всякие существа магические, стремятся к людским краям, в каком бы состоянии они не прибывали. Но делать это они должны с равной скоростью. С братом было явно что-то не так. Очень жаль, что маги тогда его не пристрелили!

— А бордель, когда он открыл? – поспешил узнать Сигурд.

Тару слегка перекосило. Бордель похоже стал предпоследней каплей для её терпения. Что могло бы оказаться последней, узнать уже никому не суждено.

— Пять дней назад, — выдавила из себя она. – Нанял в него кучу каких-то девок и здоровенного толстого ублюдка. Туда же он и сам переселился. Теперь в нашей постели постоянно оказывались эти его работники. Как я хотела его убить!

— Что же не убила? – спросил Черс.

— Как?! Он же дух!

— Не предупреждала бы о визите брата, — предложил вариант Сигурд.

— Так ты и об этом знаешь, рыжий?! – охнула Тара. – Был тогда в борделе?

— Нет. Мне рассказывали.

— Пойми, не в моих принципах, — сказала воительница, — вот так подводить заказчика. Даже, если бы никто и не узнал о моем предательстве, я сама себе стала бы противна.

— Дух твоего благородства не оценил, — заметил Сигурд.

— Да, он влез в моё тело и попытался оказаться, как можно дальше от своего братца. Это ужасные ощущения, когда ты всё видишь, всё понимаешь, но ничего сделать не можешь. Я чувствовала пульсацию его страха. Не человеческого. Люди так не боятся.

— Куда именно он направился? – поинтересовался Коратцо.

— Сначала в порт, потом в бедняцкие кварталы, — с отвращением произнесла девушка. – Щупальца этого существа проникали в мои мозги. Я практически физически это ощущала. Он копался в моих воспоминаниях, находил что-то подходящее, доходя в этот момент до экстаза. Буквально, Сет его возьми! Затем бежал, как сумасшедший, не переставая ни на миг колдовать.

— Проклятье, — проронил Коратцо.

К счастью, никто не понял, к чему именно относилось это высказывание.

— Успокоился он только на следующее утро, — продолжила Тара. – Попытался завести со мной беседу. Меня тошнило от его присутствия в моей голове.

— Я думаю, — предположил Сигурд, — ты смогла себя преодолеть.

— Это было непросто, — признала девушка. – Но я слишком хотела жить. Пришлось смириться с тем, что эта тварь теперь неотъемлемая моя часть. Тем более, что иного выхода у меня не было. Дух, кажется, наконец понял, что если он и дальше будет самостоятельно

пользовать мои воспоминания, то ничего хорошего из этого не выйдет.

— Он не мог связать причину и следствие, — сказал Сигурд. – Имел на руках множество отдельных фактов, а соединить их у него не получалось.

Девица удивленно глянула на Сигурда. Большинство людей недооценивало интеллект ванира, полагая его простой горой мускулов. Первый помощник капитана с удовольствием пользовался этим.

— Пожалуй, всё так, как ты говоришь, — согласилась Тара. – Он предложил вернуть мне власть над моим телом. Сам он при этом становился наблюдателем, команды которого я должна была беспрекословно выполнять. Разумеется, я на это согласилась.

— Чей образ жизни вы вели? – спросил Сигурд. — Твой или духа?

— Скорее его, — ответила воительница. – Я по его указкам выискивала для него развлечения. Если вы позволите, то подробности я опущу. Поверьте, это было достаточно мерзко. Фантазии у этого существа совершенно безумные.

— Скажи хотя бы, в какой части города вы проводили время? – настаивал Сигурд.

— В кварталах бедняков. Там люди падки на золото. Ради одной монетки, они согласятся на что угодно. Иногда мы забредали на базар и в порт, но такое случалось редко. Дух очень боялся, что его обнаружат. Даже в своих развлечениях, он был вынужден себя ограничивать.

— Он предлагал тебе что-то конкретное, — спросил Сигурд, — а ты разубеждала его, говоря о возможной опасности?

— Он сам себя разубеждал, — ответила Тара. – Своего рода мысли вслух. Любил он этим делом заниматься. Раздражала меня эта его привычка просто неимоверно.

— То есть каждый день и каждую ночь вы проводили в новом месте? – продолжил задавать вопросы ванир.

— Нет. Ночевали мы здесь. У Бродо. Дух в первую же ночь потребовал, чтобы я соблазнила аргосца. Ему нравилось наблюдать за мной со стороны. Радовался, наверное, тому какую способную ученицу взрастил. А я ведь и вправду опыта за эти три дня набралась немалого. Так хорошо Бродо обработала, что он даже депеши в Луксур отправлять перестал. Вот только с каждым днем, с каждым колоколом мне становилось всё противнее и противнее. И дело не в том, на какие извращения меня подбивало существо, поселившееся в моей голове. Мне казалось, что я предаю весь род человеческий, являюсь пособницей наимерзопакостнейшей твари, которая только и ждет того момента, когда весь этот город провалиться в тартарары, а до тех пор старается оттянуться на полную катушку.

Девица горько усмехнулась и подмигнула Сигурд.

— Так что, рыжий, когда я встретила тебя, — сказала она, — и того здоровенного киммерийца, во мне что-то переклинило. Я решила, что должна помочь хоть кому-то, сделать напоследок доброе дело. И сказала вам то, что успела.

— Видишь, не напрасно, — улыбнулся Сигурд. – Добрые дела вознаграждаются. Ты хотела спасти нас, а мы спасли тебя.

— Странно слышать подобные вещи от пирата, — рассмеялась Тара. Перевалившись на край кровати, она взяла кувшин с вином, проигнорировала бокал и начала пить прямо из горлышка. – Духу мой поступок очень не понравился. Он решил, что слишком засиделся в моем теле. Вновь он выгнал меня на задворки моего сознания. Я могла лишь наблюдать за тем, как он перебирает мои воспоминания, выискивая для себя подходящее тело. В конце концов он остановил свой выбор на двух вольных наймитах. Они, подобно мне, совершали заказные убийства, вот только работать предпочитала на частных лиц. Мерзкие типы. Совершенно без принципов. Служат тому, кто больше платит.

— И где он собирался их искать? – спросил Сигурд.

— У Бродо, — ответила девица. Потом несколько мгновений наслаждалась произведенным эффектом. – Они заказали у аргосца два десятка метательных кинжалов. Бродо славится своими умениями в деле изготовлениях метательного оружия. Он настоящий мастер. Сегодня днем они должны были придти к нему в лавку за своим заказом.

Черс позеленел. Наконец выяснилось, с кем он имел сегодня днем беседу.

— Там их и должен был встретиться наш дух, — продолжала девица, не заметившая реакции юнги. – Всё ещё в моем теле. Он намеревался заманить их в лавку. Затем прикончить меня и одного наймита. Сам же планировал занять тело другого. Потом была очередь Бродо отправиться на прогулку на Серые Равнины. Этот ублюдок еще имел наглость консультироваться у меня, как это всё провернуть незаметно для окружающих. Я сходила с ума от ненависти, силилась выкинуть его прочь из моего сознания. Он же наслаждался моим гневом. И самое противное, что моё тело реагировало на это его ощущение.

— Он придумал, как остаться незамеченным? — спросил Сигурд, пропустив мимо ушей гневную тираду девушки.

— Нет, — ответила воительница. – Он не слишком сообразителен. А в делах кроваво-тайных вообще полный профан. Если бы он не догадался, как скрыть факт убийства на базаре, то на обмен тел бы не решился. Мне, правда, от этого легче бы не стало. От моей оболочки он собирался избавиться в любом случае.

— Ты стала слишком опасной? – предположил Сигурд.

— Ему надоело однообразие! – почти одновременно с ваниром произнес Коратцо.

Тара в очередной раз нехорошо посмотрела на духа Камня, но, подумав, согласно кивнула.

— Рыжий, твой товарищ прав, — сказала она. – Я ничего не могла ему сделать. От комариного укуса вреда было бы больше, чем от моих потуг выкинуть его из своей головы. Ему приелись те ощущения, что он испытывал в моем теле. Захотелось чего-то новенького.

— Как думаешь, он отступился от идеи преследования наймитов? – спросил Коратцо.

— Кто знает? – пожала плечами девушка. Движение вышло неудачным и рана мгновенно отозвалась болью. Тара скривилась. – Возможно, он выберет своей жертвой «лилового» или какого-нибудь пирата поздоровее. Ему нужно тело, в котором он мог бы чувствовать себя в безопасности.

— Итак мы имеем, — подвел итог Сигурд. – Место вероятного пребывания нашего духа – бедняцкие кварталы. Тело – воин, пират или конфидент. Учитывая его склонности, это уже немало. Для начала поисков должно хватить.

Коратцо согласно кивнул. Поиски брата-любовника становились первостепенной задачей. Слишком много тайн с ним связано. С магом можно будет разобраться потом. Когда капитан Конан нанесет визит в поместье Хозяев.

— Если вы не возражаете, — обратилась Тара к трем мужчинам, — я немного отдохну. Плохо себя чувствую. Обещаю утром помочь вам в составлении плана поисков. У меня к этой твари есть пара должков.

— Конечно, отдыхай, — сказал Сигурд.

Черс пробурчал что-то непонятное, вроде «приятного отдыха».

— Сладких снов, — пожелал девице Коратцо.

Дух не пожалел заклинания, которое бы оповещало его о том, что девушка покинула комнату. Сделать это она могла, разумеется, только через дверь. На окне давным-давно лежала колдовская печать.

Глава 10.
«О реальности иллюзий»

Юноша был изрядно навеселе. Его шатало. Он орал в полный голос песню, где главный герой обещал больше никогда не пить и не принимать выжимку из лотоса. Друзья его за это называли предателем.

Слуха у парня не было никакого, зато желание донести глубинный смысл песни до окружающих присутствовало в полной мере. Фраза товарищей главного героя «ты всех нас предал» разносилась на добрую половину Сартоса.

— Заткнись! – раздалось крик из окна над головой юноши.

— Пошли к Нергалу! – отозвался молодчик и продолжил пение.

Одет парень был вполне себе прилично. Дорогая рубаха, штаны. На поясе покачивался отделанный драгоценными камнями кинжал. По соседству с ним располагался набитый монетами кошель.

Монтейро не спеша брел вслед за юнцом. Митрианец по-хорошему ему завидовал. Ему самому было не дано вот так напиться, брести неведомо куда и горланить песню, которую всего полколокола назад услышал в кабаке.

Монах заглянул в окно, из которого парня просили заткнуться. Никого. Полнейшая тишина. Монтейро не сомневался, что поднимись он наверх, обнаружит лишь пустой дом с обстановкой, покрытой многомесячным слоем пыли.

Настоящими в этом мире были только он и пьяный юнец.

Внезапно пение стихло. Монтейро насторожился. Он уже успел выучить слова песни наизусть. Парень остановился где-то посередине. Неспроста.

Митрианец в несколько шагов нагнал парня и встал по правую руку от него. Юноша на это никак не отреагировал.

Его внимание было приковано к человеку с арбалетом и двум его товарищам, выходившим из переулка.

Палец арбалетчика был приложен к губам. Парень, похоже, воспринял это, как очередную команду заткнуться, и на этот раз послушался. Потому песнь и замолкла.

Монтейро огляделся по сторонам. Обнаружил деревянную бочку у одного из домов. На неё и уселся. Отсюда открывался отличный вид. Митрианец собирался насладиться представлением. Благо, разыгрывалось оно именно для него.

Дружки арбалетчика приблизились к парню. Одеты они были в жалкие лохмотья, кинжалы в их руках разве что не заржавели. Глаза обоих явно страдали от какой-то болезни. Из них вытекала мерзкая слизь, вызвавшая у Монейро рвотные порывы.

Арбалетчик не был столь отвратен. Лицо у него не выглядело болезненным и осанка была крепкая. Рвань, которую он носил, скорее всего являлась данью местной моде. Монтейро уже сообразил, что оказался в одном из бедняцких кварталов Сартоса.

— Давай сюда кошель, юноша, — потребовал один из подручных.

После этой фразы он зашелся в приступе кашля.

Молодчик явно колебался. Правая рука его так и тянулась к кинжалу, но арбалет в руках противника был весомым аргументом. Он снял с пояса кошель и бросил его под ноги грабителям.

Те одновременно бросились на него, силясь первыми завладеть золотом. Сцена выглядела

настолько комично, что Монтейро расхохотался. Больше никто из присутствующих его веселья разделить не пожелал.

— Теперь ножичек и одежду, — продолжил излагать свои требования подручный.

Монтейро не сомневался в том, какая реакция последует на эти слова. Мирно встреча закончиться никак не могла. Иначе он бы здесь не появился.

Юноша медленно извлек из ножен кинжал, словно собирался вручить его похитителям. Те довольно заулыбались. Тогда юнец резко выпрыгнул вперед, рубанув по горлу одного из болезненных. Второго схватил за шею и прикрылся им, как щитом.

— Думаешь, я его пожалею? – это были первые слова, которые произнес арбалетчик. Голос у него оказался невероятно низким.

Через мгновение арбалетный болт впился в шею плененного грабителя. Юноша не сумел удержать внезапно потяжелевшее тело. Он стоял с окровавленным кинжалом в руке и глупо смотрел на перезаряжающего свое оружие арбалетчика.

Грабитель усмехнулся и выстрелил. Молодчик осел на землю. Монтейро подумал, что песня оказалась пророческой. Выпить еще разок ему и впрямь было не суждено.

Арбалетчик неторопливой походкой приблизился к юноше. Склонился, достал из-за пазухи нож, чтобы срезать кошель с пояса. В этот миг правая рука юноши взметнулась в направлении грабителя. Кинжал, находившийся в ней, пронзил арбалетчику горло.

Митрианец спрыгнул со своей бочки и подошел к месту побоища. Все грабители были мертвы. Юноша еще дышал, но судя по ране в груди, жить ему осталось недолго.

Всё, как всегда.

Сейчас должно опять начаться.

Мир померк, погрузился в темноту.

В висках митрианца зародилась боль.

Вскоре она достигла своего апогея и пошла на убыль.

Из темноты возник свет.

Монтейро очутился в богато обставленной комнате. На полу лежали пушистые туранские ковры. Такие зингарец видел только на гравюрах, повествующих о растлевающем действии накопления золотых запасов. Стены были отделаны различными земными каменьями. Митрианин не знал их названий, но на его восхищении работой неизвестных мастеров это никак не отразилось. Он и подумать не мог, что подобную красоту можно сотворить, не обращаясь к помощи злата, серебра и драгоценных камней.

На потолке раскачивалась огромная бронзовая люстра, на которой было установлено никак не меньше четырех десятков свечей. Но сейчас в них не было нужды. Солнечные лучи без труда проникали внутрь комнаты через два широченных окна.

Столь обильное освещение пришлось очень кстати. Монтейро хотелось повнимательней рассмотреть висевшие на стенах картины. Если видения неизбежны, то почему не начать получать от них удовольствие.

Представленные в комнате творения живописцев внушительными размерами не отличались. Это Монтейро записал им в плюс. Он с содроганием вспоминал виденные им в Кордаве полотна. Гигантские, с обилием обнаженной человеческой плоти на холсте, написанные омерзительно яркими красками. Они вызывали лишь одно желание – отвернуться.

Авторы местных гравюр по большей части оказались любителями красот дикой природы. Джунгли, водопады, океан, лес в лучах закатного солнца. Монтейро не понимал всей прелести этой живописи, но чувствовал, что она прекрасно, а потому восхищался ею.

Короткий всхлип заставил монаха отпрянуть от полотен.

В углу комнаты сидел маленький мальчик девяти-десяти лет. Он сжался в комок и тихо плакал. Обитатель комнаты казался таким несчастным и ничтожным, что возникало ощущение, что он вот-вот растворится в безграничном море пушистого туранского ковра.

Монтейро понял, что именно из-за этого мальчика его сюда и занесло.

Тут монахом завладело непреодолимое желание распахнуть двери этой прекрасной комнаты и направить свои стопы в соседнее помещение. Противиться Монтейро не стал. Кто знает, чем может отплатить иллюзорный мир за неповиновение.

Вот только двери распахнуть не получилось. Они, подобно многим вещам в видениях, преследовавших монаха, были неосязаемы. Пришлось уподобиться призраку и просто-напросто пройти сквозь препятствие.

Новая комната оказалось столь же богатой и опрятной, как и предыдущая. Только в её оформлении преобладали уже не нежно-голубые тона, а желтовато-оранжевые. Это придавало обстановке чуть больше жизни. А может дело было не в самой комнате, а в её обитателях.

У окна в резном деревянном кресле сидел мужчина средних лет. Монтейро он показался красивым. Темные волосы, орлиный нос, волевой подбородок. Но поза мужчины внешности не соответствовала. Как мальчик вжимался в ковер, так он вжался в кресло.

Вторым живым существом, не считая Монтейро, была небольшого роста женщина. Монах немного подумал и решил, что он правильно подобрал определение. Хозяйка дома, а в том, что это именно она, можно было не сомневаться, несколько лет назад вышла из того возраста, когда её следовало именовать девушкой. Но красоты она не утратила, а огню, горевшему в её голубых глазах, позавидовали бы многие.

— Пора принимать решение, — сказала хозяйка.

В голосе её слышался яд. Монтейро уже встречал обладателей подобных голосов. Они приходили охотно на исповедь и честно каялись во всех своих прегрешениях, зная, что монах под страхом смерти не выдаст их тайну. Нет, они не сожалели о своих деяниях. Просто они стремились обмануть Пресветлого, как обманывали всех окружающих.

— Мы себе этого никогда не простим, — отозвался мужчина.

Монах не сомневался, что он уже сдался. Правда, пока не известно чему, но выяснить это вопрос времени.

— Нельзя останавливаться на полдороги, любовь моя.

— Если бы я мог, то повернул бы время вспять.

— Не глупи. Ты же никогда не любил его мать. Она была страшна собой и ужасно невоспитанна.

В дверь раздался стук.

— Заходите! – дала разрешение хозяйка.

— Обед для молодого графа, — произнесла вошедшая в комнату старуха. В руках она держала поднос с супом, жареной птицей с овощами и кувшином с неизвестным напитком.

— Оставьте здесь, — велела хозяйка. – Я сама покормлю графа.

Старуха поставила поднос на стол, поклонилась и вышла прочь.

— Ты готов? – спросила хозяйка и у мужчины.

Он смолчал.

Тогда женщина подошла к шкафу, стоявшему у одной из стен, выдвинула маленький, незаметный ящичек и достала из него флакон с фиолетовой жидкостью.

— Постой! – выкрикнул мужчина, когда хозяйка собиралась проронить первые капли зелья на графский обед.

— Он же даже не твой сын.

— Иногда мне кажется, что я люблю его, как своего.
— А мне иногда кажется, что ты не любишь меня.
— Как ты могла такое подумать?!
— Тогда решайся.
— Хорошо.

Мужчина кивнул и закрыл глаза.

И вновь красок не стало.
Темнота.
Боль.
Сильнее.
Еще сильнее. Уже почти невыносимо.
Становится легче. Можно дышать.
Появился свет.

Начало нового видения вышло неожиданным. Очнувшись, Монтейро обнаружил себя в седле пегого жеребца, который спокойно трусил по дороге, ведущей в джунгли. Монах потрепал гриву лошади, чтобы убедиться в её непрозрачности. Рука ощутила самый обыкновенный конский волос. Проходить сквозь него она не желала.

— Хороший, — обратился Монтейро к коню.

Прежде ему редко доводилось ездить верхом, но сейчас он был уверен, что с ним ничего плохого не случится. Он здесь лишь наблюдатель.

Монах покачивался в седле и глазел по сторонам. Направлять коня он не собирался, да и вряд ли ему такое позволят.

По небу бежали редкие перистые облака. Со стороны Сартоса дул свежий ветер. Доносилось щебетание птиц. Монтейро расслабился, отпустил вожжи и стал наслаждаться единением с природой. По опыту предыдущих видений он знал, что на это занятие ему отпущено от силы полколокола.

Конь медленно, но верно приближался к границе джунглей. Где-то здесь должны были находиться главные герои грядущего представления.

Монтейро прикинул, что будет, если он просто откажется от просмотра. Заткнет уши и отвернется. Зачем портить столь прекрасный день очередной кровопролитной сценой? Стоило всерьез начать обдумывать эту перспективу, как его собственное тело отказалось ему служить. Он не мог пошевелить ни руками, ни ногами, ни головой. Глаза смотрели в строго заданную точку.

Но вскоре это оцепенение воли спало. Видение показало митрианцу, кто здесь главный. Его сюда не птичек слушать привели, а на горе человеческое смотреть.

Непосредственным его выражением, видимо, суждено было стать парню, ехавшему на гнедой кобыле в десятке шагов впереди него. Монтейро точно помнил, что еще несколько мгновений назад этого всадника здесь и в помине не было.

Парень, подобно митрианцу, никуда не спешил и наслаждался погожим деньком. Монтейро быстро догнал его. Монах возжелал первым углядеть опасность, подстерегающую его призрачного спутника. Навряд ли это будут разбойники. Парень одет был бедно, взять с него явно нечего. Разве что кобылу, да и на ту редкий грабитель позарится. Больно уж худа. Скорее всего из зарослей выскочит какой-нибудь хищник и загрызет несчастного всадника.

Но и это предположение оказалось ошибочным.

Пред взором путников возник раненый воин, лежащий на краю дороги. Дорогой начищенный доспех несчастного был пробит ударом то ли меча, то ли топора. Из раны вытекло море крови. Странно, что бедняга был еще жив.

Парень соскочил со своей кобылы и бросился к раненому. Тот застонал, увидев приближающегося человека. Спутник Монтейро начал было перевязывать рану куском ткани, оторванным от рубахи, но воин остановил его.

— Я уже покойник, — проговорил он.

Митрианец спешился и подошел поближе. Ему хотелось послушать разговор.

— Не хорони себя раньше времени, — бойко проговорил парень и сжал руку воина. – Я приведу помощь. Тебя вылечат.

Воин закашлялся. Только как-то странно. Внезапно Монтейро понял, что это он так смеется.

— Я повидал много ран парень, — прохрипел воитель. – Меня уже не спасти. А если хочешь мне помочь, выполни мою последнюю просьбу.

— Да, конечно, — кивнул парень. У него в глазах стояли слезы. Казалось, ему было невыносимо больно смотреть, как смиренно принимает смерть этот человек. – Что угодно.

— Сними с моей правой руки перчатку, — сказал воин. Слова с неохотой срывались с его языка. Тело раненого просилось на Серые Равнины.

Парень исполнил просьбу.

Воин стащил с одного из своих пальцев золотой перстень с огромным изумрудом и вложил его в руку парня.

— Это наша фамильная драгоценность, — объяснил он. – Отыщи в Сартосе моего сына и отдай ему перстень. Его зовут Хосе Тьяго. Обещай, что исполнишь! Поклянись!

Воин так сильно сжал кисть парня, что тот чуть не заорал от боли.

— Клянусь Сетом, — сказал он.

Воин ему поверил.

Монтейро тоже.

— Теперь возьми мой меч, — сказал воин, — и добей меня. Не хочу подыхать, как собака…

Парень подобрал с земли оружие несчастного. Монтейро удивился, почему люди, одолевшие воина, оставили такой прекрасный меч валяться на земле. За него можно было выручить немало золота. Одни камни на эфесе тянули на приличную сумму.

— Бей, — произнес воин. На устах его застыла улыбка.

Парень держал меч неумело. Во всяком случае, так показалось Монтейро. Но удар вышел, что надо. Видимо оружие решило сослужить последнюю службу своему хозяину.

— Вот ты и попался, разбойник!

Монтейро и парень одновременно обернулись на звук голоса, исполненного праведного торжества.

На дороге стояло четверо всадников в форме стражей Сартоса. На шлеме одного из них была повязана лиловая ленточка. По самодовольной ухмылке, блуждавшей на его лице, становилось понятно, что говорил именно он.

— Думал, можешь безнаказанно грабить и убивать несчастных путников?! Брось меч на землю!

— Я никого не грабил, ваша милость, — только и проговорил парень.

— Брось меч, тебе сказали! – гаркнул один из всадников, наводя на беднягу арбалет.

Парень позеленел от страха. Руки его не слушались. Казалось, он хотел отпустить меч, но был не в силах этого сделать.

— Вы меня с кем-то перепутали, — пролепетал он. – Я только исполнил просьбу этого

несчастного.

— Мы всё прекрасно видели, – сказал «лиловый». – Сначала ты заставил отдать его перстень. Видимо, знал, что лишь расстаться с ним можно лишь добровольно. Когда драгоценность оказалась в твоих лапах, ты его прикончил.

— Всё было не так…

— Ври больше! Целый месяц от нас бегал. Теперь понятно, как ты жертвы заманивал. Прикидывался этаким оборванцем, а потом безжалостно расправлялся с поверившими тебе людьми. Только тебе следовало бы подумать, кому ты бросаешь вызов! Хозяева снабдили нас заклятьем «скрытности», и вот результат. Проследуешь с нами добровольно в городскую тюрьму?

— Я никого не убивал.

— Приветствую твой выбор, — с улыбкой произнес «лиловый», извлекая из ножен меч. – Я тоже считаю, что ни к чему нам эти судебные разбирательства.

Страж залихватски гикнул и направил лошадь на замершего в оцепенении парня. Взмах меча, и голова несчастного навсегда распрощалась с телом.

Нет красок. Нет ничего вокруг.

Только боль и ожидание того мгновенья, когда её не станет.

Тьма стала гуще, а боль еще сильнее.

И вот покой и свет.

Монтейро очнулся на жесткой лежанке. Сквозь маленькое окошко в его келью проникали лучи солнца и освещали лицо молодого монаха. Оно было неестественно бледным. Щеки впали, губы потрескались. На висках появилась седина.

Монах встал и заглянул в кувшин, в котором держал воду. На самом дне осталось еще немного вожделенной жидкости. Зингарец жадно поглотил её. Затем снова залез на лежанку и укутался в одеяло. Его бил озноб.

Он лежал свернувшись калачиком, голова вжата в плечи, руки обнимают колени.

Вновь и вновь перед взором зингарца возникали любитель песен и вина, маленький мальчик, вжавшийся в ковер, несчастный бедняк, по нелепой ошибке, сложивший голову. Все они были реальными людьми и им можно было помочь. Но это очередной шаг к безумию. Если он подчинится видениям, то уподобит тебя тем умалишенным братьям, что скитаются по улицам Сартоса, творя добро во имя Митры и по его велению.

Но они не люди, а он, Монтейро, пока еще человек.

Время шло, а зингарцу было всё страшнее и страшнее. Одиночество стало невыносимым.

Он поднялся, вышел из кельи и побрел сам не зная куда. Когда к нему вернулась способность думать, он понял, что очутился в исповедальне. Перед ним сидел отец-настоятель.

— О чем ты хотел поговорить, сын мой? — обратился он к зингарцу. – Я тебя внимательно слушаю.

— Я в смятении, — признался Монтейро. – Безумие рядом, оно зовет меня к себе.

— Ответ один, — сказал настоятель. Голос его был по-отечески добрым. – Молись, и Митра дарует тебе спасение. Я верю, что проклятье обойдет тебя стороной.

Монтейро внимательно посмотрел на старика. Ему показалось, что настоятель знает истину. Надо только схватить его и хорошенько тряхануть.

Рука настоятеля легла на плечо молодого монаха. И, о чудо! Ярость погасла, осталась лишь усталость.

— Я знаю, как тебе сейчас тяжело, — проговорил старик. – Но ты должен бороться. В тебе

есть силы, чтобы нести свет Митры людям. Ты нужен этому миру.

И вновь настроение монаха резко поменялось. Он стал таким же холодным и рассудительным, каким был в своих видениях.

— Сколько раз ты говорил эти слова? – презрительно бросил он настоятелю. – Ответь, сколько таких несчастных сидело перед тобой и умоляло о помощи? Ты всем им отвечал одно и то же. Те, кто сохранял рассудок, верили в твоё заступничество перед ними. Безумцам же было уже всё равно.

— Подави свой гнев, сын мой, — грозно произнес старик. – Я ни на миг не переставал молиться за спасение всех братьев, сосланных на Побережье.

— Толку от твоих молитв! — усмехнулся зингарец. – Не ври хоть самому себе. И вообще иди отсюда! Тебе пора принимать товары у своего знакомого с базара.

Настоятель побледнел. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова. Лишь замахнулся кулаком на Монтейро… и вышел вон.

Зингарец ошарашено смотрел ему вслед. Он сам не мог поверить в свои слова. Трудно представить, какая теперь жизнь ждет его в дальнейшем. Впрочем, что толку рассуждать? Послезавтра Монтейро станет совершенно иным существом, которому не будет никакого дело до храма Митры в Сартосе, обители и её настоятеля.

Он уже собирался покинуть исповедальню, как почувствовал странную пульсацию в висках. Боли не было, лишь легкий туман возник перед глазами. Закружилась голова. Зингарец почувствовал, что падает в бездонную пропасть.

И снова была тьма.

За ней пришел свет.

Монах очутился в небольшом домике. Стены были деревянные, как и большая часть обстановки. В доме было светло, хотя окон и не было. Лампы или какого иного светильника Монтейро тоже не обнаружил.

Хотя он и не искал. Всё его внимание было приковано к человеку, сидящему на длинной деревянной лавке. Это был митрианский монах как две капли воды похожий на Монтейро.

— Здравствуй, — сказал он. – Усаживайся напротив, нам есть, о чем поговорить.

Монтейро коротко кивнул двойнику и воспользовался предложением.

— Так гораздо лучше, — улыбнулся монах из деревянного дома.

— Кто ты? – спросил его Монтейро.

— Тот, кто лучше всего тебя понимает, — ответил двойник. – Ты же хотел получить совет. Кого еще спрашивать как не самого себя?

— Ты знаешь, что со мной происходит? – Монтейро внимательно изучал свое лицо и ужасался тому, как он изменился за прошедшие сутки.

— С тобой не всё в порядке, — уклончиво ответил двойник.

— Это я и сам знаю, — рассмеялся зингарец. Он уже понемногу привык сходить с ума. – Очень скоро я стану одним из местных дурачков. Приезжие будут смеяться надо мной, а мальчишки забрасывать камнями.

— Тебе противна эта участь? – монах-видение говорил без всякой иронии. – Ты же считаешь блаженных слугами Митры.

Монтейро задумался над ответом. Ему казалось, что и впрямь единственным человеком, способным вразумить его и направить, является этот самый двойник. Пусть он лишь игра больного воображения. Но если его рассудок способен нормально работать только в таких условиях, значит иного выхода нет, придется вести беседы с самим собой в деревянном доме.

— Это не моя судьба, — сказал Монтейро. – Я не желал становиться монахом. Меня направил случай.

— Ты уверен? – спросил двойник. – Быть может сам Митра привел ту женщину в вашу обитель, чтобы направить к свету одного из своих слуг.

— Нет, — уверено ответил зингарец. – Я совершил ошибку, поддался чувствам и сейчас расплачиваюсь за это.

— Тем не менее ты принес клятвы, — настаивал монах. – Ты обещал нести свет Митры людям, что бы ни случилось. Твоя вера должна быть непоколебима.

— Как я могу верить в того, кто отвернулся от меня? – спросил Монтейро. – Почему Пресветлый позволяет слугам Змея так издеваться над нами? Мы гибнем здесь по воле людей, а не богов.

— Почему гибнем? – удивился монах.

— Потому что смерть лучше, чем то существование, что мне придется влачить.

— Кто знает? Срок еще не настал. Откуда такая уверенность, что ты падешь жертвой проклятья?

— А как иначе объяснить все эти видения? – спросил Монтейро. – Разве нормальный человек может запросто болтать со своим двойником, сидя неизвестно где?

— Что ты имеешь в виду, говоря нормальный? – поинтересовался монах.

— Ты уходишь от ответа, — сказал Монтейро. – Будучи мной, ты не можешь быть не в курсе моих представлений о нормальности.

— И всё-таки, — настаивал двойник. — Нормален ли отец-настоятель, что зарабатывает деньги наглым обманом? А те люди, что согласились принять условия стигийского проклятья? Считаешь их поведение нормальным?

— Это иное, — отмахнулся Монтейро.

— Я так не считаю, — сказал двойник. – По мне они ни чем не лучше тех безумцев, участь которых ты так боишься разделить. Они в сто крат хуже. Будучи призванными нести миру добро, они сеют зло вокруг себя.

— Но я же не таков, — ответил зингарец.

— Уверен? – спросил его монах. – Ты же не желаешь стать тем существом, что служит людям и Пресветлому. Где твоя готовность жертвовать собой, митрианец?

— Может я больше пользы принесу, оставаясь самим собой?

— Ну-ну, — усмехнулся двойник. – Давай-ка припомним, когда ты совершал добрые дела. Только не надо мне говорить о мелочах. Я хочу услышать о тех случаях, которые заметил мир.

Монтейро задумался. Получалось, что он на самом деле прожил абсолютно никчемную жизнь. Зацепиться было почти не за что.

— Я молился за девушку в ночь перед посвящением.

— Хорошо. А еще?

Больше ничего на ум не шло. Разве что…

— Вчера я спас ребенка из огня! – ответил зингарец.

— Не может быть, — рассмеялся двойник. – Целых два поступка. Немногие люди совершают столько.

— У меня не было шанса, — развел руками Монтейро.

— Теперь он у тебя есть, — ответил монах. – Ты сможешь творить добро всю оставшуюся жизнь. Надо лишь найти в себе силы, чтобы принять этот дар и не сгубить душу за оставшиеся дни.

— Я не смогу, — честно ответил Монтейро.

— Вспомни, что ты чувствовал, когда выносил девочку из горящего дома. Радость, восторг, торжество. Слов недостаточно, чтобы передать всю ту полноту ощущений. Ты перестал быть одним из тех «нормальных», что сеют зло вокруг себя.

— Ты знаешь, каково это, быть одним из… них?

— Я знаю только то, — ответил двойник, — что знаешь ты. Мне кажется, что твое миропонимание постепенно приближаются к тому, как видят они. Это не так и страшно.

— Ты думаешь, я уже не человек? – спросил Монтейро.

— Ты на пути, — ответил двойник. – Вчера ты сделал первый шаг. Совершил доброе дело – спас девочку. Теперь ты можешь сделать второй, третий и четвертый. Молодой человек, мальчик и бедняк. Их жизни в твоих руках.

— Все блаженные прошли через это? – дрожащим голосом вопросил зингарец.

— Не знаю, — пожал плечами монах. – Я могу лишь предполагать. Митра – милостивый бог. Он дает тебе шанс спасти от смерти всех этих людей и одновременно приблизиться к новому существованию. Ты почувствуешь, что значит творить добро, и через это, возможно, придешь к пониманию и принятию нового бытия.

— А есть ли путь назад?

— Боюсь, что нет. Лично мне не доводилось слышать о монахах с Побережья, которых преследовали бы видения.

— Значит, у меня нет выбора?

— Похоже на то, — ответил двойник. – Но ты и сам это прекрасно знаешь. Я – это ты, Монтейро.

Эхо подхватило слова монаха и закружило их по комнате. Зингарец знал, что такого не бывает, но поделать с этим ничего не мог.

Как не мог остановить и своё падение в темную-темную пропасть.

Но страха уже не было. Полеты во тьме стали привычным делом.

Несколько раздражало отсутствие боли.

От новизны Монтейро добра не ждал.

В исповедальне он сидел по-прежнему один. Освещенная двумя десятками лампад у дальней стены возвышалась огромная статуя Пресветлого. Митра словно пытался заглянуть в глаза молодому монаху.

Монтейро сплюнул и отвернулся.

Выхода нет.

Слова монаха из деревянного дома звучали невыносимо логично. Выводы его были неопровержимы. Можно сколько угодно метаться в застенках обители, исправить ничего нельзя. Оставалось только смириться и пойти творить добрые дела.

Времени в запасе было не так и много. Девочку он еле-еле успел вытащить из объятого пламенем дома. Надо спешить, иначе юнец падет жертвой грабителей.

Монтейро бегом направился к выходу из обители, отбрасывая прочь монахов, попадавшихся ему на пути.

Бежать.

Скорее.

Быстрее.

Обязательно надо успеть найти юношу.

Найти и убить ублюдка! Сделать так, чтобы перед смертью он помучился! Арбалетный болт – эта слишком большая милость для такого негодяя. Он должен поплатиться за то, что посягнул на рассудок Монтейро.

Кто-то случайно подставил монаху подножку. Зингарец пролетел вперед несколько шагов и растянулся на земле.

— Простите, пожалуйста, — обратился к нему средних лет мужчина, протягивая руку. – Я не специально. Просто вы так неожиданно выскочили.

— Ничего, — сказал Монтейро, принимая помощь. – Всё в порядке. Вы даже оказали мне услугу.

Мужчина непонимающе посмотрел на него, пожал плечами и скрылся в толпе.

Монах стряхнул пыль с одежды и растер ушибленный локоть. Если бы не это столкновение, с него бы и впрямь сталось найти того парня и сотворить с ним что-нибудь несусветное. А ведь бедняга ни в чем не виноват. Мало того, ему и так предстоит погибнуть.

Внезапно Монтейро вспомнились слова-отца настоятеля о том, что обязательно надо во что-нибудь верить. Зингарец вовсе не желал закончить жизнь в петле с вытянутым языком, а ведь всё шло именно к этому.

Не может такого быть, чтобы выхода не было. Просто надо хорошенько подумать.

Монтейро пожелал вновь оказаться в деревянном доме. Беседа с двойником многое прояснила. Если правильно задавать вопросы, то можно дойти до сути самых запутанных вещей.

Зингарец попытался представить тьму, падение, боль, двойника. Но мир упорно не желал меняться. Видения появлялись и исчезали, следуя лишь своему загадочному ритму.

Но тот монах сказал, что он и есть Монтейро. Обстановка и прочее – это лишь его фантазии, декорации, которые служат для того, чтобы облегчить понимание происходящего. Но ведь можно обойтись и без них.

Там был один Монтейро и здесь он тоже один.

Как можно избавиться от проклятья? Раз за разом он задавал себе этот вопрос, бредя по улице в неизвестном направлении. Монтейро силился понять, как надлежит себя вести в той ситуации, в которую он попал. Следовать указаниям видение глупо. Это прямой путь в когорту блаженных. Шаг за шагом.

Можно, конечно, просто игнорировать видения, но опять же нельзя не отметить правоту двойника. Наверняка, подобным образом поступали и до него, но что-то слухов о чудесном спасении по обители не ходило.

«А если и вправду убить всех этих людей? — подумал Монтейро. – Возможно, Митра сочтет меня негодным для служения».

Додумать эту мысль зингарец не успел. Внезапно он понял, где выход.

Надо просто обратиться к тем, кто наложил проклятье. Оно же рукотворное! Его создали Хозяева, чтобы покарать митриан, участвовавших в древнем восстании.

Они спасут его. Надо лишь предложить достаточно высокую цену. Монтейро не знал, что запросят стигийцы в обмен на спасение его разума. Но его это и не волновало. Он был готов отдать всё.

Зингарец начал оглядываться по сторонам, стараясь понять, в какую часть города он забрел. Но у него ничего не выходило Мысль о возможном спасении столь сильно разгорелась в голове монаха, что затмила собой все остальные. Монтейро уже ничего не соображал. Он смотрел на дома, людей, на небо и не видел ничего.

Кто-то подошел к нему, взял за руку и отвел в тень.

Там Монтейро начал понемногу приходить в себя. Мир вокруг вновь стал узнаваем.

Красивые дома за высокими заборами, множество «лиловых», слонявшихся вроде как без дела, и ни одного бедняка. Это мог быть только купеческий район. Отсюда до поместья Хозяев Побережья не так и далеко.

Зингарец быстрым шагом направился к своей цели. Потом не выдержал и перешел на бег. Лица людей, бредущих навстречу, мелькали с калейдоскопической быстротой. Силы подошли к исходу, когда до поместья оставалось всего несколько кварталов. И только тут Монтейро понял,

как бы глупо он выглядел, представ перед магами весь в поту и с одышкой.

Монтейро отыскал взглядом небольшой тенистый переулок и счел его походящим местом для короткого отдыха. Зингарец зашел туда, прислонился спиной к стене одного из домов и закатил глаза. Здесь было хорошо. Нет палящего солнца, нет толчеи и нет проклятья. Только тень и покой.

Усталость постепенно оставляла монаха. Он чувствовал, что готов продолжить путь. Но прежде надлежало привести себя в подобающий вид. Монтейро долго очищал пыль с одежды, расправлял складки. Потом пытался причесаться при помощи рук. Вышло плохо, но лучше, чем ничего.

Довольный собой, зингарец вышел из укрытия. Тут же заметил, что вокруг полным-полно магов. Как только он их раньше не заметил?! Хозяева выглядели очень озабоченно и, судя по всему, к беседам склонности не имели.

Монтейро рассудил, что это должно быть подмастерья. С ними и смысла не было разговоры заводить. Ему нужен кто-нибудь из старших магов. Зингарец уверенной поступью направился к поместью. Подмастерья бегло оглядывали его, тихо выговаривали себе под нос что-то нецензурное и отворачивались. Монтейро такое их поведение насторожило. На людях последователи культов Митры и Сета вели себя исключительно мирно и доброжелательно, достоинства своего не унижали. Все интриги были исключительно подковерными. А тут в него разве что не плевались.

Надо было с этим разобраться.

— Вы что-то хотели мне сказать? – вежливо обратился он к группе из четырех подмастерьев.

— Иди отсюда, полудурок! – сказал один из учеников магов и оттолкнул Монтейро от себя.

Зингарец собрался ему ответить, но потом сообразил, что его перепутали с блаженным. Ни один нормальный митрианец к логову сетовых выродков и близко не подойдет. Что ж, он уже не нормальный, ему можно.

Больше на кривые взгляды монах внимания не обращал.

У входа в поместье стояло на страже двое «лиловых», вооруженных секирами. К обязанностям своим они относились с прохладцей. Один, оперевшись на древко секиры, высвистывал какую-то незамысловатую мелодию. Второй вообще отставил оружие в стороны и болтал с маленьким зеленоглазым магом.

Монтейро подошел к этой троице.

— Могу я поговорить с кем-нибудь их Хозяев? – спросил он.

Зеленоглазый недоверчиво посмотрел на него.

— Сколько рыбы должен съесть дельфин, — поинтересовался он у Биреса, — чтобы в Тарантии ожила статуя Сигиберта Завоевателя?

— С вами всё в порядке? – вежливо узнал у мага Монтейро.

— Четыре раза по восемь? – проигнорировал вопрос зеленоглазый.

— Тридцать два, — не задумываясь выдал зингарец. – Может вам всё-таки пройти в тень?

— Кажется, нормальный, — произнес первый «лиловый».

— Ты ему в глаза посмотри, — посоветовал товарищу второй. – Сразу всё ясно станет.

— Тихо! – приказал стражникам маг и обратился к монаху. – Зачем вам Хозяева?

Монтейро с трудом сдержался, чтобы не ударить зеленоглазого. Маг даже не подумал извиниться за устроенную им проверку.

— Я хочу предложить им сделку, – сказал зингарец.

— Пару мгновений назад я решил, что вы нормальны, — ответил ему зеленоглазый. – Но вы, видимо, поставили своей целью удивить меня. Ваш случай и впрямь интересен. Остаточные

мыслительные способности в сочетании с болезненным бредом.

— Мне казалось, — сказал Монтейро, — что Хозяева рассматривают все поступающие к ним предложения.

— Митрианец, — обратился к монаху зеленоглазый, — ты понимаешь, что ты говоришь? Я бы посоветовал тебе сходить к лекарю. У тебя, похоже, серьезные проблемы с головой.

— Лекарь мне не поможет, — усмехнулся Монтейро. – Через два дня я окажусь под действием вашего проклятья.

Зеленоглазый маг в миг посерьезнел и, нахмурив лоб, погрузился в раздумья. Монтейро ждал, пока тот чего-нибудь решит. Стражники, почувствовав, что обстановка вышла за рамки дружеской, собрались, подтянулись, подобрали оружие на плечо и принялись активно глядеть по сторонам.

— В другое время, — наконец сказал зеленоглазый, — я бы велел тебе отправляться куда подальше. Но обстоятельства вынуждают меня согласиться на твоё предложение.

— Карфот, ты уверен? – спросил тот «лиловый», что до прихода Монтейро вел беседу с магом.

— Нет, но я готов рискнуть, — сказал зеленоглазый Карфот. – Митрианец, отправляйся в «Морского Змея». Поднимешься на второй этаж, найдешь пятую комнату слева. Дверь будет открыта. Сиди там и дожидайся человека по имени Рашил.

— Вы снимите с меня проклятье? – задал главный свой вопрос Монтейро.

Карфот застонал.

— Сниму, — ответил он. – Но своим поступком ты навлечешь на себя еще большие проблемы. Ты принес клятву Митре, а теперь собираешься его предать. Я не уверен, что Сет пожелает защитить тебя.

— Я уже сделал свой выбор, — твердо сказал зингарец.

— Дурак, — сказал «лиловый».

— Посмотрел бы я на тебя, — ответил ему второй, — окажись ты на его месте. Их сюда на убой привозят и ждут, что они будут вести себя, как мирные овечки. Сет оценит его смелость.

— Теперь тебе нет пути назад, — сказал Карфот зингарцу. – Я иду на немалый риск, и если ты меня подведешь, расплата будет ужасной.

— Не подведу, — ответил Монтейро.

Он был готов прыгать от радости. Его сдерживало лишь присутствие стигийцев. Он и представить себе не мог, что всё будет так просто.

— Отправляйся в таверну, — велел ему зеленоглазый. – Когда обговорите с Рашилом все детали, дашь ему немного своей крови. Сегодня вечером мы проведем обряд, и ты освободишься от проклятья.

Монтейро поблагодарил мага, кивнул головой на прощанье и собрался уходить.

— Постой, митрианец! – окрикнул его один из «лиловых». – В «Морском Змее» на тебя будут нехорошо коситься, но ты не обращай внимания. Той комнатой, в которую тебя послали, последователи твоего культа часто пользуются, как переговорной. На самом деле туда приводят молоденьких девочек и мальчиков. Считается, что это тайна, но на самом деле все в курсе.

— Спасибо, стерплю как-нибудь.

«Лиловый» расхохотался.

Монтейро еще раз попрощался со стигийцами.

На полпути к «Морскому Змею» слуха зингарца достигли подозрительно знакомые звуки. Он остановился, попытался понять, что это и откуда оно исходит. На второй вопрос ответ нашелся скоро. В доме по правую руку от Монтейро располагался один из местных маленьких кабачков. Этакое заведение «для своих». Моряков в подобные места не пускали, а они не сильно

и обижались, понимали, что жителям Сартоса иногда хочется отдохнуть от их общества.

Звуки же на поверку оказались мелодией. Монтейро недоумевал, где он мог слышать этот мотив. Музыкой он никогда не интересовался. Но тут дверь кабака отворилось и до зингарца донеслись заветные слова «ты всех нас предал».

Вот и обнаружилось то заведение, где набрался вином юнец, которому суждено встретить разбойников. Монтейро осмотрел окрестные дома, пытаясь найти какой-нибудь знакомый по видению или хотя бы определить направление, в котором двигался юноша.

Вроде более менее похожие строения располагались в маленьком переулке, уходящем в сторону полуночи. Зингарец был уверен, что времени у него в обрез, потому долго колебаться он не стал и устремился в означенном направлении.

Однажды ему показалось, что он эхо донесло до него голос юноши. Монтейро прибавил шагу. И вот слова песни стали уже вполне различимыми. Глотка у парня была еще та. Смущало зингарца только то, что он не узнает окружающих его строений. В видении он следовал иным путем.

Еще он чувствовал, что не успевает. Парню оставалось спеть лишь пару строчек до того момента, когда он встретит грабителей.

И вот песня смолкла. Зингарец остановился, прислушался.

— Давай сюда кошель, юноша.

Голос бандита прозвучал совсем близко. Монтейро на цыпочках, стараясь не шуметь двинулся к месту предстоящей схватки. Ни на миг он не переставал шарить глазами по сторонам. Не хватало еще по глупости подвернуться под руку бандитам!

Монтейро осторожно заглянул за угол обветшалого дома. Так и есть, за ним скрывался арбалетчик. Как-то так получилось, что левая рука Монтейро сама по себе нашарила в кладке дома здоровенный готовый отвалиться камень. Монаху ничего не стоило подкрасться сзади к грабителю и аккуратно врезать ему по темечку.

— Думаешь, я его пожалею?

Сейчас или никогда!

Выбор был слишком очевиден. Арбалетный болт со смачным хрустом вонзились в грудную клетку несчастного юноши. Грабитель не спеша подошел к поверженному противнику, склонился над ним и через мгновение забился в агонии.

Монтейро достал камень из кладки. Подошел к еще живому юноше и дважды ударил его по голове. Парень затих. Дрожащими руками зингарец снял кошель с золотом с пояса мертвеца.

Монаху очень были нужны эти деньги. Он не ведал тех причин, по которым Карфот согласился на его предложение, но одно было очевидно. Сделал он это с большой неохотой, говорил о каком-то риске. Монтейро подозревал, что между стигийцами и местными митрианцами действует нечто вроде о договора о невмешательстве. Некое обязательство не шпионить друг за другом. Поэтому, когда надобность в Монтейро отпадет, Карфот постарается избавиться от нежелательного свидетеля. Зингарцу такой вариант развития событий был не по душе. Он собирался перехитрить стигийцев. Для начала следовало найти надежного волшебника, который продал бы ему хороший защитный амулет. Вряд ли Хозяева решатся использовать для его устранения какие-нибудь великие заклятья. Это может привлечь ненужное внимание. Значит, будет либо слабенькая магия, либо кинжал «лилового». От первого его и спасет амулет, а от наемных убийц он просто убежит. Сядет на корабль и уплывет куда глаза глядят. Золота юнца должно хватить на оплату проезда. Гнева Митры и Сета монах не боялся. Он уже давно понял, что богам до людей нет никакого дела.

Таскать с собой кошель зингарцу показалось неразумным. «Лиловые» могли сообразить что к чему. Лучше всего деньги припрятать до поры до времени.

Монтейро подобрал с земли послуживший ему орудием камень. Тайник он решил устроить в стене обветшалого дома, за которым не столь давно скрывался. При помощи кинжала, взятого с трупа одного из грабителей, он увеличил то отверстие, из которого вынул камень. Кладка сильно пострадала от времени, и работа протекала вполне споро. Когда зингарец счел углубление достаточным, он заложил в него кошель с монетами, а затем вернул камень на его законное место.

Монах придирчиво осмотрел получившийся тайник. Результатами работы остался доволен и поспешил прочь от места схватки юнца и разбойников. Монтейро не горел желанием разделить участь того бедняги, что взялся доставить кольцо сыну поверженного воина.

Очень некстати заболела голова. Только видений сейчас не хватало!

Краски стали блеклыми-блеклыми.

На мир опускалась тьма.

Боль стала привычно невыносимой.

Еще немного и откроется очередная история человеческого несчастья.

Солнце почти не изменило положения в небесах над Сартосом. Монтейро стоял посреди улицы. Еще ни в одном видении он не ощущал себя таким бестелесным. Люди, один за другим, проходили сквозь него. Чувство было очень неприятное.

К тому же совершенно не ясно, что здесь искать. Кто главный герой этого представления? Как выделить его среди десятков прохожих? Монтейро не терпелось поскорее разобраться с этим видением.

— Груши, спелые груши! – толстый торговец чинно вышагивал по середине улице.

Зингарец не сразу понял, чем этот человек привлек его внимание. Такой же призрак, как и все остальные.

— Покупайте груши! – настаивал толстяк – Отдаю почти задаром!

К нему подбежал мальчик лет семи и протянул медную монетку.

— Дайте мне одну, — попросил он торговца. – Самую сладкую.

— Конечно, — ответил толстяк, выбрал из своего короба самый большой и спелый плод и отдал его мальчишке.

— Спасибо, — поблагодарил торговца паренек.

Тут до Монтейро наконец дошло, что эти двое были единственными из призраков, кто хоть что-то говорил. Остальные открывали рты, но звуков не издавали.

Оставалось выяснить, кому из этих двоих суждено умереть на глазах Монтейро. Пути торговца и мальчишки стремительно расходились. Надо было быстрее решать. Зингарец наугад выбрал мальчика. Если он ошибся, видение скорее всего направит его на путь истинный.

«А вдруг они оба могли стать главными героями? – подумал Монтейро. – Но умереть суждено только тому, за кем я последую».

Монах попытался отыскать в толпе торговца грушами. Его жизнь представлялась зингарцу менее ценной. Улица, как назло, оказалась переполненной. Призраки спешили по своим делам и надежно скрывали толстяка. Монтейро уже сделал первый шаг в ту сторону, куда шествовал торговец, надеясь нагнать его, пользуясь своей бестелесностью, но в тот же миг мир развернулся. Зингарец, против своей воли, последовал за припрыгивающим на одной ноге мальчиком.

— Прости, пожалуйста, — сказал ему монах.

Мальчик смеялся, ел грушу, разговаривал сам с собой. Монтейро молча шел за ним. Выражение лица у монаха было самое траурное. Он знал, что смерть где-то рядом. Еще немного,

и она заберет с собой мальчишку.

Зингарец от злости скрежетал зубами. Как никогда, ему хотелось вмешаться. Или хотя бы ускорить события, ожидание становилось невыносимым.

Мальчик доел свою грушу и забросил огрызок на крышу одного из домов. Несколько прохожих погрозили ему пальцами и что-то сказали. Монтейро их слов не разобрал.

— Умирай же, наконец! – взмолился монах.

Словно в ответ на его просьбу мальчик остановился перед дверью красивого двухэтажного здания. Постучался. Из дома вышла красивая статная женщина и что-то сказала ребенку. Мальчик кивнул. Женщина опять его о чем-то спросила. Он в ответ рассмеялся. Монтейро заметил, как эти двое похожи друг на друга. Скорее всего, женщина – это мать мальчика.

Какое-то время они еще беседовали на пороге, а потом женщина взяла сына за руку и увела внутрь дома. Шел тот с явной неохотой.

Монтейро не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ними. Он сделал шаг к двери и приготовился пройти сквозь неё. Но она почему-то оказалось вполне осязаемой, равно как и стены. Видение не желало пускать Монтейро в дом.

Все это было очень необычно. Монах присел на корточки и стал ждать. Больше он ничего выбирать не будет.

Но долго отдыхать зингарцу не пришлось. Царившую тишину прорезало зловещее шипение. Источником его была змея. Извиваясь она подползла к большому глиняному кувшину, стоявшему у дома по соседству, и заползла внутрь.

Монтейро подошел поближе, желая знать, что будет дальше. За жизнь свою он не волновался. Видения не ставили своей целью убить его, они выбирали другие жертвы.

Но на этот раз, похоже, обошлось и вовсе без смертей.

Спустилась тьма.

Вернулась боль.

Но лишь за тем, чтоб через миг погаснуть.

Вновь появились краски.

Как выяснилось, зингарец совершенно зря беспокоился. За время видения, вблизи не появилось ни одного «лилового». Похоже, грабители неспроста выбрали для промысла именно это место. Любопытством жители окрестных домов не отличались.

Монтейро даже не пытался отыскать ту дорогу, по которой он сюда пришел. Так не выберешься, а скорее еще больше заплутаешь. Монах просто решил идти прямо на полдень и никуда не сворачивать.

План сработал замечательно. Не прошло и четверти колокола, как зингарец очутился на оживленной улице.

Удача к нему возвращалась! Вот и видение на этот раз закончилось благополучно. Зингарца очень угнетала мысль, что он своим поспешным выбором мог лишить мальчишку жизни. Быть зрителем — это одно, а выступать в роли судьи совсем другое.

— Добрый человек, — обратился Монтейро к одному из прохожих, — не укажите путь к постоялому двору «Морской Змей»?

— Вам сейчас по этой улице, — начал объяснять дорогу немолодой стигиец, — в сторону заката идти надо. Как увидите трехэтажный серый дом, сворачивайте направо. Потом прямо и через четверть колокола прям к «Змею» и выйдете.

— Спасибо, — поблагодарил стигийца Монтейро.

Только он собрался последовать по указанному пути, как взгляд его уперся в толстого

торговца, несшего на шее короб с фруктами.

— Груши! Спелые груши!

Опять. Зингарец был готов головой об землю биться. Когда же этот кошмар наконец закончится?! Он начал высматривать в толпе мальчишку. Если верить видению, он вот-вот должен был подойти к торговцу.

— Самые вкусные груши! Самая низкая цена!

Толстяк продолжал зазывать к себе покупателей. Вот только в реальном мире торговля у него не клеилась. Груши никто не желал приобретать, в том числе и мальчишка.

Ободренный увиденным зингарец двинулся в таверну, тихонечко насвистывая мотивчик песенки про злостное предательство. Стесняться было нечего. Если кто и заметит, так решит, что блаженный.

— Дяденька, смотри, какой у меня кувшин!

Голос был удивительно знакомым. Монтейро не потребовалось много времени, чтобы понять, кому именно он принадлежит.

Зингарец очень медленно повернул голову. Мальчишка сидел на том же месте, что и Монтейро в призрачном мире. Вот только кувшин находился не у дома напротив, а стоял прямо перед мальчишкой.

Монах посмотрел на солнце. По сравнению с видением оно немного сместилось в сторону заката. Это означало, что у мальчишки было в запасе время, чтобы оттащить кувшин к своему дому, а змея уже успела заползти внутрь.

— Правда, большой? – спросил паренек у зингарца и начал просовывать руку в горло сосуда. Она не пролезала, но мальчишка не сдавался.

Одно слово. Хватит всего лишь одного слова, чтобы спасти эту жизнь. А можно просто взять и вырвать кувшин со змеей из рук мальчишки. Но тогда он сделает очередной шаг к безумию. А это было совершенно невозможно, тем более сейчас, когда он обрел ключи к спасению. Но и смотреть на смерть ребенка он был не в силах. Заветные слова уже вертелись на языке, и рука была занесена, готовая вышибить кувшин с ползучим гадом.

Но время шло, а зингарец так и стоял. Мальчишка пропихнул руку внутрь, а через мгновение громко вскрикнул.

Монтейро отвернулся от него и пошел прочь. Он так и не смог сделать выбор. Эта смерть всё-таки осталась на его совести.

Оставшееся до постоялого двора расстояние зингарец преодолел без приключений. Может, наконец повезло. А возможно, причина крылась в странном приказе Карфота, обращенном к одному из «лиловых». Монтейро расслышал лишь одну фразу, но и она заставляла задуматься. Зеленоглазый велел «отсечь все концы, ведущие к монаху». По своему положению в иерархии стигийских магов Карфот явно стоял повыше подмастерья.

В «Морском Змее» Монтейро был однажды. Он и еще двое монахов приходили сюда, чтобы забрать «внезапно почувствовавшего слабость» брата. Заведение зингарцу не понравилось. После прибытия на Побережье у него выработалась стойкая неприязнь к магии во всех её проявлениях. За причиной далеко ходить было не надо. Конечно же, дело было в проклятье.

Монах молча прошествовал сквозь обеденную залу к лестнице. Правда, не удержался и бросил короткий взгляд на сцену, где юные прелестницы снимали с себя последние остатки и так не богатого гардероба. Косых взглядов, о которых предупреждал «лиловый», почему-то не наблюдалось.

Комната, как и сказал Карфот, оказалась не заперта. Обстановка внутри и вправду располагала скорее к развлечениям, а не переговорам. Главным местной достопримечательностью вне всякого сомнения являлась гигантских размеров кровать. На ней

без труда уместилось бы человек семь-восемь. А вот стул в комнате был один, равно как и стол.

Монтейро присел на краешек царского лежбища, сложил руки на коленях и стал ждать. Волнение, охватившее монаха, было столь велико, что мысли его пришли в оцепенение. Он просто сидел, смотрел в одну точку и страшно переживал.

Из этого ступора его вывел стук в дверь.

— Да, — отозвался монах.

— Это Рашил, — донесся голос из-за двери. – Я могу войти?

— Конечно, — возможно, с излишней поспешностью произнес зингарец.

Представителем Хозяев оказался полноватый офирец с очень приятным лицом. Даже полностью лиловый камзол не мог развеять того ощущения доброжелательности, что исходило от этого человека.

— Вы, я так полагаю, Монтейро?

Монах кивнул.

— Замечательно, — сказал Рашил. – Карфот поручил мне заключить с вами сделку. Если вы не передумали?

— Нет, — подтвердил свои намерения Монтейро. – От договоренностей я отступать не намерен.

— Просто прекрасно, — всплеснул руками офирец. – Знаете, столь редко среди митриан попадаются разумные люди.

Зингарца аж перекосило от двусмысленности фразы.

— Вы не обиделись? – поспешил поинтересоваться Рашил. – Я не собирался говорить про ваш орден гадости, но отрицать некоторую закостенелость мышления просто невозможно.

— Всё в порядке, — развеял его сомнения Монтейро. – Что вы желаете получить в обмен на спасение от проклятья?

— У вас хорошая хватка, молодой человек, — похвалил зингарца Рашил. – Стремитесь сразу разрешить все вопросы.

— Спешу уладить свою проблему, — не стал кривить душой Монтейро.

Зингарец и вправду очень боялся, что его накроет очередное видение. А может статься и не одно.

— Не всё так просто, — сказал офирец. – Вы несомненно превосходно ориентируетесь в вопросах веры, но я всё-таки уточню пару деталей. Монтейро, вы осознаете последствия своего поступка?

— Почему вы все пытаетесь меня разубедить? – поинтересовался зингарец. – Сначала Карфот, теперь вы. Какое вам дело до моих отношений с богами?

— Платой за нашу услугу, — ответил Рашил, — явится ваша служба. Вы будете держать нас в курсе всех событий, происходящих в вашем ордене. Иногда мы будем поручать вам раздобыть те или иные сведения. Ответьте мне, Монтейро, зачем нам слуга, который не проживет и двух дней?

— Думаете, Митра меня покарает? – усмехнулся монах. – Он в Сартос и не заглядывает. В противном случае я бы с вами не говорил.

— Не судите о богах по человеческим меркам, — предостерег офирец Монтейро. – Это несколько иные существа. Они редко откликаются на молитвы, зато очень скоры на гнев. Мы отнюдь не жаждем уговорить вас отказаться от соглашения. Мы просто стараемся предостеречь от опрометчивых поступков. Возможно, Митра и не обратит внимания на вашу измену, подобное не редкость. Только не надо считать, что вам всё дозволено. Храните верность постулатам своей религии.

— Вы советуете мне быть осторожным? – подвел итог Монтейро. – Такому совету просто

нельзя не последовать! Вот только я это всё и сам знал.

— Не злитесь, — обратился Рашил к зингарцу. – Вряд ли вы сейчас способны испытывать добрые чувства к своему богу, так что я был просто обязан затронуть вопрос о гранях дозволенного. Я очень рад слышать, что вы в курсе возможных последствий и наступления их не желаете.

— Простите, — сказал Монтейро. – Я немного погорячился. В последнее время я сам не свой.

— Ничего удивительного, — позволил себе колкость Рашил. – Но теперь всё будет в порядке. Я сейчас возьму у вас пару капель крови, и к полуночи мы освободим вас от власти проклятья.

— Просто так? — удивился зингарец. — Я думал, будут какие-то условия.

— Я уже сказал, — ответил ему «лиловый». – Верная служба. Когда нам потребуется доклад, мы призовем вас. Вот и все условия. Можете считать, что договор вступил в силу.

Монтейро только и смог что кивнуть.

— Дайте мне вашу руку, — сказал Рашил.

Офирец достал из ножен кинжал, взял со стола маленькое серебряное блюдце и сделал небольшой надрез на кисти монаха.

— Всё, — сказал «лиловый», когда накапало достаточно крови. – Отправляйтесь к себе и ни о чем не беспокойтесь.

— Был рад знакомству, — сказал Монтейро и откланялся.

Несмотря на огромное желание пропустить пару бокалов вина, в «Морском Змее» монах задерживаться не стал. В гнев богов он, конечно же, не верил, зато искренне опасался, что настоятель или какой другой дотошный монах сумеет прознать про заключенную им сделку.

Хотя бы первое время стоит вести примерный для митрианца образ жизни, чтобы ни у кого подозрений не возникло. Стигийцы ведь тоже наверняка за ним следить будут. Их внимание следовало непременно усыпить. И лишь, когда всё утрясётся, можно будет отправляться на поиски защитного амулета.

За сегодняшний день Монтейро прилично походил по Сартосу, и сейчас его ноги ныли от усталости. Он мечтал поскорее добраться до своей кельи и отдохнуть.

— Давай убьем его! – слова эти прозвучали очень странно. Слышны они были замечательно, но исходили откуда-то совсем издалека. Точно таким же образом Монтейро вчера подслушал беседу отца-настоятеля и неизвестного дельца с базара.

Но тут дело было другое. Монтейро нутром чуял, что обладатель голоса предлагал отнять именно его жизнь.

— Это не он, чудак! Неужели сам не видишь?!

Монах начал озираться по сторонам. Жизненно важно было увидеть говоривших. Но народу вокруг было слишком много, да и расстояние до потенциальных убийц неизвестно какое.

— В нем тоже есть сила.

— Не спеши! Ждать осталось совсем недолго. Он скоро будет здесь.

— Сначала монах!

И тут зингарец их заметил. Двое немолодых людей, что подпирали спинами стену желтоватого дома. Один из них устремился к Монтейро.

Монах отступил на шаг и приготовился бежать, но неожиданно убийца словно потерял интерес к его персоне. Зингарцу показалось, что он заметил в толпе кого-то знакомого и пожелал остаться неузнанным. Причем желание это было настолько сильным, что он и думать позабыл о монахе.

Монтейро порадовался такому раскладу. Тем более, что перстень на правой руке убийцы,

заставил его похолодеть от ужаса. Он был выполнен в виде золотого павлина. Этот человек был саббатейцем.

До обители зингарец добирался чуть ли не бегом. При этом постоянно озирался по сторонам. И лишь, когда оказался у заветных дверей, смог облегченно вздохнуть.

Большинство монахов посматривало на зингарца с плохо скрываемым сочувствием. Монтейро было немного жаль, что никто из них так и не полез к нему с лекциями о пользе молитв и смирения. Зингарцу очень хотелось поскорее начать разыгрывать примерного монаха.

«Надо вечером зайти к настоятелю, — подумал он. – Извиниться за необдуманные слова. А сейчас к себе — спать».

Добравшись до кельи, Монтейро немедля завалился на лежанку. Раздеваться не стал. Сил на это уже не осталось.

Сон к зингарцу пришел скоро. Вот только был он не совсем обычный. Вернее говоря, до прибытия на Побережье Монтейро счел бы его странным.

Вновь монах парил в темноте.

Это видение положительно отличалось от всех прочих. Оно было одновременно и непонятным, и радостным. Здесь не было места горю.

— Иди ко мне, — звал Монтейро огонь, сияющий во тьме.

И зингарец следовал зову. Плыл на свет своего маяка. Огонь этот был необычным. Он казался монаху частью окружающей его темноты. Впрочем и сам он был плоть от плоти этой темнотой.

— Найди меня. Поскорее.

Огонь стал ближе. Зингарец разглядел в его сердце человеческое лицо. Черты разобрать пока не получалось. Всё-таки слишком далеко.

Но ничего, у него еще будет время.

Монтейро не сомневался, что это не последний визит в темноту.

Глава 11.
«О необычных вещах»

Магический свет, рождавшийся из стен внутри поместья, вызывал у Конана чувство легкого раздражения. Киммериец предпочел бы, чтобы освещение было несколько слабее и имело естественное происхождение.

Но это были придирки. Пока всё шло просто замечательно. Проникнуть внутрь поместья труда не составило. Перескочить забор, обойти пару ловушек во дворе и забраться в окно второго этажа – для опытного вора плевое дело.

Хотя именно идеальность происходящего и настораживала Конана.

План проникновения в цитадель Хозяев окончательно оформился только этой ночью, то есть три колокола назад. В нем были совмещены наработки киммерийца и главы сартосских воров. Основной идеей его являлась простота.

К чему придумывать всякие хитрые магические уловки, когда достаточно проявить смекалку? «Лиловый» достал для киммерийца доспех стражника поместья и обучил его основным условным знакам. Для верности решили повязать на правую руку кусок лиловой ткани. Так собственно и была решена проблема невозможности скрытного передвижения по поместью.

Также «лиловый» клялся и божился, что к киммерийцу вообще цепляться бы не стали, хоть он голый внутри появись. Хозяева в последние дни приобрели привычку не совать свой нос в чужие дела. «Лиловые» вроде как тоже начали эти наклонности перенимать. В чем причина, неизвестно. Но факт оставался фактом.

Самые оживленные споры возникли на счет путей передвижения по поместью. Конану одни ловушки казались менее смертоносными, «лиловому» другие. В итоге, при выборе решено было исходить из степени людности тех или иных коридоров. Там, где постоянно много народу ходит, капканы ставить нецелесообразно.

С сокровищницей все было просто. Её охраняли двое «лиловых».

К ним в данный момент Конан и приближался. Эти двое стали первыми людьми, встреченными киммерийцем в поместье. Конана предупреждали, что внутри безлюдно, но что настолько, он себе и представить не мог.

Киммериец уверенной походкой приближался к стражникам. За свою жизнь Конану случалось побывать и десятником, и сотником, и тысячником, так что он отлично знал, как должен выглядеть человек, проверяющий стражу.

И вновь всё прошло, как по маслу. «Лиловые» вместо того, чтобы забрасывать Конана глупыми вопросами «кто такой», «откуда», вытянулись по струнке. Киммериец подошел к ним на расстояние удара коротким кинжалом и совершил то действие, в честь которого было названо данное расстояние. Стражи, не издав ни звука, осели на пол.

С формальностями на входе было покончено.

Разумеется, Хозяева не надеялись, что двое стражников сумеют защитить их собрание артефактов. Они здесь стояли только для виду.

Главной проблемой была дверь. Но когда у тебя есть сообщники среди «лиловых», всё преодолимо. Заправила воровской организации, контролирующей базар Сартоса, выдал Конану одно замечательное колечко. Оно служило своеобразной отмычкой для дверей в сокровищницу. Откуда это чудо взялось, киммериец так и не выяснил.

Конан достал из нагрудного кармана сей артефакт, надел его и приложил к замочной скважине. Металл, из которого было сделано кольцо, вмиг стал жидким и заполнил собой пространство замка. Через несколько мгновений раздался щелчок, и двери отворились.

Как просто воровать у тех, кто мнит себя полностью защищенным!

Сокровищница киммерийцу понравилась своей организацией. Порядку, царившему внутри, можно было только позавидовать. Все предметы были аккуратно рассортированы и разложены по стеллажам.

Киммериец затащил внутрь сокровищницы тела поверженных стражников. На полу остались кровяные разводы, но лучше это, чем два трупа.

Деревянная чаша, за которой и послали киммерийца, по словам «лилового» лежала на девятом стеллаже, если считать справа. К несчастью, помимо неё там хранилось немало других мелких по своим размерам артефактов. Так что чашу удалось обнаружить не сразу. Стояла она препогано, на самой нижней полке, надежно прикрытая фигуркой льва с удивительно большими глазами.

Чашу Конан забрал и отправился на поиски второго артефакта, которому предстояло сегодня покинуть сокровищницу. «Лиловый» описывал его как кусок горного хрусталя. Действие его было подобно тому, что продемонстрировало кольцо-отмычка. Только хрусталь не отпирал замок, а взламывал дверь и делал это очень основательно, сметая все защитные заклятья. Самое приятное, что шуму он не производил и спокойствие магического поля не тревожил.

Хранился хрусталь на семнадцатом стеллаже. Как и девятый, он был заполнен великим множеством крохотных артефактов.

Конан тихо выругался и приступил к поискам.

Но стоило ему обнаружить хрусталь и положить его в карман, как в сокровищнице послышались шаги. Киммериец замер. Неведомый любитель погулять по хранилищу артефактов приближался к семнадцатому стеллажу.

Конан приготовился его встретить. На восемнадцатом стеллаже лежало зачарованное оружие. Киммериец с собой в поместье взял лишь два кинжала, так что грех было не позаимствовать у магов что-нибудь более внушительное. Выбор пал на длинный одноручный меч. Киммериец на цыпочках подошел к окончанию стеллажа и занес меч над головой, приготовившись опустить его на ночного гостя.

Шаги раздавались всё ближе и ближе. И вот из-за стеллажа показался человек. Конан ударил, но незнакомец успел отреагировать, выставив своё оружие под удар.

Киммериец попытался левой рукой врезать противнику по печени, но тот отпрыгнул на шаг назад. Конан его узнал. Перед ним был маг первого круга приближения, Арзарес. «Лиловый» дал точное описание. Этот парень и вправду был довольно крупным и меч умел держать.

Но киммерийца личность Арзареса интересовала сейчас постольку поскольку. Куда важнее было его прикончить.

Конан нанес рубящий удар слева. Арзарес закрылся и попытался контратаковать. Киммериец не стал отводить его меч, а отпрыгнул вправо, одновременно пытаясь поразить мага снизу.

Арзарес защитился, но довольно неуклюже. Конан, воспользовавшись этим, перешел в атаку. Один за другим он обрушивал на стигийца удары огромной силы. Тот по большей части их отводил, жалея кисти рук.

На миг Конан открылся, давая возможность магу перейти в атаку. Арзарес лезть вперед сломя голову не спешил. Вместо этого он сделал шаг назад и приготовился к защите. Но на этот раз не суматошной, а расчетливой, из которой в любой миг мог бы контратаковать.

Киммериец попытался достать мага выпадом. Тот успел отскочить и рубанул справа сверху

вниз. И тут Конан вместо того, чтоб закрыться, как этого ожидал стигиец, неуловимым движением поднырнул под меч и попытался ударить Арзарес по ногам. Маг каким-то чудом успел перехватить ту руку киммерийца, в которой находился меч, но вот остановить полет левого кулака в район печени ему было не суждено.

Ноги у мага подкосились, и он упал. Киммериец занес меч, чтобы добить его и… застыл, не в силах пошевелиться.

— Хорошая была схватка, — сказал Арзарес, поднимаясь на ноги, — но надо и честь знать. Поразмялись, теперь можно и делом заняться. Ты на меня зла не держи, вор, что убить себя не позволил. В бою ты честно победил, я это не отрицаю.

Всегда, когда дела идут слишком хорошо, происходят подобные гадости. Что могло заставить мага первого круга придти в сокровищницу в предрассветный колокол? Сет его знает, а ведь заставило что-то!

— Сейчас я сниму с тебя часть уз, — сказал Конану стигиец. – Будь добр, не делай глупостей, всё равно ничего хорошего не выйдет.

Конан отлично помнил, что «лиловый» рассказывал об Арзаресе. Он невероятно талантливый маг, но при этом почти необученный. Что из этого следовало? То, что можно и ослушаться рекомендаций Арзареса и попытаться сделать глупость. Хуже уже быть не может.

Стигиец начал бормотать заклинание. Конан приготовился.

В миг, когда узы спали, киммериец рванулся за стеллаж со всей скоростью, на которую был способен. На стигийце, скорее всего, лежало какое-то защитное заклятье, что парализовало Конана, когда он пытался зарубить мага. Значит, нечего и пытаться достать его с помощью стали. В конце концов, кулаки тоже оружие.

Арзарес, видать, с расстройства не подумавши сунулся за киммерийцем. Но тот и не думал убегать. Конан притаился прямо за углом стеллажа. И стоило показаться голове Арзареса, как на неё обрушился сильнейший удар справа. Будь на месте мага кто послабее, валяться бы ему со сломанной шеей. Стигиец же даже сознания не потерял. Он попытался было произнести заклятье, но кулак киммерийца, врезавшийся ему в челюсть, не позволил этого сделать. Удар этот отправил мага в полет, завершившийся приземлением головой об пол.

Стигиец наконец потерял сознание.

Конан только обрадовался победе, как обнаружил, что снова заколдован.

«Дурак! – обругал себя киммериец. – Надо же было так сглупить! Забыл, с кем дело имею. Неужели маг только от стали защищать себя станет? Заклятье, наверняка, с десяток невзгод учитывает».

Пришлось ждать, пока Арзарес очухается.

Вот и представился случай выяснить, будет ли хуже, чем во время первого пленения.

Маг сначала застонал, потом зашевелился. Какое-то время он прибывал в некоем полуочнувшемся состоянии. Потом, видимо, вспомнил, что с ним случилось, и сразу резко встрепенулся. Увидел застывшего в дурацкой позе Конана и довольно улыбнулся.

— Ты, я гляжу, не дурак, — сказал маг, ощупывая челюсть. – Впредь буду осторожнее.

Повторять попытку частичного освобождения пленника Арзарес не стал. Вместо этого, ушел куда-то вглубь стеллажей. Проследить за ним киммериец не мог, голова не поворачивалась.

Через некоторое время где-то сзади и справа раздался шум от падающих с полок артефактов. За этим последовало короткое, но емкое ругательство на стигийском.

Пред Конаном Арзарес предстал вместе с небольшим синим кубиком в руках.

— Ты уже можешь говорить, вор, — сообщил Конану маг.

— Приятно слышать, — скорее для проверки, а не ради куртуазности произнес киммериец.

Кубик вдруг изменил свой цвет на зеленый.

— Замечательно, — объявил Арзарес. – Артефакт воспринял тебя, вор. Он будет определять, говоришь ты правду или врешь. Мои возможности в магии несколько ограничены, так что эта штучка самое то для нашего случая.

— У меня светлые волосы, — сказал киммериец и посмотрел на кубик. Тот стал красным, но вскоре вновь вернул себе привычный зеленый окрас.

Стигиец улыбнулся.

— Видишь, работает, — довольно сказал он. – Отвечай, вор, за чем именно ты сюда влез?

— За артефактом, — ответил киммериец.

— Не тяни время, — недовольно произнес Арзарес.

— За маленькой деревянной чашей, — уточнил киммериец.

Половина кубика стала красной, другая осталось зеленой.

«Мудрая штука», — подумал Конан.

— Еще за чем?

— За куском горного хрусталя, отпирающим двери.

Кубик стал целиком зеленым. Арзарес удивленно переводил взгляд с артефакта на киммерийца.

— Ты знаешь, для чего служит чаша? – спросил маг.

— Нет.

— Кто нанял тебя?

— Я не знаю его имени.

Арзарес недовольно нахмурился, но кубик показывал, что Конан говорит чистую правду.

— Тогда расскажи мне об этом человеке?

— Он – вор. Внешне самый обыкновенный стигиец. Знаю, что у него есть друзья среди «лиловых».

— Он приказал тебе добыть чашу и хрусталь?

— Нет, только чашу. Хрусталь я собирался оставить себе.

Тут маг громко расхохотался. И очень долго не мог остановиться. Разве что по полу не катался.

— Давно я такого удовольствия не получал, — признался Арзарес, чуть успокоившись. – Сначала драка хорошая, а теперь допрос, как в старые добрые времена. Знаешь, вор, я ведь раньше стражником работал. Скольким твоим собратьям мне языки приходилось развязывать, уж и не припомнить! Хороший ты вор, парень. Знатно от ответов уходишь.

Конану вспомнилась собственная молодость, когда его точно так же допрашивали шадизарские дознаватели.

— Пытать, я думаю, тебя бесполезно, — продолжал стигиец. – Но тут есть множество забавных вещиц, способных заставить человека говорить против его воли.

— И как же это? – полюбопытствовал Конан. За долгие годы схваток с магами он усвоил, что ментальная магия самая сложная, а в её разделы, связанные с чтением мыслей, лезли только самые упорные колдуны.

— Не знаю, — признался Арзарес. – Но артефакты рабочие. Проверено. Вот только я их к тебе применять не буду. Я лучше заставлю тебя послужить мне.

Ответить Конан не успел. Маг вновь скрылся из поля его зрения.

Вернулся он еще с одним артефактом. Киммерийцу показалось, что он его уже видел. Вроде бы, на десятом стеллаже. Выглядел артефакт как переплетенные меж собой четыре тонкие веточки.

— Это хитрое приспособление, — начал разъяснение Арзарес, — служит для того, чтобы направлять волю человека в определенное русло, не подавляя её. С одной стороны, вор, ты

будешь полностью свободен. С другой, просто не сможешь не выполнить моего приказа.

— Не понимаю, — признался Конан. Если уж маг решил рассказать, как артефакт действует, то надо выпытать из него все подробности, чтобы знать, как с влиянием этой штуки бороться.

— Тяжело объяснить, — сказал стигиец. – Я сам лишь однажды видел, как этим пользовались. По значимости моя воля сравняется с исполнением одного из твоих заветных желаний. Ты сам захочешь поскорее исполнить мой приказ, но при этом не будешь делать таких глупостей, что непременно сотворил бы, пребывая под заклинанием «контроля». Еще мне придется тебя немного ограничить в плане этого нашего разговора. Здесь я применю обратный эффект. Сама мысль о том, чтобы рассказать кому-нибудь, что поход за артефактами окончился неудачей, будет вызывать у тебя отвращение.

Возможности артефакта произвели на Конана впечатление. Что же тогда должна делать чаша, если «лиловый» велел утащить её, а не эти четыре ветки?

— И в чем же будет состоять твоя воля, маг? – спросил киммериец у Арзареса.

— Не спеши, — сказал маг. – Сначала задействую артефакт, а потом всё расскажу.

У Конана не оставалось иного выбора, кроме как согласиться подождать. С четырьмя ветками Арзарес работал долго, трижды начинал заново своё обращение к артефакту. Прав был «лиловый», маг сильно необученный.

Когда стигиец закончил возиться с ветками, Конан этому вполне искренне обрадовался, несмотря на то, что заколдовывать собирались именно его.

— Слушай внимательно и не перебивай, — велел Арзарес киммерийцу. – Это может плохо сказаться на магии артефакта. Тогда придется всё заново переделывать. Если появятся вопросы, задашь их, когда я закончу. Понятно?

— Вполне.

— Пять дней тому назад, — начал рассказ стигиец, — у нас в поместье появился дух, магическое существо, близкое по возможностям к полубогу. Он занял тело одного из стражей. Звали того парня Ксарти, это же имя принял и дух. К нам он обратился за помощью в поисках трех существ, похожих на него. Ксарти называет их братьями. Четыре дня мы безуспешно разыскивали их по всему Сартосу. Не обнаружилось ни малейшей зацепки, где они могли бы скрываться. Вчера же днем к дверям нашего поместья подошел немолодой туранец и попросил его провести к стражнику в библиотеке. Имен он не называл, но крутившиеся у ворот младшие маги сразу поняли, о ком идет речь. Визитера без промедления препроводили к Ксарти. О дальнейших событиях я знаю только со слов духа. Туранец рассказал ему, что является членом некого Общества. Они ставят своей целью помочь исчезнувшему столетия назад полубогу вернуться в наш мир и обрести былое величие. Им совсем недавно открылось, что полубог, которого они ждут, возродится в Сартосе. И они прибыли сюда, чтобы слиться с ним, но возникла проблема. Когда они проводили обряд, то вместо одного полубога они увидели четырех. И первым был именно он, Ксарти. О том, что случилось дальше, дух умолчал. Известно лишь, что встречи с Ксарти туранец не пережил. Через два колокола после того, как Дамар, а именно так звали того человека из Общества, вошел в покои Ксарти, дух призвал к себе троих магов первого круга приближения. Одним из них являюсь я. Ксарти пересказал нам то, что поведал ему туранец и призвал обратить внимание на его труп. В теле Дамара скрывалась удивительная по своей структуре и силе магия. Туранец не был человеком в полном смысле этого слова. Похоже, его слова про слияние были истинной правдой. То, что лежало перед нами могло стать идеальной оболочкой для высшего существа. Но Ксарти утверждал, что заделана она не под него. Он велел нам найти двух оставшихся членов Общества и убить их. Я же поручаю это задание тебе.

Четыре палки на миг вспыхнули золотом, а затем погасли.

— Я так полагаю, есть вопросы, — предположил Арзарес.

— Множество, — ответил Конан. – Для начала, маг, есть ли описание этих двоих?

— Нет, — покачал головой стигиец. – Дамар погиб прежде, чем успел о них рассказать.

Походило на то, что или полубог очень трусливый, или в теле туранца крылась настолько серьезная магия, что его следовало, как можно быстрее, убить.

— Плохо, — сказал киммериец.

— Возможно, они, как и туранец, носят кольцо с вделанным в него крупным алмазом. Наверняка, на их телах такая же татуировка, как у Дамара. Сейчас покажу.

В сознании Конана возник замысловатый рисунок.

— «Лиловые» занимаются поисками? – задал следующий вопрос киммериец, по ходу отметив, что он и в самом деле жаждет отыскать тех двоих. То, что желание это искусственно сотворенное, на решимости никак не отражалось.

— Пока нет, — сказал Арзарес. – Но сегодня на рассвете они получат инструкции. Сначала Ксарти хотел возложить поиски членов Общества исключительно на плечи Хозяев, но передумал.

— Значит, вчера ту парочку искали только маги?

— И то не все. Думаю, от «лиловых» толку будет больше. Ну, и на тебя я тоже надеюсь. Знаешь, вор, я считаю, что надо тебе назначить награду. Так будет надежнее. Артефакт – это хорошо, а корысть лучше.

Конан понял, что его шанс. Арзарес не доверял своему волшебству, так что о награде он говорил, скорее всего, серьезно.

— Что ты можешь мне предложить? – поинтересовался киммериец.

— Спрашивай, а я отвечу, лежит ли это в пределах моих возможностей.

И киммериец решил рискнуть.

— Мне нужен пес, который сейчас у Биреса.

— Вот зачем ты сюда влез! – догадался Арзарес.

— Отдайте мне пса, и я вам тех двоих из-под земли достану.

— Интересный ты парень, вор, — сказал Арзарес. – Я добуду для тебя собаку. В напоминание о славных днях моей юности. Клянусь Сетом.

— Приятно иметь с тобой дело, маг, — ответил киммериец.

— Взаимно, — усмехнулся его собеседник…